

17/2019

ИСТОРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ ПРИДНЕСТРОВЬЯ

ИЗ ИСТОРИИ ГОРОДОВ
И СЕЛ
ПРИДНЕСТРОВЬЯ

75 ЛЕТ
ОСВОБОЖДЕНИЯ
ПРИДНЕСТРОВЬЯ
ОТ НЕМЕЦКО-
ФАШИСТСКИХ
ЗАХВАТЧИКОВ

30 ЛЕТ ОСТК

ИЗ ИСТОРИИ
КУЛЬТУРЫ
И РЕЛИГИИ
ПРИДНЕСТРОВЬЯ

95 ЛЕТ
ОБРАЗОВАНИЯ МАССР

АРХЕОЛОГИЯ
ПРИДНЕСТРОВЬЯ

ПРИДНЕСТРОВЬЕ
В СОВРЕМЕННЫХ
РЕАЛИЯХ

МЕМОРИАЛ
ПРИДНЕСТРОВЬЯ

Приднестровская делегация на приеме
у Патриарха Иерусалимского
Феофила III в 2019 г.

17/2019

ИСТОРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ ПРИДНЕСТРОВЬЯ

НАУЧНОЕ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ
ОСНОВАНО В СЕНТЯБРЕ 1997 г.

УЧРЕДИТЕЛИ:

Государственная служба по культуре
и историческому наследию ПМР

ПГУ им. Т.Г. Шевченко

Приднестровское историческое общество

Редакционная коллегия:

В. С. Синика
Главный редактор

А. З. Волкова

М. Н. Кашлева

Е. М. Бобкова

С. А. Фидельский

С. О. Симоненко

А. А. Мельничук

И. Г. Смирнова

ББК 94.3
И90

Исторический альманах Приднестровья. — Тирасполь–Бендеры:
И90 ГУИПП «Бендерская типография «Полиграфист», 2019. — № 17. — 212 с.

На обложке:

Первая страница: Приднестровская делегация на приеме у Патриарха Иерусалимского Феофила III в 2019 г.

Четвертая страница: Зеркало с изображением сфинксов и благопожелательной надписью второй половины XIV — начала XV в. из раскопок Днестровской археологической экспедиции у с. Глиное Слободзейского района в 2018 г.

© Государственная служба
по культуре и историческому
наследию ПМР, 2019.
© ПГУ им. Т.Г. Шевченко, 2019.
© Приднестровское историческое
общество, 2019.

«БЕНДЕРСКАЯ ХРЕСТОМАТИЯ»: ВЗГЛЯД ИЗ 2019-го

М. И. Гончарова,

главный библиотекарь юношеского отдела

муниципального учреждения

«Централизованная библиотечная система г. Бендеры»,

член Союза писателей Приднестровья;

О. А. Петрова,

заведующая юношеским отделом

муниципального учреждения

«Централизованная библиотечная система г. Бендеры»

Часто, стараясь лучше понять день сегодняшний, мы обращаемся к историческому опыту предыдущих поколений, ведь прошлое народа – великий учитель жизни. И на помощь нам приходят книги, в которых времен связующая нить протянута сквозь века и события. Книги, на страницах которых оживает история...

Не так давно (8 октября 2018) г. Бендеры отпраздновал свое 610-летие.

К этой знаменательной дате городской библиотекой был подготовлен трехтомный сборник «Бендерская хрестоматия» [1, 2, 3] (рис. 1). Издание уникально как по своему формату, так и по наполняемости: 950 страниц, более 200 авторов, около 300 фрагментов из литературно-исторических текстов. И все это о городе Бендеры!

Тома «Бендерской хрестоматии» открывают читателю город сквозь призму разных источников: в художественной литературе (том первый); в научных трудах, исторических документах и публицистике (том второй); в мемуарах, письмах, дневниках очевидцев или непосредственных участников тех или иных исторических событий (том третий).

Вполне понятно и закономерно, что у каждого из писателей – свое личное, преломленное сквозь призму творческой индивидуальности и исторического знания конкретной эпохи восприятие образов и событий, происходивших на бендерской земле на протяжении более шести столетий.

Бантыш-Каменский и Вельтман, Вигель и Энгельгардт, Михайловский-Данилевский и Костомаров, Шафиров и Свиньин, Пушкин и Рылеев, Шевченко и Загребельный, Кантемир и Стамати, Негруцци и Хиждеу...

В рубрике

ИЗ ИСТОРИИ ГОРОДОВ И СЕЛ ПРИДНЕСТРОВЬЯ

• «БЕНДЕРСКАЯ
ХРЕСТОМАТИЯ»:
ВЗГЛЯД ИЗ 2019-го

• РЕКОНСТРУКЦИЯ ЮГО-
ВОСТОЧНОЙ БАШНИ
ЦИТАДЕЛИ БЕНДЕРСКОЙ
КРЕПОСТИ В XVIII в.
(ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ)

• БЕНДЕРСКАЯ СТАРИНА:
ЦИКЛ КРАЕВЕДЧЕСКИХ
ЗАМЕТОК

• НАТЕЛЬНЫЕ КРЕСТЫ
С ГОЛГОФСКИМ СЮЖЕТОМ
(ИЗ СОБРАНИЯ МУЗЕЯ
АРХЕОЛОГИИ ПОДНЕСТРОВЬЯ)

• ПРАВОСЛАВНЫЕ
НАДГРОБНЫЕ СТЕЛЫ
ПРИДНЕСТРОВЬЯ XVII –
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПРОЕКТА
«ИМЯ НА КАМНЕ»)

• КИЕВЕЦ НА ДНЕСТРЕ.
ГОРОДИЩЕ У СЕЛА РАШКОВ?

• ИСТОРИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И
РАЗВИТИЯ ТИРАСПОЛЬСКОГО
ПЕДИНСТИТУТА В 1930–1945 гг.

Рис. 1. Обложки трех томов «Бендерской хрестоматии»

А еще – известные в нашей республике своим литературным творчеством Шпаков, Коротник, Сизова, Стоев, Литвиненко, Мазерина...

В разные исторические периоды не обошли вниманием древний город на Днестре летописцы, историки, ученые, путешественники, полководцы и писатели, и даже императоры. Их научные труды, дневники и письма поистине бесценны. Бесценны для исследователей, глубоко изучающих историю города Бендеры.

В настоящей работе приводится характеристика содержания «Бендерской хрестоматии» в соответствии с некоторыми знаменательными памятными датами в жизни города и края. Что дает возможность бросить еще один взгляд, уже из 2019-го, на результат коллективной исследовательской деятельности, длившейся несколько лет.

С главной исторической достопримечательностью города – Бендерской крепостью – связано сразу несколько памятных событий, юбилеи которых приходится на 2019 г. Это и 530-летие со дня рождения Мимара Синана (1489–1588), считающегося архитектором крепости. И 445-летие взятия ее объединенным войском молдавского господаря Иоана Водэ Лютото и украинского гетмана Ивана Сверчевского (1574). И 335-летие похода на Бендеры отрядов гетмана Степана Куницкого (1684).

Итак, обратимся к материалам «Бендерской хрестоматии».

Вот строки из знаменитой «Книги Путешествия» Эвлии Челеби, в которой можно найти описание крепости Бендеры: «...Так как русы разбили татар, когда татарское войско переправлялось через реку Днестр, то татарский хан попросил Сулеймана хана построить в этом месте крепость, и по высочайшему указу крепость была воздвигнута» [11, с. 176].

Ниже приведен отрывок из мемуаров, относящихся к истории Южной Руси, польского историка Леонарда Горецкого: «...Сверчковский, встретив врагов, немедленно ударил на них и нанес им поражение раньше, чем они успели развернуть свои силы и стать в боевой порядок... Казаки пустились в погоню за рассеянными врагами и многих перебили. Все, успевшие убежать, укрылись в Тегини, крепости, лежащей в турецких пределах; у этого города расположена была турецкая армия и татарская орда» [7, с. 57].

На этом знаменательные даты из истории Бендерской крепости не заканчиваются. В 2019 г. исполнилось 310 лет поражению в Полтавской битве и бегству под бендерские стены шведского короля Карла XII и украинского гетмана Мазепы (1709). У Вольтера в «Истории Карла XII, короля Швеции» читаем: «Короля с почестями сопровождает»

ли через пустыню, некогда именовавшуюся Гетской, до Бендер, и турки озаботились, дабы у него в пути не было никакого недостатка... Когда он доехал до Бендер, с ним было уже тысяча восьмьсот человек, и всем им предоставили жилище и пропитание за счет султана» [5, с. 20].

И уж коль выше упомянут Мазепа, отметим, что в 2019 г. – 380 лет со дня рождения и 310 лет со дня его смерти (1639–1709): гетман скончался и был первоначально похоронен в бендерских пределах (в с. Варница).

С еще одной неординарной исторической личностью – Григорием Александровичем Потёмкиным-Таврическим (1739–1791) – связана следующая памятная дата: 230 лет взятия Бендер русскими войсками. Небезынтересным будет отрывок из записок русской мемуаристки графини Варвары Головиной. Ожидая прибытия в город своего супруга, графиня стала невольным свидетелем светской жизни в Бендерах того времени: «Вечера у князя Потёмкина становились все чаще; великолепие и азиатская роскошь были доведены на них до крайности... На князе почти всегда было платье, отороченное собором, бриллиантовая звезда и Андреевская и Георгиевская ленты» [6, с. 53–54].

С тех пор пройдет не так много времени, и в Бендерскую крепость в качестве адъютанта (в период 1806–1807 гг.) при генерале Мейендорфе попадет Иван Котляревский (1769–1839). Приведем небольшой отрывок из составленного им «Журнала военных действий 2-го Корпуса войск под командою господина генерала от кавалерии и кавалера барона Мейендорфа»: «...Командующий, хотя и не входил в настоящее требование, чтобы взять крепость Бендерскую в совершенное овладение, однако ж за нужное сочтено, чтобы всех жителей и воинских людей, в крепости и на форштате живущих, переписать, и арсенал обревизовать по поверхности, приставить к нему свой караул, что сего числа исполнено» [8, с. 75].

В 2019 г. – 250 лет со дня рождения автора «Энеиды», украинского писателя И. П. Котляревского. В Бендерах в его честь была установлена мемориальная доска, его имя носит украинская гимназия № 3.

История, как, собственно, и литература, подчас непредсказуема в своей фактологии, полна

неожиданных ретроспектив и коллизий. Путешествуя по страницам «Бендерской хрестоматии», переносясь от творческих исканий талантливого украинского писателя Ивана Котляревского к произведениям гения русской словесности Александра Пушкина, вдруг понимаешь, как многого еще не знаешь и, возможно, не узнаешь никогда, сколько тайн скрыла от нас безжалостная завеса времени!

Сегодня уже никто не скажет точно, сколько раз был в Бендерах великий поэт А. С. Пушкин, 220-летие со дня рождения которого выпало на 2019 г. Несомненно только то, что бывал многократно, но всякий раз проездом, по пути то в Одессу, то на юг Бессарабии. В этой связи необходимо привести цитату из работы А. Г. Тихонова: «И только в двадцатых числах января (по новому стилю – в первых числах февраля) 1824 года вместе с чиновником особых поручений при генерал-губернаторе Воронцове Иваном Петровичем Липранди Пушкин наконец-то целенаправленно прибыл в давно манившие его своими тайнами Бендеры» [10, с. 115]. Получается, что со времени «целенаправленного» приезда прошло 195 лет!

Чем же, помимо поиска могилы Мазепы, Бендеры могли так заинтересовать поэта? Вот что пишет в своих воспоминаниях Липранди: «...Бендеры занимали Пушкина по многим отношениям, и, конечно, Варница была не на первом плане, хотя он и воображал в окрестностях Бендер найти следы могилы Мазепы...

Замечательнее всего было то, что до вступления на наместничество графа Воронцова в Бендерах, кроме солдат, никто не умирал... Бендерское население не иначе было известно, как под названием «бессмертного общества». Александр Сергеевич все это слышал... Он с нетерпением желал видеть Бендеры и оттуда съездить в Каушаны, где все грезилось ему, что он найдет какие-либо следы столицы буджацких ханов...» [9, с. 107].

Как и Александр Пушкин, Бендеры неоднократно, но гораздо позднее, по прошествии целого века, посещал и другой Александр, известный шансонье: «В Бендерах мы остановились в маленькой гостинице. Нам принесли самовар. Хозяин пришел поговорить с нами. У окон собралось посмотреть на меня все местечко. Это было так по-русски» [4, с. 211].

Конечно же, речь идет об Александре Вертинском (1889–1957), 130-летие со дня рождения которого отмечалось в 2019 г. И – что знаменательно – выступление в Бендерах русского эстрадного артиста состоялось 90 лет назад (июнь–июль 1929) в Пушкинской Аудитории!

Еще немало других исторических и литературоведческих открытий можно сделать, путеше-

ствуя по страницам «Бендерской хрестоматии» и пытаясь отыскать наиболее значимые памятные даты 2019 г.

Но эту возможность мы хотим предоставить уже самому читателю...

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бендерская хрестоматия. 2018. Т. 1. Город Бендеры в художественной литературе. Бендеры: Полиграфист.
2. Бендерская хрестоматия. 2018. Т. 2. Город Бендеры в научных трудах, исторических документах и публицистике. Бендеры: Полиграфист.
3. Бендерская хрестоматия. 2018. Т. 3. Город Бендеры в мемуарах, письмах, дневниках. Бендеры: Полиграфист.
4. Вертинский А. Н. 2018. Четверть века без Родины // Бендерская хрестоматия. Т. 3. Город Бендеры в мемуарах, письмах, дневниках. Бендеры: Полиграфист, с. 210–211.
5. Вольтер. 2018. История Карла XII, короля Швеции // Бендерская хрестоматия. Т. 1. Город Бендеры в художественной литературе. Бендеры: Полиграфист, с. 20–22.
6. Головина В. Н. 2018. Записки графини Варвары Николаевны Головиной // Бендерская хрестоматия. Т. 3. Город Бендеры в мемуарах, письмах, дневниках. Бендеры: Полиграфист, с. 52–56.
7. Горецкий Л. 2018. Описание войны Ивонии, Господаря Волошского // Бендерская хрестоматия. Т. 2. Город Бендеры в научных трудах, исторических документах и публицистике. Бендеры: Полиграфист, с. 57–59.
8. Котляревский И. Журнал военных действий 2-го Корпуса войск под командою господина генерала от кавалерии и кавалера барона Мейендорфа // Бендерская хрестоматия. Т. 3. Город Бендеры в мемуарах, письмах, дневниках. Бендеры: Полиграфист, с. 70–78.
9. Липранди И. П. 2018. Из дневника и воспоминаний // Бендерская хрестоматия. Т. 3. Город Бендеры в мемуарах, письмах, дневниках. Бендеры: Полиграфист, с. 106–107.
10. Тихонов А. Г. 2018. Пушкин – не Пушкин! // Исторический альманах Приднестровья. № 16, с. 115–116.
11. Челеби Эвлия. 2018. Книга путешествия (Сейхатнаме). Земли Молдавии и Украины // Бендерская хрестоматия. Т. 3. Город Бендеры в мемуарах, письмах, дневниках. Бендеры: Полиграфист, с. 176–180.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ БАШНИ ЦИТАДЕЛИ БЕНДЕРСКОЙ КРЕПОСТИ В XVIII в. (ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

С. Н. Разумов,

старший научный сотрудник

НИЛ «Археология» ПГУ им. Т. Г. Шевченко,

кандидат исторических наук;

С. А. Фидельский,

старший научный сотрудник

НИЛ «Археология» ПГУ им. Т. Г. Шевченко,

кандидат исторических наук;

И. А. Четвериков,

старший научный сотрудник

НИЛ «Археология» ПГУ им. Т. Г. Шевченко;

С. О. Симоненко,

научный сотрудник

НИЛ «Археология» ПГУ им. Т. Г. Шевченко

С 11 февраля по 23 марта 2019 г. Днестровская археологическая экспедиция ПГУ им. Т. Г. Шевченко провела исследования Юго-Восточной башни цитадели Бендерской крепости.

Крепость располагается на высоком правом берегу нижнего течения Днестра (*рис. 1*). В настоящее время крепостной ансамбль состоит из трех частей. Наиболее ранней является цитадель (первоначально — замок) в форме неправильного четырехугольника размерами 84x101x75x101 м, с восемью башнями по периметру, построенная турками, предположительно, в конце 30-х гг. XVI в. Позднее, в 1584 г., на второй береговой террасе, под цитаделью, была сооружена Нижняя крепость

(1,1 га). Внешняя (Большая) крепость, ограниченная бастионным фронтом, была создана на верхнем береговом плато (62,35 га) в начале XVIII в. [1, с. 44; 4]. Небольшие археологические исследования проводились И. Хынку в 1970 г. [6, с. 84] и Н. В. Гольцевой в 1990 г. [3] только на территории Внешней крепости. Цитадель до 2019 г. научным раскопкам не подвергалась.

Юго-Восточная, ближайшая к Днестру башня цитадели (*рис. 1*) базируется на невысоком многоугольном цокольном основании. В плане

*Рис. 1. План Бендерской крепости начала XIX в.
Стрелкой выделена Юго-Восточная башня*

имеет форму круга со срезанным (со стороны двора, с северо-запада) сегментом (*рис. 2*). Диаметр 12 м, толщина стен до 2,5 м, высота 13 м. В башне четыре яруса. Нижний ярус, исследованный в 2019 г., входа и бойниц не имел. Вход во второй ярус осуществляется со двора (первоначально имел наружную лестницу, поскольку уровень двора был ниже на 1,5–2 м). На третий ярус ведет вход с бо-

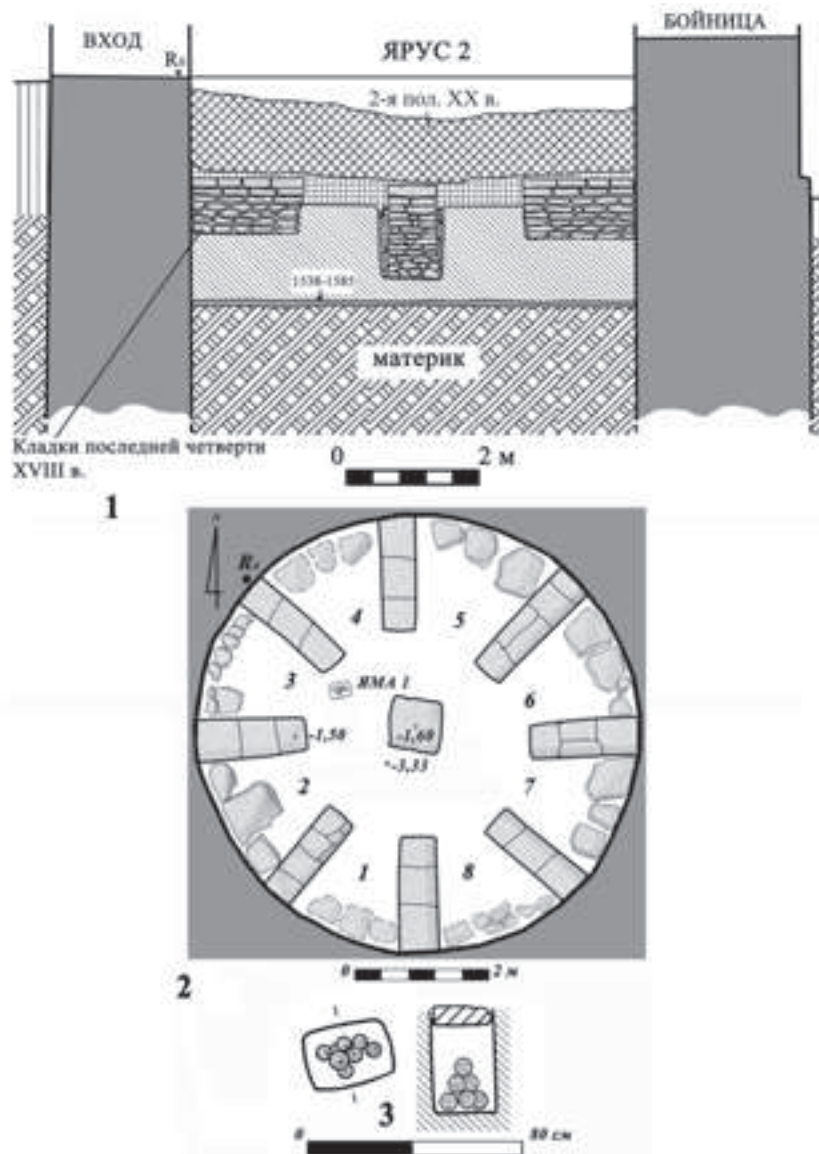

Рис. 2. 1 – разрез нижнего яруса башни по линии северо-запад – юго-восток; 2 – план нижнего яруса; 3 – яма 1

евого хода куртины. Каменная круговая лестница с третьего яруса ведет на верхний, четвертый, с мерлонами по периметру. В стенах второго яруса сооружены пять артиллерийских бойниц, в стенах третьего – четыре бойницы и один камин.

К началу раскопок нижний ярус был заполнен практически до уровня современного входа со стороны двора цитадели.

На глубине 3,35 м от уровня входа был расчищен пол башни в виде слоя известняковой крошки, скрепленной раствором. Его сооружение связано с первым строительным горизонтом башни (1538–1539 гг.). Второй строительный горизонт представ-

лен заполнением в виде светло-желтого суглинка, мощностью 1,6–1,7 м, использовавшегося в 1584 г. для засыпки нижнего яруса Юго-Восточной и, вероятно, других башен цитадели, чтобы укрепить их против усилившейся осадной артиллерии, подкопов и подрывов. Третий строительный горизонт датирован последней четвертью XVIII в. и связан с событиями русско-турецких войн. Его описанию и интерпретации полученных археологических материалов посвящена данная статья.

Итак, третий строительный горизонт представлен восемью радиальными кладками-«контрфорсами» и центральным столбом из плит известняка

на растворе, расположенными на 1,5 м ниже входа в башню. Радиальные кладки ориентированы строго по сторонам света (рис. 2: 2; 3). Их фундаменты, впущенные в слой светло-желтого суглинка 1580-х гг., укреплены многочисленными фрагментами обгоревшей черепицы, керамических труб, чугунными ядрами и бомбами. Между «контрфорсами», по периметру стен из отесанных плит и необработанных кусков известняка по кругу выложена специальная вымостка. Верхние два ряда кладок состоят из массивных, тщательно отесанных известняковых плит подквадратной формы размерами около 500х500 мм, толщиной 120–150 мм, сверху покрытых тонким слоем раствора. Поверхность всех восьми кладок строго горизонтальна, на одинаковой глубине (–1,50–1,51 м от уровня входа – очевидно, выверялась с помощью водного уровня). Нижние шесть рядов кладки «контрфорсов» состоят из почти не обработанных обломков известняка, в растворе битый кирпич. Над уровнем суглинка возвышались только первые два-три ряда кладок, о чем свидетельствуют и наплывы раствора (рис. 3). Дно ям, в которых были сооружены радиальные кладки, находилось на глубине около 2,3 м от уровня входа.

Поверхность центрального «столба» на 100 мм ниже поверхности кладок. Его верхняя часть перекрыта массивной квадратной плитой известняка размерами 700х700 мм, толщиной около 220 мм. Над уровнем суглинка возвышалась только эта плита. Остальные 12–13 рядов кладки в яме глубиной –3,03 м от уровня входа были сделаны небрежно, из различных фрагментов известняка, как отесанных, так и необработанных.

Все находки этого горизонта найдены в заполнении ям, в которых были сооружены радиальные «контрфорсы» и центральный «столб», а также в специально выкопанной яме 1.

Яма 1 (рис. 2: 3), подпрямоугольной формы, размерами 360х240 мм, глубиной –2,04 м от уровня входа, или 0,36 м от поверхности суглинка. Была перекрыта известняковой плиткой толщиной 80–100 мм, поверх которой был зафиксирован мощный слой золы и древесного угля. В яме кучкой были сложены восемь чугунных гранат диаметром по 80 мм, диаметры отверстий для запальных трубок 11–12 мм, толщина стенок до 10 мм. В отличие от подавляющего большинства остальных гранат и ядер горизонта 3, гранаты из ямы 1 не были повреждены и не являлись частью конструкций.

Рис. 3. Расчищенные «контрфорсы», центральный столб и пол нижнего яруса

Найдены также четыре поврежденные чугунные гранаты диаметром 75–86 мм и фрагмент еще одной гранаты диаметром около 90 мм. 39 цельных чугунных ядер по размерам можно разделить на несколько групп:

- 1) диаметр 41–44 мм (три экземпляра);
- 2) 55–60 мм (12 экземпляров);
- 3) 64–65 мм (семь экземпляров);
- 4) 70 мм (семь экземпляров);
- 5) 75 мм (три экземпляра);
- 6) 85–90 мм (пять экземпляров);
- 7) 120 мм (два экземпляра, от одного фрагмент около $\frac{1}{4}$ ядра).

Почти все ядра деформированы, многие покрыты строительным раствором. Таким образом, всего найдено 39 ядер (включая один фрагмент) и 13 гранат (с учетом фрагмента), из которых только 8 гранат не были выстрелены.

С горизонтом 3 также связаны находки изделий из металла, в том числе держатель для светильника железный кованый, в виде заостренного стержня, длиной 220 мм, сечение квадратное, 18х18 мм. К стержню приварена согнутая в незамкнутое кольцо полоса железа, концы отогнуты наружу. Диаметр кольца 120 мм, ширина 20 мм, толщина 4 мм. Также был найден наконечник пики (?) железный конический, свернутый из пластины, длина 130 мм, диаметр основания 28 мм, толщина пластины у основания 3 мм, крепился к древку железной заклепкой диаметром 7 мм. Подобные наконечники пик были найдены при раскопках крепости Сороки в отложениях конца XVII–XVIII вв. [7, с. 227, рис. 18: б, ж].

Гончарная керамика представлена двумя фрагментами венчиков, тремя фрагментами стенок поливной керамики, двумя фрагментами стенок с орнаментом, фрагментом стенки с хорошо выделенным ребром, фрагментом ручки, фрагментом дна, ножкой поливного сосуда с граффити (прочерченный острым предметом рисунок изображал, вероятно, лодку под парусом) и пятью фрагментами стенок.

Кроме того, между стенками ям и кладками найдено значительное количество обгоревших фрагментов кирпичей, черепицы, керамических труб, кованых железных гвоздей, костей животных (кухонные остатки), осколков чугунных гранат и бомб.

Горизонт 3 датирован последней четвертью XVIII в. Поврежденные ядра и следы пожара могут быть связаны с последствиями осады и штурма крепости российской армией в 1770 г. Известно, что массированные артиллерийские обстрелы крепости с 21 июля по 16 сентября 1770 г. происходили постоянно, выпускалось от ста до пятисот ядер в день [1, с. 85; 2, с. 42]. Широко использовались зажигательные бомбы. После взятия крепость пылала еще три дня [1, с. 85–87]. Отметим, что фрагменты аналогичных чугунных ядер вместе с обломками черепицы были найдены в 1990 г. при расчистке дна южного участка рва цитадели [3, с. 8–9, табл. 12].

Население вернулось в отданную туркам крепость только в 1776 г., но восстановление разрушенных укреплений и после этого шло крайне медленно [1, с. 88]. Наиболее вероятно, что перестрой-

ка нижнего яруса башни была частью масштабной реконструкции крепости турками под руководством французских инженеров в 1793–1794 гг. [1, с. 91]. Радиальные кладки должны были удерживать на себе мощное перекрытие (пол нижнего на тот момент яруса башни), а центральный «столб», очевидно, служил опорой для винтовой лестницы и/или перекрытия. Между балками пола и поверхностью суглинка оставалось пустое пространство высотой 0,25–0,3 м, вероятно, для вентиляции, чтобы избежать гниения дерева.

В качестве строительного материала широко использовались собранные тут же обломки каменных плит, кирпичей, черепицы, керамических труб, несущие на себе следы сильного пожара, а также оставшиеся от обстрелов 1770 г. ядра.

Подобные «контрфорсы», или пилоны, были сооружены турками в Западной башне Каменец-Подольского замка во время его оккупации после 1672 г. Показательно, что башня сильно пострадала при штурме и была почти полностью перестроена. Однако, в отличие от изученных нами, пилоны в Каменец-Подольском замке не были вкопаны в грунт, стояли открытыми на всю высоту. При этом их сооружение объясняется исследователями необходимостью поддерживать мощное перекрытие, на котором стояли тяжелые пушки [5, с. 418–422, рис. 322, 323].

Спрятанные в специальном углублении чугунные гранаты, перекрытые слоем пожара, могут быть связаны с событиями осад крепости армией Российской империи в 1770 г. (наиболее вероятно) либо в 1789 г.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аствацатуров Г. О. 2007. Бендерская крепость. Бендеры: Полиграфист.
2. Вилков Г. С., Чайкин Я. И., Гальцев П. Ю, Гуцул А. В. 2018. Бендерская крепость. Живой символ истории. Тирасполь: Полиграфист.
3. Гольцева Н. В. 1990. Отчет об археологических исследованиях южного участка рва Бендерской крепости // Архив Национального музея истории Молдовы. № 316. Кишинёв.
4. Красножон А. В. 2011. Бендерский фортификационный комплекс XV–XVIII вв. // *Stratum plus*. № 6, с. 221–251.
5. Пламаницька О. 2012. *Castrum Camenecensis*. Фортеця Кам'янець: (пізньюантичний – ранньомодерний час). Кам'янець-Подільський: ФОП Сисин О. В.
6. Полевой Л. Л., Бырня П. П. 1974. Средневековые памятники XIV–XVII веков (Археологическая карта МССР). Вып. 7. Кишинёв: Штиинца.
7. Чеботаренко Г. Ф. 1972. Археологические раскопки в Сорокской крепости в 1968–1969 гг. // Археологические исследования в Молдавии в 1968–1969 гг. Кишинёв: Штиинца, с. 201–237.

БЕНДЕРСКАЯ СТАРИНА: ЦИКЛ КРАЕВЕДЧЕСКИХ ЗАМЕТОК (ПРОДОЛЖЕНИЕ. НАЧАЛО В № 16)

А. Г. Тихонов,

магистрант кафедры истории ИГУПиСГН

ПГУ им. Т. Г. Шевченко

ВПЕРВЫЕ В ГОРОДЕ (АЛЕКСАНДР I И НИКОЛАЙ I)

За свою многовековую историю Бендерам не раз доводилось встречать как европейских, так и российских монархов (см. приложение 1). Первым из российских императоров, побывавших в нашем городе, в 1818 году стал **Александр I** (рис. 1). 18 (30) апреля, покинув Варшаву, где завершилось заседание польского сейма, он направился на юг России, намереваясь посетить Бессарабию, Одессу, Вознесенск, Николаев, Херсон, Крым, Таганрог и Землю донских казаков, осмотрев по пути войска Второй армии генерала от кавалерии графа Л. Л. Беннигсена.

Государя в поездке сопровождали генерал-адъютанты: светлейший князь А. С. Меншиков, князь П. М. Волконский и Ф. П. Уваров, статс-секретарь граф И. А. Каподистрия¹, киевский военный губернатор генерал от инфантерии граф М. А. Милорадович, флигель-адъютант А. И. Михайловский-Данилевский, статс-секретарь В. Р. Марченко и лейб-медик Я. В. Виллие. Также компанию путешествующим составили австрийские военные: генерал кавалерии принц Фридрих Гессен-Гомбургский и майор граф Кламм [20, с. 360; 40, с. 89].

Въехав в пределы Бессарабии 26 апреля (8 мая)², Александр I осмотрел Хотин (ныне – Черновицкой области Украины), а затем прибыл на ночлег в местечко Бельцы. На следующий день³, в

Рис. 1. М. А. Зичи. Портрет императора Александра I. Венгрия, 1868 г. (Государственный Эрмитаж)

¹ Каподистрия Иван Антонович (1776–1831) – граф, тайный советник (1816), управляющий (наряду с К. В. Нессельроде) Министерством иностранных дел Российской империи в 1815–1827 гг., руководитель Канцелярии по управлению Бессарабской областью в 1816–1822 гг., первый правитель независимой Греции с 1827 г. [3].

² Также встречается, ошибочно, 19 апреля (1 мая) [37, с. 45].

³ Также встречается, ошибочно, 17 (29) апреля [35, с. 575; 39, с. 37].

9 часов вечера, государь был уже в Кишинёве [16, с. 521; 20, с. 361]. Приезд Александра I в Бессарабию по времени почти совпал с шестой годовщиной подписания Бухарестского мирного договора, согласно которому территории Днестровско-Прутского междуречья отошли к России. В связи с этим программа трехдневного царского визита в Кишинёв была весьма насыщенной. Апогеем торжеств 29 апреля (11 мая) 1818 года стало издание Устава образования Бессарабской области, составленного полномочным наместником Бессарабии генерал-лейтенантом А. Н. Бахметевым. В соответствии с Уставом область была разделена на шесть цинутов (с 1828 года – уезды): Аккерманский, Бендерский, Измаильский, Оргеевский, Хотинский и Ясский (с 1887 года – Белецкий), а ее центром был назначен ставший городом Кишинёв [28, с. 223].

В тот же день⁴, на исходе 11-го часа дня, Александр I покинул новую бессарабскую столицу, отправившись на встречу с Беннигсеном в Тирасполь [20, с. 362]. Компанию императору в коляске составил присоединившийся к свите в Кишинёве главный начальник Императорской канцелярии генерал от артиллерии граф А. А. Аракчеев [40, с. 98]. Как известно, дорога в Тирасполь пролегает через Бендеры. О проезде по ней в автобиографической записке вскользь упомянул статс-секретарь императора Василий Марченко: «Из Кишинёва, через Бендеры, приехал в Тирасполь» [1, с. 296].

Больше внимания проезду через наш город уделил флигель-адъютант Александр Михайловский-Данилевский. В своих воспоминаниях он отметил, что император «дорогою обозревал Бендерскую крепость, у Днестра осмотрел понтонную роту, приказал ей навести мост на Днестре и перешел по нем» [20, с. 362]. Так, благодаря этим двум небольшим фрагментам мемуаров, можно сделать вывод об имевшейся в Бендерах остановке российского монарха.

Но это не все. Как выяснилось в мае 2019 года, Александр I, находясь в Бендерах, успел не про-

сто осмотреть крепость, но и дать при этом ряд устных указаний по корректировке проекта ее усиления командиру Дунайского инженерного округа генерал-майору Егору Ферстеру. По мнению императора, в Бендерской крепости надлежало: «1-е. Уравнять сколь можно все полигоны между собой, как и внутреннюю их оборону, 2-е. Избегнуть острые бастионы и ломаные внутри куртины, 3-е. Замкнуть хотя куртиной новое укрепление к старому, 4-е. Переменить несколько положение мостового укрепления и 5-е. Увеличить бастионы нижнего укрепления» [33, л. 6–6 об.]. Обновленный с учетом этих замечаний проект был Высочайше опробован 3 (15) апреля 1819 года, о чем на генеральном плане крепости генерал-инспектором по инженерной части великим князем Николаем Павловичем, будущим императором Николаем I, была поставлена собственноручная подпись [32].

По утверждению краеведа Евгения Лобанова, Александр I посетил Бендеры еще и в 1822 году, причем с семейством. По приезде он якобы вновь ознакомился с крепостью и строящимся новым городом, а затем отбыл в Кишинёв. Императрица же осталась ожидать своего августейшего супруга в Бендерах, изволив посетить в это время село Варницу [23, с. 30]. Однако эти сведения не соответствуют действительности. Они основаны на неверных выводах Е. А. Лобанова, сделанных на базе собственной ошибки, к которой мы обратимся чуть ниже.

На самом деле Александр I действительно еще раз посетил Бессарабскую область, но произошло это годом позже и вдали от Бендер. Следуя из Брест-Литовска (ныне – Брест) в Черновцы на встречу с австрийским императором Францем, а затем обратно, российский государь в конце сентября (по новому стилю – в начале октября) 1823 года дважды заезжал в Хотин [21, с. 76–78]. Однако бессарабский историк Иван Халиппа, ссылаясь на «Воспоминания о Бессарабии» российского картографа и писателя Александра Вельтмана, опубликованные Л. Н. Майковым в «Русском

⁴ Также встречается, ошибочно, 4 (16) апреля [27, с. 150].

вестнике» (СПб., 1893) [26, с. 20], этот высочайший визит в Бессарабию и визит 1818 года представил как один – ранний [39, с. 37]. Сам же Вельтман, издавая свои воспоминания в журнале «Современник» (СПб., 1837) [7, с. 229], при описании приезда русского царя в Кишинёв упоминание о встрече в Черновцах опустил.

В память об Александре I в 1912 году в Бендерах в ознаменование 100-летия присоединения Бессарабии к России в Александровскую была переименована Бульварная площадь (ныне – территория, занимаемая восточной частью парка им. М. Горького и городским стадионом) [4], а на Тюремной площади (ныне – территория между стадионом и следственным изолятором), где 16 (29) мая⁵ состоялись юбилейные торжества, на время празднеств был установлен бюст самодержца [29; 30; 36].

Но если Александр I был в Бендерах лишь проездом, то сменивший его на всероссийском престоле Николай I (рис. 2) спустя десять лет стал первым российским императором, имевшим в городе продолжительную остановку. Это произошло в начале Русско-турецкой войны 1828–1829 годов, во время которой Бендерская крепость использовалась в качестве тыловой базы. Выехав 25 апреля (7 мая) из Санкт-Петербурга [34, л. 176], через десять дней Николай I был уже в Вознесенске [8], а в 4-м часу ночи 6 (18) мая по Бендеро-Вознесенскому тракту прибыл в Тирасполь. Осмотрев здесь два резервных батальона, военный госпиталь и выслушав литургию в крепостной Андреевской церкви, в 10-м часу утра император продолжил путь [14].

Переправившись через Днестр, Николай I прибыл в Бендерскую крепость и, приложившись к кресту у дверей Александро-Невской церкви, проследовал в дом коменданта, генерал-майора Александра Ведемейера. Пробыв здесь не более часа, дав указания насчет встречи своей супруги, ко-

торая через несколько дней должна была также прибыть в Бендеры, государь выдвинулся в путь в направлении государственной границы. Следуя через город, он остановился перед Преображенским собором, где, не входя внутрь, вновь приложился к кресту и, окропив руки святой водой, покинул Бендеры [16, с. 523–524].

Пока Николай I находился под турецкой крепостью Браилов (Брэила, ныне – в Румынии), осаду которой вела российская армия [15; 24, с. 85–86], 11 (23) мая, в 7 часов пополудни, в Бендеры прибыла императрица Александра Фёдоровна с дочерью, великой княжной Марией Николаевной. На третий день по случаю их приезда в крепостной церкви была отслужена литургия, специально для которой накануне по требованию командующего резервными войсками генерал-лейтенанта графа Ивана де Витта архиепископ Димитрий⁶ прислал из Кишинёва архиерейских певчих [16, с. 525].

Весь период пребывания в городе Александра Фёдоровна и Мария Николаевна проживали в доме

Рис. 2. М. А. Зичи. Портрет императора Николая I. Венгрия, 1868 г. (Государственный Эрмитаж)

⁵ Бухарестский мир был заключен 16 (28) мая 1812 г. [17], однако день его 100-летия из-за особенностей действующего на тот момент в России Юлианского календаря (старый стиль) соответствует не 28-му, а 29-му мая по Григорианскому (новый стиль).

⁶ Димитрий (Сулима Даниил Иванович; 1772–1844) – епископ Бендерский и Аккерманский (с 1813 г. – викарий Кишинёвской и Хотинской епархии) в 1811–1821 гг., архиепископ Кишинёвский и Хотинский с 1821 г. [19].

Рис. 3. Л. Г. де Беарн*. Бендеры в 1828 г. Париж, ок. 1839 г. [41, № 8]

коменданта, покидая крепость лишь в исключительных случаях. Так, согласно статье Ф. Лагуса «Карл XII в Южной России», опубликованной в «Записках Одесского общества истории и древностей» (Одесса, 1853), в один из дней государыня решила посетить село Варницу, где некогда располагалась бендерская резиденция Карла XII. Выслушав рассказы стариков, еще помнивших остатки шведского лагеря, Александра Фёдоровна подарила одному из них, Димитрию, 50 рублей, а инженеру приказала снять план этого места⁷ [22, с. 329].

Говоря об этом факте во второй части своей книги «Бендеры. Страницы истории» (Бендеры, 2009), Е. А. Лобанов ошибся на одну цифру в годе – 1822-й вместо 1828-го, из-за чего выдал императрицу Александру Фёдоровну за супругу правившего в тот момент Александра I, императрицу Елизавету Алексеевну. На основании этой путаницы он сделал упоминавшийся выше вывод, что в 1822 году Александр I с семьей приезжал в Бендеры [23, с. 30]. Эта ошибка в дальнейшем перекочевала и к другим авторам [2, с. 5; 5, с. 65; 38, с. 28].

Обратимся же снова к Николаю I. Покинув 13 (25) мая лагерь под Браиловом, он прибыл в

Болград (ныне – Одесской области Украины), где провел смотр войск, навестил раненых и наградил особо отличившихся бойцов [24, с. 86–88]. На следующий день, в первом часу, завершив поездку в действующую армию, Его Величество возвратился в Бендеры [15, с. 175; 16, с. 525]. Здесь он принял верительные грамоты от иностранных послов, специально прибывших по этому поводу в город (рис. 3; см. приложение 2) [41, № 8]. В 8 часов утра 15 (27) мая все августейшее семейство отбыло из Бендер в Одессу [10; 16, с. 525–526].

Из заметок и бумаг архиепископа Димитрия, связанных с пребыванием в Бессарабии венценосных особ, опубликованных священником Михаилом Ганицким в «Кишинёвских епархиальных ведомостях» (Кишинёв, 1884), следует, что в Бендеры вместе с императрицей Александрой Фёдоровной также должна была прибыть и великая княгиня Елена Павловна [16, с. 524] – супруга младшего брата императоров Александра I и Николая I, великого князя Михаила Павловича, командовавшего осадой Браилова [24, с. 81].

А вот Генерального штаба капитан Александр Защук во второй части «Материалов для географии и статистики России. Бессарабская область» (СПб., 1862), не говоря о Елене Павловне, наряду с Александрой Фёдоровной упомянул о пребывании в Бендерах матери обоих императоров, вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны. При этом днем их приезда он указал 12-е (24-е), а днем отъезда всего семейства – 19 (31) мая [27, с. 150]. Однако эти сведения не являются достоверными. Как видно из камер-фурьерского журнала⁸ за май 1828 года, почти весь интересующий нас промежуток времени Мария Фёдоровна провела в Павловске, выезжая из него не далее чем в Петербург и Гатчину [34, л. 190 об.–197 об.].

* Луи Гектор де Беарн (1802–1871) – французский граф, дипломат и политик, военный атташе посольства Франции в России в 1827–1831 гг. В 1828 г., в ходе русско-турецкой войны, вместе с французским послом генерал-лейтенантом герцогом К. де Мортемаром сопровождал на театре военных действий императора Николая I [18], что нашло отражение в его альбоме литографий «Quelques souvenirs d'une Campagne en Turquie» («Некоторые воспоминания о Турецкой кампании»), выпущенном в Париже ок. 1839 г. [41].

⁷ Известен «Чертеж местоположения, где после Полтавской битвы жил Король Шведский Карл XII с остатками войск своих, близ селения Варницы, находящейся Бессарабской Области в Бендерском уезде», составленный бессарабским областным землемером Б. Я. Эйтнером. Впервые опубликован в 1848 г. в «Записках Одесского общества истории и древностей» [6, с. 555, табл. XVIII].

⁸ Камер-фурьерские журналы – журналы, которые велись в Министерстве Императорского двора и уделов, в которых ежедневно делались записи обо всех придворных церемониях и официальных действиях членов императорской семьи, включая обеды, прием посетителей и т. п. [31, с. 380].

Что же касается расхождения между фактической датой отъезда императорской семьи и приведенной А. И. Защуком, то оно может быть не случайным. Ошибка в последней, по всей видимости, связана с другим проездом Николая I через Бендеры – 18 (30) мая при следовании, но уже без семьи, из Одессы обратно в действующую армию. Вывод о том, что таковой имел место, можно сделать по сообщениям: «В ту же ночь с четверга на пятницу [с 17 (29) на 18 (30) мая – А. Т.] в 2 часа Государь изволил выехать чрез Тирасполь в армию» и «в семь часов пополудни 18 мая Государь был уже в Измаиле» [16, с. 526–527], а также «ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР... в 12 часов пополудни отправился в Измаил» [11] и «ГОСУДАРЬ

ИМПЕРАТОР изволил прибыть в наш город вчера после обеда» [9].

Находясь в армии, император неоднократно бывал то в Измаиле (ныне – Одесской области Украины), то в Болграде [16, с. 527], то в конце июля снова, но уже морем, возвращался более чем на три недели к семье в Одессу [12; 13]. И вот, наконец, 8 (20) октября, завершив свое пребывание на театре военных действий, государь на линейном корабле «Императрица Мария» вновь прибыл в Одессу [25, с. 139–140], откуда в тот же день через Дубоссары отправился в столицу. С тех пор, по данным М. А. Ганицкого, Кишинёвскую епархию, а соответственно и Бессарабскую область, Николай I больше не посещал [16, с. 530].

Приложение 1

ХРОНОЛОГИЯ ПРЕБЫВАНИЙ И ПРОЕЗДОВ ЧЕРЕЗ БЕНДЕРЫ ГЛАВ РОССИЙСКОГО ИМПЕРАТОРСКОГО ДОМА И ЧЛЕНОВ ИХ СЕМЕЙ⁹

Год	Дата и время посещения	Представитель Императорского дома	Характер посещения
1818	29 апреля (11 мая), после полудня	Император Александр I	Остановка при следовании из Кишинёва в Тирасполь
1828	6 (18) мая, после 9:00 и до середины дня	Император Николай I	Приезд из Тирасполя и отъезд в действующую армию
1828	11 (23) мая, с 19:00 – 15 (27) мая, до 8:00	Императрица Александра Фёдоровна с великой княжной Марией Николаевной	Проживание в Бендерах, затем отъезд в Одессу
1828	14 (26) мая, с 12:00 – 15 (27) мая, до 8:00	Император Николай I	Приезд из Болграда, ночевка в Бендерах, затем отъезд в Одессу
1828	18 (30) мая, утром	Император Николай I	Проезд из Одессы в Измаил
1861	21 августа (2 сентября), с 6:00 до 19:45	Император Александр II	Приезд из Крыма через Одессу и отъезд обратно
1867	13 (25) июня, вечером	Императрица Мария Александровна с великими князьями Сергеем Александровичем, Павлом Александровичем и великой княжной Марией Александровной	Проезд из Кишинёва в Одессу при следовании из Санкт-Петербурга в Ливадию

⁹ Без учета отмененных и визитов, информация о которых существует лишь в виде появившихся в последние годы легенд.

1867	26 октября (7 ноября), в 16:00	Императрица Мария Александровна с великими князьями Сергеем Александровичем, Павлом Александровичем и великой княжной Марией Александровной	Краткая остановка при проезде из Одессы в Кишинёв при следовании из Ливадии в Санкт-Петербург
1872	6 (18) сентября, с 22:50 – 9 (21) сентября, до 11:30	Император Александр II	Приезд из Бирзулы (ныне – Подольск Одесской области Украины), проживание в Бендерах, затем отъезд в Одессу
1877	11 (23) апреля, до полудня	Император Александр II с цесаревичем Александром – будущим императором Александром III	Проезд из Тирасполя в Унгены
1877	20 апреля (2 мая), утром	Император Александр II с цесаревичем Александром – будущим императором Александром III	Проезд из Кишинёва в Одессу
1914	3 (16) июня, в 7:30	Император Николай II с семьей	Проезд из Одессы в Кишинёв
1914	3 (16) июня, в 14:40	Император Николай II с семьей	Проезд из Кишинёва в Тирасполь
1915	8 (21) ноября, после полудня	Император Николай II с цесаревичем Алексеем	Проезд из Тирасполя в Рени
1915	В ночь на 10 (23) ноября	Император Николай II с цесаревичем Алексеем	Проезд из Рени в Балту
1916	9 (22) мая, с 10:00 до 14:00	Император Николай II с семьей	Приезд из Винницы, затем отъезд в Одессу

Приложение 2 [41]

Л. Г. де Беарн

НЕКОТОРЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ О ТУРЕЦКОЙ КАМПАНИИ

(перевод с французского Д. П. Токарева)

№ 8. Бендеры

Бендеры, столь известные по воспоминаниям о Карле XII, состоят из одноэтажных домов, крытых камышом, разделенных не улицами, а очень широкими трактами без брусчатки и линейно-

го выравнивания. Крепость, находящаяся на небольшом расстоянии от города, построена на месте древнего города, от которого сегодня осталась лишь одна разрушенная башня¹⁰, все еще помня-

¹⁰ По всей видимости, речь идет о единственном сохранившемся на тот момент в Бендерской крепости турецком минарете XVIII в. Он находился вблизи от Каушанских (ранее – Стамбульских) ворот и просуществовал как минимум до середины 1940-х гг. Именно этот минарет возвышается над крепостными стенами на рис. 3.

шая имя Карла XII. В этой крепости размещается гарнизон; Императрица находилась в ней уже два дня в ожидании Императора, который прибыл в Бендеры почти одновременно с нами.

Герцог де Мортемар был незамедлительно принят Его Величеством в ходе церемонии вручения верительных грамот, проходившей в комнате площадью 12 футов, где был только один стул, который находившийся в очень хорошем настроении Император передал Послу, а сам уселся на походную койку. С нашей стороны было бы невежливо жаловаться на плохое жилье, но невозможность хорошо отдохнуть ночью вызвала наши по-настоящему отчаянные вздохи: мириады клопов, вой собак, голос часового, каждые четверть часа кричащего во все горло уставные «Слушай!» – всего этого было предостаточно, чтобы вызвать жестокую бессонни-

цу. Поэтому я предпочел покинуть ложе, по обыкновению сделанное из манта в качестве матраса и географического словаря де Вожьена вместо подушки, чтобы прогуляться на свежем воздухе.

На следующий день нам прислали завтрак, приготовленный придворным поваром, чему мы несказанно обрадовались. Затем мы направились за несколько верст от Бендер, чтобы посетить руины дома, в котором Карл XII держал осаду настолько храбро, насколько неблагоразумно: от него не осталось других следов, кроме подобия пригорка, покрытого землей и травой.

Население Бендер бедное; Днестр протекает на небольшом расстоянии от города. На другом его берегу можно различить два-три дерева, которые кажутся там каким-то исключением среди засушливого и голого пейзажа.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Автобиографическая записка государственного секретаря Василия Романовича Марченки. 1782–1838. 1896. // Русская старина. Т. 86. № 5, с. 291–317.
2. Алферьева Л. П. 2016. Юго-западный форпост Российской империи: К 100-летию визита в Бендеры императорской семьи // Приднестровское наследие: Историко-культурологический альманах. – Тирасполь: Центр исследования культурно-исторического и духовного наследия, с. 5–11.
3. Арш Г. Л. 2008. Каподистрия // Большая Российская энциклопедия. Т. 13. М.: Большая Российская энциклопедия, с. 33.
4. Бендерская жизнь. 1912 // Бессарабский телеграф. Бендеры. 10 (23) сентября. № 20, с. 3.
5. Бендерская крепость. Живой символ истории. 2018. Бендеры: Полиграфист.
6. Брун Ф. 1848. Следы лагеря Карла XII, возле Бендер, у селения Варницы // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 2, с. 555–561.
7. Вельтман А. Ф. 1837. Воспоминания о Бессарабии // Современник. Т. 7, с. 226–249.
8. Внутренние известия. Вознесенск, 5 мая // Одесский вестник, 9 (21) мая 1828 г. № 37, с. 161.
9. Внутренние известия. Измаил, 19 мая // Одесский вестник, 23 мая (4 июня) 1828 г. № 41, с. 178.
10. Внутренние известия. Одесса, 16 мая // Одесский вестник 16 (28) мая 1828 г. № 39, с. 169.
11. Внутренние известия. Одесса, 19 мая // Одесский вестник, 19 (31) мая 1828 г. № 40, с. 173.
12. Внутренние известия. Одесса, 28 июля // Одесский вестник, 28 июля (9 августа) 1828 г. № 60, с. 261.
13. Внутренние известия. Одесса, 22 августа // Одесский вестник, 22 августа (3 сентября) 1828 г. № 67, с. 291.
14. Внутренние известия. Тирасполь, 6 мая // Одесский вестник, 12 (24) мая 1828 г. № 38, с. 165.
15. Военные известия. Лагерь под Браиловом // Одесский вестник, 19 (31) мая 1828 г. № 40, с. 173–175.
16. Ганицкий М. 1884. Из заметок и бумаг преосвященного Димитрия, архиепископа Кишинёвского и Хотинского // Кишинёвские епархиальные ведомости. № 15, с. 521–530.
17. Георгиев В. А. 2006. Бухарестский мир 1812 // Большая Российская энциклопедия. Т. 4. М.: Большая Российская энциклопедия, с. 428.

18. Гончарова Т. Н. 2018. Военный или гражданский? Бонапартист или роялист? Отбор кадров для посольства Франции в России (1814–1848) // Труды кафедры истории Нового и Новейшего времени. СПб.: Изд-во СПбГУ, № 18 (2), с. 99–130.
19. Гросул В. Я. 2007. Димитрий // Православная энциклопедия. Т. XV. М.: Церковно-научный центр РПЦ «Православная Энциклопедия», с. 98–100.
20. Записки А. И. Михайловского-Данилевского. 1818 год. 1892. // Исторический вестник. Т. 48. № 5, с. 360–373.
21. Император Александр I. Последние годы царствования, болезнь, кончина и погребение: По личным воспоминаниям лейб-хирурга Д. К. Тарасова. 1915. Петроград: А. С. Суворин.
22. Лагус Ф. 1853. Карл XII в Южной России // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 3, с. 306–337.
23. Лобанов Е. А. 2009. Бендеры. Страницы истории. Ч. 2. 1812–1917. Бендеры: ООО «РВТ».
24. Лукьянович Н. А. 1844. Описание Турецкой войны 1828 и 1829 годов. Ч. 1. СПб.: Тип. Э. Праца.
25. Лукьянович Н. А. 1844. Описание Турецкой войны 1828 и 1829 годов. Ч. 2. СПб.: Тип. Э. Праца.
26. Майков Л. Н. 1893. Бессарабские воспоминания А. Ф. Вельтмана и его знакомство с Пушкиным // Русский вестник. Т. 229, с. 8–51.
27. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Бессарабская область. Ч. 2. 1862. СПб.
28. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. С 1649 года. Т. XXXV. 1818 г. СПб.: Тип. II-го отд. Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830.
29. Празднование 100-летия присоединения Бессарабии к России в Бендерах // Одесский листок, 26 мая (8 июня) 1912 г. № 121. 2-й лист, 2.
30. Празднование в Бендерах 100-летнего юбилея присоединения Бессарабии к России // Бессарабский телеграф, 21 мая (3 июня) 1912 г. № 4, с. 3.
31. Раскин Д. И. 2012. Министерство Императорского двора и уделов // Большая Российская энциклопедия. Т. 20. М.: Большая Российская энциклопедия, с. 380–381.
32. РГВИА, ф. 349, оп. 3, д. 4634.
33. РГВИА, ф. 827, оп. 1, д. 587.
34. РГИА, ф. 516, оп. 1, внутр. оп. 28, д. 136.
35. Силин А. 1868. Димитрий, архиепископ Кишинёвский и Хотинский (Продолжение) // Кишинёвские епархиальные ведомости. № 16, с. 572–582.
36. Столетие Бессарабии. Юбилейные торжества // Одесский листок, 17 (30) мая 1912 г. № 113, с. 4.
37. Столетие присоединения Бессарабии к России. 1912. Кишинёв: Тип. Бесс. губ. правления.
38. Страж Бендерской крепости: Страницы истории Александро-Невского храма. 2018. Тирасполь.
39. Халиппа И. Н. 1902. Основные исторические данные о Бессарабии // Труды Бессарабской губернской учетной архивной комиссии. Т. 2. Кишинёв: Тип.-лит. Ф. П. Кашевского, с. 11–118.
40. Шильдер Н. К. 1898. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. Т. 4. СПб.: А. С. Суворин.
41. [Bearn L. N. de. C. 1839]. Quelques souvenirs d'une Campagne en Turquie. [Paris].

ГЕРАЛЬДИЧЕСКАЯ РЕФОРМА КЁНЕ

До середины XIX века территориальное герботворчество в России носило весьма разрозненный характер и далеко не всегда соответствовало геральдическим правилам. Недовольный таким положением дел, работу по созданию гербов взял под личный контроль император Николай I [23, с. 125–133]. После его кончины наведение порядка в российской геральдике продолжил Александр II. 12 (24) июня 1856 года через министра Императорского двора графа В. Ф. Адлерберга он возложил на начальника 2-го отделения Императорского Эрмитажа [24, с. 76] надворного советника Бориса Кёне (рис. 4) *«пересмотр всех губернских и прочих местных гербов Российской империи, с тем чтобы»* он представил *«проектные рисунки тем из сих гербов, кои, по неправомерности их составления, требуют исправления или изменения»* [14, л. 1].

Следующим этапом совершенствования системы стало создание 10 (22) июня 1857 года особого Гербового отделения при канцелярии Департамента герольдии Правительствующего Сената. В его обязанности было вменено правильное и согласное с требованиями геральдики составление и изображение всех гербов, подлежащих Высочайшему утверждению. Согласно штату в состав отделения вошли: управляющий, назначаемый Высочайшим приказом, по представлению министра юстиции с согласия министра императорского двора, а также секретарь, художник и чиновник для писем, определяемые министром юстиции по представлению управляющего отделением. Кроме того, для содействия управляющему должны были назначаться два чиновника из числа состоящих за обер-прокурорским столом в Правительствующем Сенате [8, с. 531–533; 9, с. 219].

Первым главой Гербового отделения был назначен Б. В. Кёне, а должность художника занял А. А. Фадеев [23, с. 134–135]. К этому моменту они уже успели подготовить проекты новых Государственного герба и Государственной печати Российской империи, а также гербов членов Импера-

торского дома, Высочайше утвержденные 11 (23) апреля 1857 года [8, с. 297–307; 9, л. 26–135]. В том же году, 7 (19) мая и 4 (16) июля, последовало утверждение Высочайшим именным Указом разработанной Кёне системы унифицированных внешних украшений гербов губерний, областей, градоначальств, городов и посадов, давшее начало масштабной реформе территориальной геральдики России.

Эта система, с одной стороны, позволяла объединить все гербы, с другой – четко разграничивала их по значимости городов. Для этих целей отныне как узаконенные части гербов должны были использоваться различные виды корон, венчающих щит. Так, гербам губерний и столичных городов полагалась императорская корона, гербам уездов, областей и градоначальств – древняя царская. Для гербов древних русских городов, служивших местопребыванием царствующих вели-

Рис. 4. Борис Васильевич Кёне (1817–1886) – российский нумизмат и геральдист, барон (1862), тайный советник (1876) [2; 3, с. 300; 6; 24, с. 75]

ких князей, предназначалась шапка Мономаха, а для Казани, Астрахани и Тифлиса (ныне – Тбилиси) – соответственно, шапки Казанская, Астраханская и корона Грузинская. Гербы губерний и столицы Царства Польского должна была украшать польская корона, а губерний и столицы Великого Княжества Финляндского – финляндская великокняжеская.

На гербы других городов империи следовало помещать короны башенные. Золотая о пяти зубцах должна была венчать гербы губернских городов с населением свыше пятидесяти тысяч человек, прочих же губернских – золотая о трех зубцах. Гербам городов уездных полагалась серебряная о трех зубцах корона, заштатных – червлёная о трех зубцах, гербам знаменитых посадов – червлёная о двух зубцах. Если же тот или иной город одновременно являлся еще и крепостью, то корона его герба дополнительно венчалась императорским орлом.

Что касается непосредственно украшений гербов, то Кёне избрал для них особые геральдические фигуры. В случае с гербами городов они означали важность самого города и указывали на основной вид деятельности его жителей. Губернские гербы должны были окружать дубовые листья, перевитые лентой ордена Святого Александра Невского, а областные и гербы градоначальств – дубовые листья, перевитые лентой ордена Святого Апостола Андрея Первозванного. Городам столичным и являвшимся местом пребывания Их Императорских Величеств предназначались два императорских скипетра с Андреевской лентой.

Гербам остальных городов полагалась Александровская лента с: двумя золотыми молотками – промышленных, двумя золотыми колосьями – отличающихся земледелием и хлебной торговлей, двумя золотыми якорями – приморских, двумя виноградными лозами – городов, занимающихся виноделием, двумя серебряными кирками – занимающихся горными промыслами, двумя знаменами, украшенными императорским орлом – крепостей. Гербы крепостей, отличившихся в боях

против неприятеля, должны были быть окружены лентой ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия с двумя стоящими прямо знаменами, украшенными вензелем того императора, во время правления которого происходила осада.

Кроме того, в городских гербах, за исключением городов губернских, областных и являвшихся градоначальствами, в вольной части справа (в верхнем левом углу от зрителя), помещался герб губернии, в состав которой город входил. Если же эта вольная часть была занята другой фигурой, принадлежащей городскому гербу, то герб губернии помещался в вольной части слева. В случае перехода города из одной губернии в другую герб в вольной части менялся на соответствующий [8, с. 580–581]. Но, хотя гербы губерний и раньше помещались на многие городские, они всегда занимали верхнюю половину щита, при том что сам герб города занимал нижнюю. По мнению Бориса Кёне, такое разделение щита использовать было нельзя, так как главный герб, в данном случае – городской, всегда должен находиться сверху, губернский же герб главным не является [23, с. 135–136].

20 или 22 августа (1 или 3 сентября) 1858 года¹¹ состоявший в должности герольдмейстера Н. И. Стояновский направил Б. В. Кёне письмо за № 3075 с копией определения Правительствующего Сената, состоявшегося 25 июня (7 июля), об изготовлении всех губернских и местных гербов [14, л. 67]. В соответствии с предписанием герольдмейстера в Гербовом отделении, помимо прочих, были разработаны эскизы гербов Бессарабской области (9 (21) декабря 1858 года [16, л. 1Б–1Б об., 3–4]) и ее городов: 5 (17) ноября 1870 года – Оргеева [16, л. 8–10] и Хотина [16, л. 11–13], в июне 1872-го – Сорок [16, л. 5–7], 17 (29) августа 1872-го – Аккермана (ныне – Белгород-Днестровский Одесской области Украины) [16, л. 14–16] и Бендер [16, л. 23–25], 13 (25) февраля 1875-го – Кишинёва [16, л. 20–22]. Проект герба Бельц, подготовленный отдельно еще к 28 сентября (10 октября) 1857 года, в марте следующего года

¹¹ Также встречается, ошибочно, 22 августа (3 сентября) 1857 г. [16, л. 14, 23] и 28 августа (9 сентября) 1858 г. [16, л. 11].

был признан согласным новым правилам и не требующим изменений [15, л. 14–17]. Так у городов Бессарабии появился шанс вместо уездных наконец обзавестись собственными, «утвержденными рукой Императорского Величества» гербами.

Проект герба Бендер (рис. 5), подписанный состоящими за обер-прокурорским столом чиновниками Е. А. Кеммерером¹² и Е. Г. фон Платером, имел следующее описание: «В лазуревом щите золотой с червлеными глазами и языком лев, на все положена зубчатая с обеих сторон серебряная перевязь [вправо – А. Т.], которая обременена тремя черными полумесяцами. В вольной части герб Бессарабской области. Щит увенчан серебряной башенной о трех зубцах короной и окружен Александровской лентой» [16, л. 24]. По задумке автора, лев должен был служить напоминанием о пребывании в Бендерах в 1709–1713 годах шведского короля Карла XII, а зубчатая перевязь с тремя полумесяцами – символизировать знаменитую турецкую крепость, трижды – в 1770, 1789 и 1806 годах – покоренную русскими войсками [16, л. 23].

Таким образом, золотого льва – эмблему Карла XII, лежавшего на гербе Бендерского уезда, но уже восставшего на задние лапы, аналогично льву на Большом гербе Швеции, было предположено сохранить и на гербе города Бендеры. По всей видимости, со шведского герба был позаимствован и лазоревый цвет щита, при этом одновременно соответствующий основному цвету нового символа Бессарабии [16, л. 3–4]. Однако в описании вызывает недоумение тот факт, что герб Бендер, являвшихся крепостью¹³, вопреки приведенному выше порядку, в случае утверждения получал бы украшения, соответствующие городам, занятым в земледелии и хлебной торговле, а не полагавшиеся крепостям. При этом «крепостные» корону с императорским орлом и знамена можно обнаружить на проекте герба Хотина [16, л. 12–13],

Рис. 5. Проект герба города Бендеры, вариант 1872 г. (РГИА)

крепость которого была «признана неудовлетворяющей своему назначению» еще в 1856 году [7, с. 182], до введения новых правил.

Некоторую ясность в этот вопрос могут внести найденные 22 апреля 2019 года в Российском государственном историческом архиве ранее неизвестные варианты проектов гербов Бендер [22, л. 9–10] и Аккермана [22, л. 1А–1Б]. Среди внешних украшений колосьев в них нет, а бендерский герб (рис. 6) описывается так: «В лазуревом щите золотой с червлеными глазами и языком лев, на все положенная зубчатая с обеих сторон серебряная перевязь влево, обремененная тремя черными полумесяцами. В вольной части герб Бессарабской области. Щит увенчан серебряной башенной короной о трех зубцах с Императорским орлом и окружен Александровской лентой с двумя знаменами, украшенными Императорским орлом» [22, л. 9].

В отличие от известных ранее, обнаруженные мной рисунки гербов и пояснения к ним подписаны только Е. А. Кеммерером, а подписи Е. Г. фон

¹² Кеммерер Егор Александрович (1819–1890) [3, с. 300] – чиновник, состоящий за обер-прокурорским столом в Правительствующем Сенате по Департаменту герольдии и член присутствия Гербового отделения в 1863–1874 гг., заведующий Собственными Его Императорского Величества библиотеками и арсеналами в 1865–1874 гг., действительный статский советник (1866). В 1861–1865 гг., во время отсутствия Б. В. Кёне, исполнял обязанности управляющего Гербовым отделением [21, л. 73–84].

¹³ Бендерская крепость была упразднена 25 апреля (7 мая) 1897 г. [13, л. 469–469 об.].

Рис. 6. Проект герба города Бендеры, вариант 1870 (?) г. (РГИА)

Платера или иных лиц отсутствуют. Кроме того, эти варианты не имеют датировки, в связи с чем сложно доподлинно определить, являются они первоначальными или подготовлены позже, с учетом возможных замечаний. Впрочем, подсказку в данном вопросе может дать проект герба Оргеева, имевший также два, но датированных варианта: один – 1870-м, а другой – 1872-м годами. В целом являясь одинаковыми, они имеют несколько отличий в оформлении.

В варианте 1870 года в вольной части для герба Бессарабии выделено лишь место, а само его изображение отсутствует. Аналогичную ситуацию, характерную также для составленного в то же время проекта герба Хотина, можно видеть на найденных в 2019 году вариантах проектов гербов Бендер и Аккермана. При этом и в бендерском, и в хотинском проектах использован единый шаблон внешних украшений, положенных крепостям. А вот в аккерманском вместо окружающих

щит колосьев были помещены предназначавшиеся приморским городам золотые якоря.

В вольной части другого варианта проекта герба Оргеева, созданного к 7 (19) сентября 1872 года [16, л. 26–28], как и в составленных в том же году проектах гербов Сорок, Аккермана и Бендер, изображение герба Бессарабии уже имеется. Также, за исключением сорокского, но с прибавлением составленного в 1875 году кишинёвского, все они имеют общий шаблон с одинаковыми внешними украшениями. Кроме того, известные ранее проекты гербов, в отличие от ныне обнаруженных, подписаны сразу несколькими представителями Герольдии и имеют сопроводительные записки, что может говорить об их готовности к изготовлению эталонных цветных рисунков для дальнейшего Высочайшего утверждения.

Основываясь на этом, можно предположить, что в ходе реформы основные работы по сочинению гербов для городов Бессарабской области, в том числе Бендер и Аккермана, велись в 1870 году, но затем как минимум два последних и герб Оргеева были подвергнуты корректировке. Замена якорей и знамен в проектах, соответственно, аккерманского и бендерского гербов на колосья, возможно, была связана с тем, что Аккерман располагался не на морском побережье, а на берегу Днестровского лимана, а Бендерская крепость к этому времени хоть и не была упразднена, но уже утратила свое стратегическое значение.

Так же, как герб Бендерского уезда в значительной степени походил на герб Белгородской губернии 1730 года, так и проект герба города Бендеры имел существенные пересечения с проектом герба города Белгорода¹⁴ (рис. 7), разработанного 16 (28) февраля 1860 года: «В лазуревом поле золотой с червлеными глазами и языком лев, сопровождаемый в главе щита серебряным с червлеными клювом, глазами и когтями орлом в потоплении. В вольной части герб Курской губернии. Щит увенчан серебряной башенной короной о трех зубцах, за щитом на крест положенные

¹⁴ Белгород – город в Российской империи, с 1727 г. центр Белгородской губернии, а после ее упразднения в 1779 г. – Белгородского уезда Курского наместничества (с 1796 г. – губернии). Ныне административный центр Белгородской области России [5].

два золотые молотка, соединенные Александровской лентой» [18, л. 6–8]. Как можно заметить, и в одном, и в другом случае, указывая на «шведские» корни гербов, в качестве их главной фигуры был избран золотой восстающий лев, а цвет щитов использован лазоревый.

Но если проект герба Белгорода, хотя и с небольшими изменениями (орел поменял форму, его клюв, глаза и когти стали золотыми; *рис. 8*) [19, л. 6–7], в конце концов был утвержден в качестве официального символа города [12, с. 533, л. 16], то в отношении бессарабских городов задуманная Б. В. Кёне реформа успеха не имела. Ни герб Бендер, ни герб Аккермана, ни герб Хотина, ни гербы других бессарабских городов, подготовленные во время ее проведения, так и не были приняты. Лишь герб Бессарабии спустя почти 20 лет со дня его составления, 5 (17) июля 1878 года, был Высочайше утвержден [10, с. 6–7; 11, л. 24] императором Александром II. Причем произошло это, когда Бессарабская область уже пять лет как была преобразована в губернию. Единственным городом Бессарабии, получившим собственный герб¹⁵ до революции, стали не имевшие ранее даже уездного герба Сороки. Подготовленный по правилам Кёне в 1911–1912 годах заново [17, л. 2, 12], сорокский герб был Высочайше утвержден 18 (31) марта 1914 года [1; 17, л. 5, 14].

Стоит отметить, что Гербовым отделением также были подготовлены эскизы гербов для городов Подольской и Херсонской губерний, в том числе входящих ныне в состав ПМР: уездного Тирасполя (18 (30) января 1868 года [20, л. 17–19]), заштатных Григориополя (в июле 1872 года [20, л. 42–44]) и Дубоссар (21 сентября (3 октября) 1872 года [20, л. 57–59]). Но и они не были утверждены. Другим же приднестровским городам (на тот момент бывшей селом Херсонской губернии Слободзее и являвшимся местечками Подольской губернии Каменке и Рыбнице) собственные гербы не полагались.

Рис. 7. Проект герба города Белгорода, вариант 1860 г. (РГИА)

Рис. 8. Проект герба города Белгорода, вариант 1891 г. Высочайше утвержден 21 июля (2 августа) 1893 года* (РГИА)

¹⁵ Изначально предполагался в качестве герба Сорокского уезда [17, л. 12].

* Восстановлен 9 августа 1994 г. постановлением главы Администрации города Белгорода. С 22 июля 1999 г. – в художественной редакции В. В. Аксёнова [4].

БИБЛИОГРАФИЯ

1. 1989. Определение Правительствующего Сената об утверждении герба уездного города Сорок, Бессарабской губернии // Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. СПб.: Сенатская тип., 1914. Отдел 1-й. 2-е полугодие. № 174 (15 (28) июля), с. 2855–2856.
2. Веселовский Н. И. 1900. История Императорского Русского археологического общества за первое пятидесятилетие его существования. 1846–1896 гг. СПб.
3. Волков С. В. 2016. Высшее чиновничество Российской империи. Краткий словарь. М.: Русский фонд содействия образованию и науке.
4. Г. Белгород // «Геральдикум». <http://www.heraldicum.ru/russia/subjects/towns/belgorod.htm> (дата обращения: 02.08.2019).
5. Евдокимов М. Ю. 2005. Белгород // Большая Российская энциклопедия. Т. 3. М.: Большая Российская энциклопедия, с. 193–194.
6. Кружнов Ю. Н. 2008. Кёне // Большая Российская энциклопедия. Т. 13. М.: Большая Российская энциклопедия, с. 560.
7. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Бессарабская область. Ч. 2. СПб., 1862.
8. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 2-е. Т. XXXII. 1857 г. Отделение 1-е. № 31349–32628. СПб.: Тип. II-го отделения Собств. Е. И. В. канцелярии, 1858.
9. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 2-е Т. XXXII. 1857 г. Отделение 2-е. Приложения. СПб.: Тип. II-го отделения Собств. Е. И. В. канцелярии, 1858.
10. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 2-е. Т. LIII. 1878 г. Отделение 2-е. № 58674–59182 и дополнения. СПб.: Тип. II-го отделения Собств. Е. И. В. канцелярии, 1880.
11. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 2-е. Т. LIII. 1878 г. Отделение 3-е. Приложения. СПб.: Тип. II-го отделения Собств. Е. И. В. канцелярии, 1880.
12. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 3-е. Т. XII. 1893 г. № 9217–10232 и дополнения. СПб.: Гос. тип., 1897.
13. РГВИА, ф. 400, оп. 3, д. 1067.
14. РГИА, ф. 1343, оп. 15, д. 121.
15. РГИА, ф. 1343, оп. 15, д. 133.
16. РГИА, ф. 1343, оп. 15, д. 134.
17. РГИА, ф. 1343, оп. 15, д. 135.
18. РГИА, ф. 1343, оп. 15, д. 176.
19. РГИА, ф. 1343, оп. 15, д. 177.
20. РГИА, ф. 1343, оп. 15, д. 244.
21. РГИА, ф. 1343, оп. 54, д. 363.
22. РГИА, ф. 1411, оп. 1, д. 10А.
23. Соболева Н. А. 1981. Российская городская и областная геральдика XVIII–XIX вв. М.: Наука.
24. Сотрудники Императорского Эрмитажа 1852–1917. Библиографический справочник. 2004. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа.

ПАМЯТНИК ПОДОЛЬЦАМ

*Здесь, у Бендерской переправы,
Где ратных битв порой не счесть,
Не раз спасал орел двуглавый
России воинскую честь.
И, поклонившись навишим низко,
Отмерив времени года,
Орел взлетел над обелиском,
Чтоб там остаться навсегда.*

Л. А. Литвиненко

«Памятник 55-го пехотного Подольского полка» [13, с. 54; 18, с. 221], «Памятник доблестным русским воинам» [17], «Памятник-монумент „Доблестным предкам – потомки“» [11, с. 15], «Памятник Подольскому полку» [27, с. 167], «Памятник русской славы» [14] – все это он – бендерский «Орел»! Именно так, просто, между собой называют этот памятник бендерчане (рис. 9, 12–14). Старейший в городе, он был заложен в Бендерской крепости 10 (23) июня 1912 года в память о павших в Отечественную войну 1812 года воинах дислоцировавшегося в Бендерах 55-го пехотного Подольского полка¹⁶ [3; 4].

В день столетия Бородинского сражения¹⁷, 26 августа (8 сентября)¹⁸, когда вся Россия отмечала вековой юбилей Отечественной войны, монумент был торжественно открыт (см. приложения 1–3) [4; 16; 19]. Его установили на невысоком холме в центре сквера (N 46.83630°, E 29.48672°) примерно в 25 саженях к северу от Александро-Невской церкви. Но точное первоначальное место расположения памятника было на долгие годы забыто, и лишь в 2017 году его удалось установить при помощи немецкого аэрофотоснимка 1944 года, сопоставленного с современным спутниковым.

Монумент был сооружен по проекту неизвестного автора на средства солдат и офицеров полка [11, с. 15; 13, с. 54; 27, с. 168; 29, с. 32]. Он пред-

ставлял собой **obelisk** черного лабрадорита, установленный на четырехугольном трехступенчатом основании и увенчанный **поднявшим крылья бронзовым орлом**. К основанию монумента вела сужающаяся кверху лестница из десяти ступеней (рис. 9) [4; 18, с. 221]. На гранях обелиска были

Рис. 9. «Памятник воинам-подольцам, павшим в Отечественную войну, поставленный в Бендерах потомками-подольцами». 1912 г. [4, с. 97]

¹⁶ Сведения о посвящении памятника 100-летию присоединения Бессарабии к России [13, с. 54; 27, с. 168] появились только в советское время и не соответствуют действительности. Оба юбилея лишь праздновались в один год.

¹⁷ Бородинское сражение между французской и российской армиями состоялось 26 августа (7 сентября) 1812 г. [18, с. 218; 26], но день его 100-летия приходится не на 7-е, а на 8-е сентября по новому стилю.

¹⁸ Также встречается, ошибочно, 25 августа (7 сентября) [9].

Рис. 10. Памятник М. И. Кутузову в д. Горки
в мае 2019 г. Архитектор
П. А. Воронцов-Вельяминов
(фото автора)

высечены слова: на лицевой – «ДОБЛЕСТНЫМЪ ПРЕДКАМЪ ПОТОМКИ» и ниже «ОТЪ 55-го ПБХ. ПОДОЛЬСКАГО ПОЛКА. 1912 г.», на тыльной – «УЧАСТІЕ ПОДОЛЬСКАГО ПОЛКА ВЪ БОЯХЪ 1812 Г. НА РБКЪ УШАЧЬ 8 ОКТЯБРЯ, У ДЕРЕВНИ ЧАШНИКИ 19 ОКТ., У ДЕРЕВЕНЬ СТАНИЩЕ, ХРАБРОЙ И СМОЛЯНЦЫ 2 НОЯБРЯ».

Возможно, в качестве основы для памятника была использована типовая модель надгробия. Как минимум один подобный обелиск сохранился на старом городском кладбище Бендер. По всей видимости, он был изготовлен в 1910-х годах, а после 1955-го повторно использован на новом захоронении. Об этом свидетельствует одна из гра-

Рис. 11. Памятник Волынскому пехотному полку
в д. Семёновское в мае 2019 г.
Архитектор А. П. Верещагин
(фото автора)

ней надгробного памятника, где прежняя надпись была стесана, а ее место заняла эпитафия. Но даже если такая модель и не стала прототипом для памятника подольцам, вполне обоснованно можно предположить, что оба обелиска были изготовлены в одной гранитной мастерской.

В целом же своей идеей монумент напоминал сразу несколько памятников, сооруженных в разное время в Российской империи. Например, воинам 77-го пехотного Тенгинского полка штабс-капитану Н. Лико и рядовому А. Осипову во Владикавказе (1881), воинам 148-го пехотного Каспийского полка, павшим в Русско-японскую войну 1904–1905 годов, в Петергофе (1911) или воинам 2-го пехотного Софийского полка, павшим в Отечественную войну 1812 года, в Смоленске (1912). Но больше других он походил на памятник генерал-фельдмаршалу М. И. Кутузову (рис. 10), воздвигнутый на Бородинском поле также в юбилейный год.

Исходя из того, что памятник славы 55-го пехотного Подольского полка сохранился и хорошо нам знаком, а также обнаружена его фотография (рис. 9), сделанная в год открытия, некоторые вопросы вызывает описание, приведенное в бессарабских газетах того времени: «Памятник представляет собой гранитную скалу, на вершине которой парит золотой, двуглавый орел» («Бессарабский телеграф») [19] и «Памятник подольцам представляет собой глыбу, на вершине которой находится орел с распростертыми крыльями» («Бессарабская жизнь») [16]. Что это: своеобразная интерпретация увиденного или корреспонденты вовсе не видели монумента? Да и не были ли оба корреспондента одним человеком? Ответить на эти вопросы сейчас сложно. Можно лишь заметить, что под такое описание больше подходит памятник, установленный в 1912 году на Бородинском поле в честь доблестных предков 53-м пехотным Волынским полком (рис. 11), входившим в состав той же дивизии, что и 55-й Подольский.

С оккупацией Бессарабии Румынией в 1918 году в Бендеры пришли новые хозяева. Тогда же закончил свой путь 55-й пехотный Подольский полк. Но, как бы ни казалось странно, несмотря на такие перемены, памятник русской ратной славы устоял. Секрет терпимости новых властей ока-

зался прост — орел, венчавший обелиск, являлся не только символом воинской доблести, чести и славы, но и символом румынского государства. Более того, подобные монументы в честь героев Первой мировой войны затем стали появляться и в самом королевстве. Поэтому памятник сносить не стали, а просто приспособили для своих целей.

24 января (6 февраля) 1919 года, в день первой годовщины провозглашения независимости Молдавской Демократической Республики, он был открыт вновь, но теперь уже не в память о доблестных предках, а в честь присоединения Бессарабии к Румынии. Ранее обращенный к главной дороге крепости, орел был развернут на 180 градусов — в сторону Днестра, по которому проходила граница с Советской Россией (рис. 12), а старые надписи закрыты белыми мраморными досками. На одной из них было выбито: «27 MARTIE 1918. ÎNTOARCEREA BASARABIEI LA PATRIA MUMĂ» («27 марта¹⁹ 1918 г. Возвращение Бессарабии к Родине-матери») [32, с. 565–566]. Эти перемены заметны на фотографии, изданной в Румынии в виде почтовой карточки «Monumentul și biserica din cetatea Tighina» («Памятник и церковь в Бендерской крепости») не позднее 1925 года.

В таком виде памятник просуществовал вплоть до установления в городе в 1940 году советской власти, когда, вероятно, румынские доски были демонтированы. Орел же продолжал смотреть на восток как минимум до августа 1944 года. Об этом свидетельствуют кадры кинофильма «Победа на юге» (режиссер Л. В. Варламов), снятые после освобождения города операторами Центральной студии документальных фильмов (рис. 12) [21]. Впрочем, к 1949 году он уже вернулся в первоначальное положение [22]. А вот замазанные цементом следы всех преобразований легко заметить на монументе и сегодня. Также на обелиске по-прежнему хорошо видны выбоины, напоминающие о Великой Отечественной войне. Их появление могло быть связано со взрывом, произошедшим в

Рис. 12. Орел, смотрящий на восток.
Кадр из документального фильма «Победа на юге».
СССР, 1944 г. (РГАКФД)

районе Бендерской крепости 3 августа 1944 года [30, л. 683; 31, л. 120] или же с ее обстрелом советской артиллерией [23].

В первой половине 1960-х годов²⁰ памятник славы 55-го пехотного Подольского полка вынесли за пределы крепости и установили обращенным к ее валам на улице Энгельса (ныне — Панина; N 46.83323°, E 29.48557°), где «Орел» располагается и по сей день. У места же прежнего расположения монумента, всего в 2–3-х метрах восточнее, впоследствии появился военный бокс из сборного железобетона. В 2018 году его демонтировали, использовав часть элементов конструкции в качестве основы для строящегося выставочного зала (открыт 7 октября того же года).

Новая версия памятника хотя и была значительно схожа с предыдущей, но имела несколько отличий. Их несложно обнаружить при сравнении фотоснимков 1912-го и 1960-х годов. Так, изменения видны в лестнице, ведущей к основанию

¹⁹ 9 апреля по новому стилю — дата аннексии Бессарабии Румынией.

²⁰ Не позднее октября 1964 г. (из тираспольской газеты «Ленинское знамя» известно, что в это время с памятником, располагавшимся уже на трассе Кишинёв–Тирасполь, ознакомилась болгарская делегация кооператоров) [10; 17]. В большинстве источников ошибочно указывается 1967 г. [9; 14; 29, с. 33; 32, с. 566] или, реже, 1966-й [27, с. 168].

монумента: она приросла двумя ступенями, что может говорить об увеличении высоты холма; изменились форма и линии изгиба ее боковин, а у их оснований появились декоративные цветочные вазоны.

По фотографиям также можно заметить, что к концу 1970-х из-за оседания грунта на холме еще одна ступень появилась и в основании обелиска (рис. 13). В конце 1980-х годов памятник славы

Рис. 13. «Памятник 55-му Подольскому пехотному полку». 1983 г. (коллекция В. В. Кучеренко)

подольцев был отремонтирован. Ступени лестницы отделали гранитом, объединив две нижние в одну, а основание монумента обложили плиткой, частично перекрыв ею нижнюю часть обелиска. Уровень земли на холме при этом поднимать не стали. Тогда же, по всей видимости, удалили вазоны с цветами. С годами изменился и сам состоящий из пяти частей орел – у него провисли крылья (особенное беспокойство вызывает левое), а площадка, на которой он установлен, получила существенные сколы камня.

В разгар молдо-приднестровского вооруженного конфликта летом 1992 года над монументом в очередной раз нависла угроза уничтожения. В ночь с 22 на 23 июня рядом с ним разыгралась кровавая драма: в результате шквального огня,

открытого по отходящей мимо Бендерской крепости колонне приднестровских гвардейцев, согласно данным Информационного агентства «Новости Приднестровья», 48 человек погибло, а 120 получило ранения, из которых 25 впоследствии скончалось [7]. Но посеченный пулями «Орел», как и прежде, продолжал стоять на своем месте.

По инициативе Министерства внутренних дел ПМР 12 августа²¹ 2006 года рядом с памятником, с западной его стороны, были перезахоронены останки командира 2-й бригады 14-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта П. П. Дубельта (1827–1904), коменданта Бендерской крепости генерал-майора А. И. Ведемейера (1768–1831) и командира Донской казачьей батареи войскового старшины М. Ф. Хоперского (?–1891) [24]. До этого они покоились на старом русском военном (ныне – Военно-историческое мемориальное) кладбище. Спустя два месяца, 8 октября, на могилах были открыты надгробные памятники [25].

29 августа 2018 года у памятника славы 55-го пехотного Подольского полка впервые в городе был установлен туристический указатель с QR-кодом, по которому теперь любой пользователь смартфона мог бы на месте получить краткую информацию о памятнике на русском и английском языках [12]. Однако во время подготовки этой статьи, в феврале 2019 года, запрашиваемая страница была недоступна.

Еще 3 июля 1945 года в соответствии с указанием управления по делам архитектуры при Совете народных комиссаров МССР Бендерская крепость была взята под охрану исполнительным комитетом Бендерского горсовета как архитектурный и исторический памятник Молдавской ССР. Отныне в крепости были запрещены *«всякого рода реконструкции, разборки, достройки и другого рода работы, могущие повлечь за собой изменение формы и конструкции указанных памятников, а также его разрушение»* [5, л. 166].

Аналогичное решение, руководствуясь Постановлением Совета Министров МССР № 1100 от 20 августа 1949 года, бендерский горисполком

²¹ Также встречается, ошибочно, 15 августа [9].

принял 4 ноября того же года. В соответствии с ним государственной охране отныне подлежала не только крепость, но и, как отдельная единица, «Памятник-obelisk 55-му Подольскому полку», а также монумент, установленный на братских могилах советских воинов в предместье Кавказ [6, л. 204]. Впрочем, как мы знаем, в дальнейшем это не помогло ни одному из них.

18 июня²² 2002 года «Памятник 55-му Подольскому полку» был внесен в Государственный реестр памятников республиканского и местного значения Приднестровской Молдавской Республики под номером 52 как памятник истории и монументального искусства республиканского значения [15, с. 88, 95]. В следующем году, 11 декабря, Бендерский городской Совет народных депутатов включил «Памятник русской славы (Орел)» в Перечень местных символов и объектов, являющихся местной символикой, вслед за Бендерской крепостью и Преображенским собором [20].

Думаю, не ошибусь, если предположу, что о существовании в Бендерах памятника воинам-подольцам большинство горожан узнало только после его переноса на улицу Энгельса. Ведь в советский период вход в крепость, по-прежнему остававшуюся военным объектом, для гражданских лиц был закрыт. Теперь же монумент стал доступен каждому. В 1964 году его снимок (фотограф А. Молодченко [8]) впервые после долгого перерыва был опубликован в газетах «Ленинское знамя» [17] и «Култура Молдовей» [8], а спустя два года мозаичное панно «Старые Бендеры» (художник М. А. Буря) с изображением памятника украсило зал ожидания новопостроенного здания бендерского автовокзала [2]. С тех пор у «Орла», одного из старейших памятников Молдавии, стали встречать и провожать почетных гостей города, изображения монумента начали появляться в путеводителях, чеканиться на памятных медалях и значках. «Орел» стал эмблемой добываемой и разливаемой с 1964 года Бендерским пивоваренным заводом минеральной природной столовой воды «Варница».

Не потерял популярность памятник и после распада Советского Союза (рис. 14). В 1998, 1999,

Рис. 14. Памятник русской славы в сентябре 2008 г. (фото Н. В. Федоренко)

2008, 2012 и 2017 годах в Приднестровье были выпущены семь почтовых марок с его изображением, а с 2000 года монумент можно видеть на банкнотах достоинством в 25 приднестровских рублей. Также в разные годы изображение памятника украшало первую полосу городских газет «Победа» (1990–1991) и «Новое время» (с 2016). В 2007 году по инициативе министра внутренних дел ПМР В. Н. Красносельского и под эгидой Вице-Президента ПМР А. И. Королёва в Бендерах был возрожден праздник 55-го пехотного Подольского полка [28], отмечаемый отныне ежегодно 29 августа²³, в день Спаса Нерукотворного (за исключением 2013–2016 годов – периода президентства Е. В. Шевчука).

²² В Собрании актов законодательства Приднестровской Молдавской Республики – 31 июля [1].

²³ В 2007 году праздник отмечался по старому стилю – 16 августа [28].

Сегодня среди многочисленных достопримечательностей города памятник воинам-подольцам занимает особое место. Ему, единственному из установленных в Бендерах до революции 1917 года монументов, удалось не только пережить все перипетии XX века, но и стать одним из главных символов города. Несмотря на это, состоя-

ние «Орла» оставляет желать лучшего. В настоящее время ему требуется комплексная научная реставрация. Но, увы, опыт последних лет показывает, что любая проводимая в Приднестровье «реставрация» памятников несет для них еще большую опасность, чем всепоглощающее время.

Приложение 1
[4, с. 104]

КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ РАЗВЕДЧИКА

Да ведают потомки...

А. С. Пушкин

Бендеры. — В столетнюю годовщину Великой Отечественной войны, в день славного Бородинского боя 26-го августа, 55-й пехотный Подольский полк праздновал тройной праздник: и славную годовщину Отечественной войны, и неотпразднованный, благодаря маневрам, полковой праздник, и открытие памятника воинам-подольцам, павшим в тяжкую годину Отечественной войны.

Сооруженный памятник таков: на площадке, против офицерского собрания, среди зелени деревьев, возвышается круглый холмик, на нем устроен цоколь, на котором воздвигнут обелиск из темно-серого гранита, а на вершине обелиска, гордо расправив и приподняв крылья, парит бронзовый орел. Надписи: на лицевой стороне, сверху: «Доблестным предкам — потомки», внизу: «От 55-го пехотного Подольского полка», а на тыльной стороне — перечень боев, в которых полк участвовал в 1812 году. Склоны холмика и вся площадка усеяны газонами.

Закладка памятника была совершена 10-го июня, а 24-го августа закончены все работы по сооружению и устройству сквера.

К утру 26-го августа вся крепость приняла праздничный вид. Площадка у памятника, казармы, отдельные дома, офицерское собрание и т. д., все украсилось национальными флагами, а места-

ми — транспарантами. На крепостном бульваре, у офицерского собрания, раскинут был огромный шатер для предстоящего парадного обеда, вблизи стояли два шатра из сигнальных морских флагов, долженствовавшие вечером служить киосками для прохладительных напитков во время бала.

26-го августа, в 10 часов утра в крепостной церкви началось торжественное богослужение. К этому времени полк построился у памятника покоем, а знамена, в числе 31, и остальные регалии были внесены в церковь.

Около 11 ¹/₂ часов, у подножья закрытого белым покрывалом памятника, началось богослужение.

Во время Царского молебна, при провозглашении многолетия Государю Императору, завесы с памятника пали, обнажив обелиск и венчавшего его орла, с гордо поднятыми кверху крыльями. За сим следовала панихида по убиенным воинам и второе молебствие, по случаю освящения памятника, после чего полк прошел церемониальным маршем.

По отнесе знамен полк был отпущен по казармам, где нижних чинов ждал обильный, улучшенный обед, а приглашенные и офицеры полка прошли на обед к собранию полка.

Вечером в зале офицерского собрания состоялся бал.

На следующий день, 27-го августа, с 5 часов дня на обширной Петровской площади состоялись разнообразные игры нижних чинов на призы.

Когда стемнело — на устроенной на площади сцене были поставлены живые картины нижними чинами под руководством офицеров, сюжетом для

которых послужили эпизоды из Отечественной войны.

Затем тут же сожжен был великолепный, разнообразный фейерверк.

В. Ж.

*«Разведчик»,
12 (25) февраля 1913 г.*

Приложение 2 [19]

ПРАЗДНОВАНИЕ В БЕНДЕРАХ ЮБИЛЕЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Церковные празднества по случаю юбилея Отечественной войны в Бендерах начались в субботу [25 августа (7 сентября) — А. Т.].

В субботу с утра совершена была заупокойная литургия по Императоре Александре I и павшим в войну 1812 года. Литургию совершил о. Василий Вардзопу.

Празднование в Бендерах столетнего юбилея Отечественной войны началось вчера [26 августа (8 сентября) — А. Т.] с раннего утра. Несмотря на пасмурную погоду соборная площадь запружена народом.

К 8 часам на соборную площадь начали прибывать учащиеся средних и низших учебных заведений с педагогическим персоналом во главе.

В 9 ч. утра о. Василий Вардзопу, при переполненном храме молящихся, прочел очерк о 100-л. юби[лее] Отечественной войны.

Затем отслужено было торжественное богослужение за избавление России от нашествия французов.

На торжественном богослужении присутствовали: бендерский уездный исправник В. Н. Хлобощин, городской голова П. Н. Гейденрейх, исправляющий должность уездного предводителя дворянства Д. Д. Писаржевский, председатель Земской Управы К. А. Мими, Уездный Член Киш[инёвского] Окружного Суда А. В. Брюханов и др. представители различных учреждений.

В 10 ¹/₂ ч. утра процессия из собора направилась по Соборной [ныне — Советской] ул. в крепость.

По прибытии в крепость о. Александром Орловым было отслужено молебствие и пропета вечная память Императору Александру I-му и всем павшим воинам 1812 г.

После молебствия состоялось торжественное открытие и освящение памятника павшим воинам 1812-го года. Памятник представляет собой гранитную скалу, на вершине которой парит золотой, двуглавый орел. На памятник возложены венки: от реального училища, женской гимназии, 55-го пех. Подольского полка, конвойной команды, городской управы, уездного дворянства, Бендерского земства, Бенд. Инж. комиссии. После освящения памятника Бригадный командир Руссияно обратился к учащейся молодежи с теплым, прочувствованным словом. Объяснив значение 1812 г. для России, он выразил твердую надежду, что современная молодежь разовьет в себе те же качества, которые спасли Россию в 1812-ом году.

С утра в городе было праздничное оживление. Все магазины целый день были закрыты. Город днем был разукрашен флагами, а вечером иллюминирован.

Во время торжеств играл оркестр музыки 55 пех. Подольского полка.

*«Бессарабский телеграф»,
27 августа (9 сентября) 1912 г.*

НАШ КРАЙ

От наших корреспондентов

БЕНДЕРЫ

Празднование 100-летия Отечественной войны 26 августа у нас сосредоточилось, главным образом, в крепости, где ко времени юбилея приурочено было открытие и освящение памятника павшим в Отечественную войну воинам 53 [верно – 55] пехотного Подольского полка, ныне расположенного в нашем городе.

В крепости, в 12 час. дня, к месту нахождения памятника собрались: духовенство, городское и военное [руководство], командующие воинскими частями, делегации от города, земства, учебных заведений, полков и воинских частей, расположенных в Бендерах, и приглашенные лица.

Памятник подольцам представляет собой глыбу, на вершине которой находится орел с распростертыми крыльями.

У подножия памятника расположились знаменосцы со всеми знаменами Подольского полка и часовые в исторических формах. Вокруг памятника выстроены были: Подольский полк в полном составе, части войск местного гарнизона и учащиеся. По окончании богослужения произведен был парад войскам и прочитан Высочайший приказ по

армии и флоту по случаю 100-летия Отечественной войны.

Торжество закончилось народным гимном, сопровождавшимся криками «ура» и церемониальным маршем войск. На памятник возложены венки от города, земства, женской гимназии, реального училища и др.

В тот же день в одной из местных синагог (новой), при большом стечении народа, отслужена была панихида по императоре Александре I и павших в Отечественную войну воинах, после чего совершен молебен о здравии Государя Императора и всего Царствующего Дома. Казенный раввин Дербаримдикер произнес соответствующее случаю слово. Затем, по инициативе гласного думы Я. Имаса, отправлена была чрез бессарабского губернатора на имя Государя Императора телеграмма с выражением верноподданнических чувств бендерской еврейской общины.

*«Бессарабская жизнь»,
29 августа (11 сентября) 1912 г.*

БИБЛИОГРАФИЯ

1. 1350. Постановление Верховного Совета Приднестровской Молдавской Республики от 31 июля 2002 г. № 622 «Об утверждении Государственного реестра памятников республиканского и местного значения Приднестровской Молдавской Республики» // Собрание актов законодательства Приднестровской Молдавской Республики. Тирасполь, 2002. № 31 (5 августа), с. 5892–5914.
2. Антонюк И. М. 1983. Михаил Буря. Кишинёв: Литература артистикэ.
3. Бендерская жизнь // Бессарабский телеграф, 18 июня (1 июля) 1912 г. № 8, с. 3.
4. Бендеры // Разведчик: Журнал военный и литературный, 1913. № 1163 (12 (25) февраля), с. 97, 104.
5. БГТА, ф. 101, оп. 1, д. 2.
6. БГТА, ф. 101, оп. 1, д. 23.
7. В Бендерах вспоминали защитников Приднестровья, погибших в ночь с 22 на 23 июня 1992 года // ИА «Новости Приднестровья», 23 июня 2017 г. <https://novostipmr.com/ru/news/17-06-23/v-benderah-vspominali-zashchitnikov-pridnestrovyu-pogibshih-v-noch> (дата обращения: 02.08.2019).
8. Дан З. 1964. Граюл петрей // Культура Молдовей, 5 декабря 1964. № 98 (999), с. 2.
9. Денисок С. Г. 2017. День рождения «Орла». 105 лет со дня открытия памятника 55-му пехотному Подольскому полку // Новое время, 16 сентября 2017 г. № 102 (3928), с. 3.
10. Друзья делятся опытом. 1964 // Ленинское знамя. Тирасполь, 27 октября 1964 г. № 128 (2814), с. 1–2.
11. Исторические и памятные места города Бендеры Молдавской ССР. 1970. Бендеры: БГОО «Знание».
12. История города в QR-коде // Новое время. Бендеры, 8 сентября 2018 г. № 103 (4074), с. 1.
13. Коротыш Н. Ф. 1988. Бендеры. Кишинёв: Тимпул.
14. Лобанов Е. А., Перстнёв В. И. 1995. Под сенью гордого орла // Новое время. Бендеры, 15 июля 1995 г. № 79 (724), с. 3.
15. Музейное дело и охрана памятников. 1997–2006. 2006. Тирасполь: ГУК МП ПМР.
16. Наш край. Бендеры // Бессарабская жизнь, 29 августа (11 сентября) 1912 г. № 199, с. 3.
17. «Не зарастет народная тропа к этому памятнику...» // Ленинское знамя. Тирасполь, 7 ноября 1964 г. № 133 (2819), с. 4.
18. Отечественная война // Военная энциклопедия. Т. 17. Петроград: Т-во И. Д. Сытина, 1914, 213–224.
19. Празднование в Бендерах юбилея Отечественной войны // Бессарабский телеграф. Бендеры, 27 августа (9 сентября) 1912 г. № 18, с. 3.
20. Решение «Об утверждении перечня местных символов и объектов, являющихся местной символикой» // Новое время. Бендеры, 16 декабря 2003 г. № 140 (1943), с. 1.
21. РГАКФД, к/ф 5019, ч. II.
22. РГАКФД, к/ф 17346, ч. II.
23. РГАКФД, сн. 0-79853.
24. Соловьёв А. 2006. Русским воинам – слава! // Новое время. Бендеры, 15 августа 2006 г. № 90 (2330), с. 1.
25. Соловьёв А. 2006. Пусть будет им пухом приднестровская земля // Новое время. Бендеры, 10 октября 2006 г. № 117 (2357), с. 1.
26. Троицкий Н. А. 2006. Бородинское сражение 1812 // Большая Российская энциклопедия. Т. 4. М.: Большая Российская энциклопедия, с. 61–63.
27. Ульянов В., Пилат И. 1977. Исторические места и памятники Молдавии. Изд. 2-е, доп. Кишинёв: Картя молдовеняскэ.
28. Хорошев А. 2007. Потрясающий праздник 55-го Подольского пехотного полка // Новое время. Бендеры, 18 августа 2007 г. № 91 (2479), с. 1–2.

29. Худяков В. В. 1999. В цветущих акациях город... Бендеры: люди, события, факты. Бендеры: Полиграфист.
30. ЦАМО, ф. 821, оп. 1, д. 85.
31. ЦАМО, ф. 1453, оп. 1, д. 65.
32. Rusanovschi Iu. 2018. Războiul Monumentelor: Soarta monumentelor din Basarabia, Bucovina de Nord, Transnistria din perioada 1918–1944. Chișinău: Cu drag.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

БГГА – Бендерский городской государственный архив;
ИА – Информационное агентство;
ПМР – Приднестровская Молдавская Республика;
РГАКФД – Российский государственный архив кинофотодокументов;
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив;
РГИА – Российский государственный исторический архив;
ЦАМО – Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации.

НАТЕЛЬНЫЕ КРЕСТЫ С ГОЛГОФСКИМ СЮЖЕТОМ (ИЗ СОБРАНИЯ МУЗЕЯ АРХЕОЛОГИИ ПОДНЕСТРОВЬЯ)

Н. А. Разумова,

хранитель фондов Музея археологии Поднестровья

ПГУ им. Т. Г. Шевченко

В православной культуре позднего Средневековья и Нового времени одним из важнейших атрибутов являлся нательный крест. Как отмечал выдающийся русский археолог, профессор Санкт-Петербургской духовной академии Н. В. Покровский (1848–1917), «крест играет большую роль в жизни каждого православного христианина. Он символизирует в христианстве крестные страдания человека, которые он должен преодолевать с мужественным смирением и упованием на волю Божию» [10, с. 318]. Православный крест считался выражением великой силы, способной защитить от происков зла.

Предметом исследования средневековой археологии нередко становятся металлические нательные кресты, обнаруженные случайно либо при плановых полевых исследованиях. Однако в последнее время все чаще нательные кресты становятся «трофеями» черных копателей.

Так, летом 2015 г. Государственным таможенным комитетом ПМР был задержан гражданин, который, пересекая границу республики, при себе имел большое количество металлических нательных крестов. После проведения экспертизы коллекция крестов была передана на хранение в Музей археологии Поднестровья ПГУ им. Т. Г. Шевченко. Коллекция была изучена, зарегистрирована и включена в фонды музея. При передаче металлических предметов были выделены, документально оформлены и детально описаны 35 металлических нательных крестов.

При описании поступившей в Музей археологии ПГУ им. Т. Г. Шевченко серии крестов мы разделили их на две основные группы:

- кресты с голгофской тематикой более ранней чеканки (19 экземпляров);

- кресты с изображением Распятия Христова – более поздние экземпляры (16 экземпляров).

Данная публикация посвящена первой группе – нательным крестам с голгофским сюжетом (*рис. 1*).

Изучая историографию, посвященную христианским предметам личного благочестия, можно заметить, что церковная археология имеет двухвековую традицию тщательного описания крестов с голгофской тематикой и куда более малый опыт строгой классификации и научной интерпретации накопленного. Отметим, что большое количество таких крестов было опубликовано в конце XIX – начале XX в. в описаниях собраний Б. И. и В. Н. Ханенко [3], Н. Леопардова и Н. Чернева, графа Уварова [14], в описании Церковно-археологического музея при Санкт-Петербургской духовной академии (Н. В. Покровского), в каталоге древностей Тверского музея (каталог А. К. Жизневского), а также в материалах раскопок Глазова в 1899 г. [5] и т. д. В настоящее время для нательных крестов существует большое количество более или менее дробных классификаций, основанных на самых различных критериях [5, с. 59]. Однако целенаправленные исследования так называемых поздних крестов появляются лишь с начала 1990-х гг.,

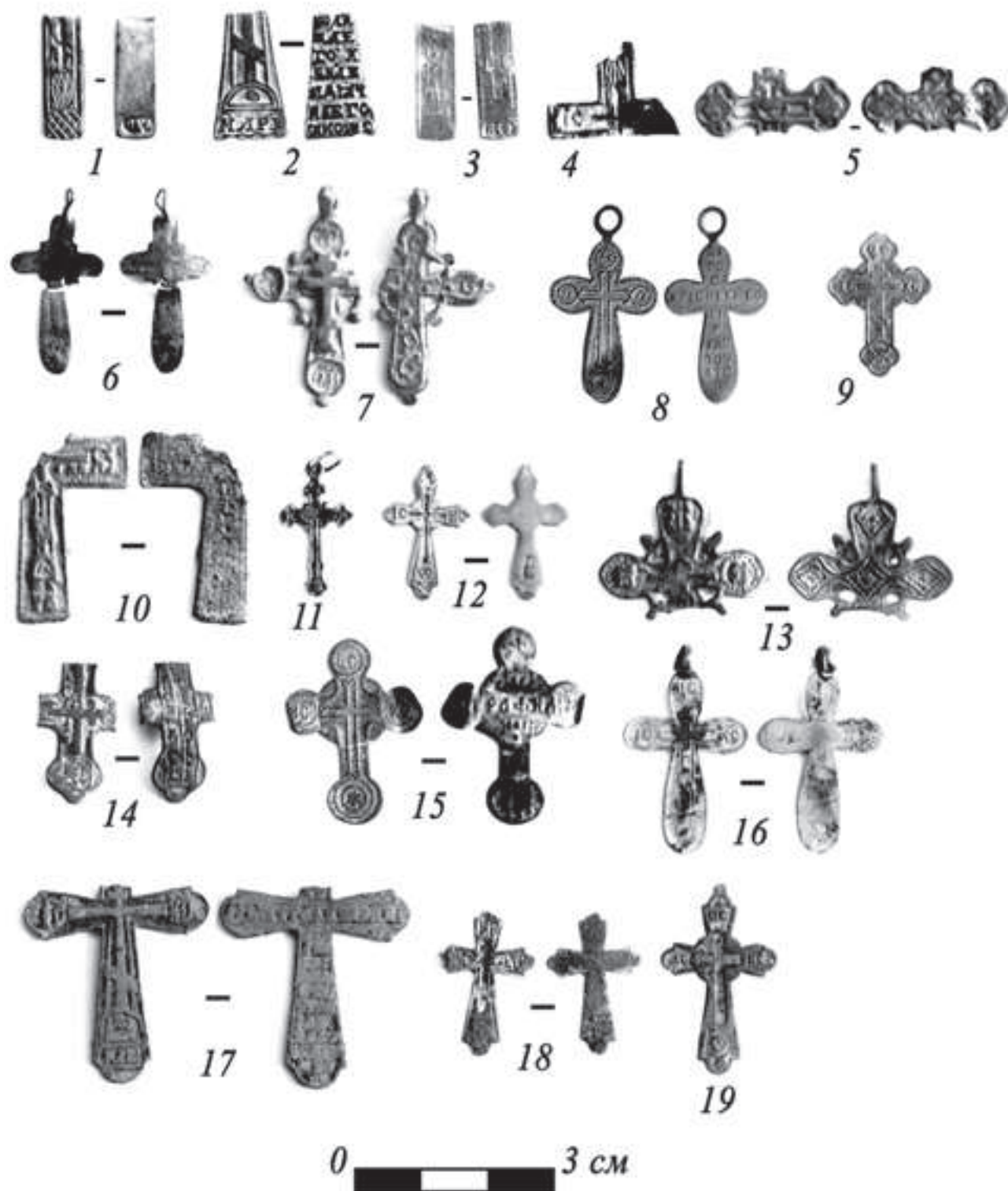

Рис. 1. Голгофские кресты из собрания Музея археологии Поднестровья ПГУ им. Т. Г. Шевченко

когда происходит всплеск научного интереса к этой стороне материальной и духовной культуры России [8, с. 3].

Итак, в распоряжение музея попало 19 крестов с голгофской тематикой:

1. № 1432. Крест нательный (медный сплав) четырехконечный, двусторонний, с округлым углом в средокрестии и концами в виде трилистника. Контур креста окаймлен тонким рельефным ободком с обеих сторон (*рис. 1: 14*).

Лицевая сторона: в сохранившейся части средокрестия изображение рельефного восьмиконечного (?) Голгофского креста и верхних частей трости и копья, располагавшихся по обеим сторонам от креста. В сохранившейся левой оконечности рельефная монограмма «ХС».

Оборотная сторона: всю поверхность креста заполняют нечитаемые строки текста молитвы, разделенные горизонтальными линиями.

В данном случае строки молитвы играют роль орнамента на оборотной стороне. Похожие кресты принято называть еще криноконечными.

Датировка: XVIII–XIX вв. по Э. П. Винокуровой [2, с. 343–344]. Аналоги известны на территории Северо-Западной России [16].

2. № 1429. Нижнее окончание одностороннего креста с прямоугольными лопастями (серебро). (*рис. 1: 1*).

Лицевая сторона: изображение в рамке углубленного Голгофского креста, с правой стороны углубленная буква «О», с левой – «А». В нижней оконечности углубленный рисунок растения. Под рамкой ромбовидная решетка (символическое изображение скал).

Оборотная сторона: гладкая. На нижней оконечности в овальной рамке проба «84» и символическое изображение Архангела Михаила. Такое клеймо ставилось на кресты в мастерских Киева [11, с. 17] в последней четверти XIX в.

3. № 1434. Крест четырехконечный (биллон), двусторонний, с овальными концами и лучистым венцом вокруг средокрестия (лучи в виде шариков). Такие же шарики на концах. Над оголовьем кольцевидное ушко для подвешивания с шариком, изготовленное из расплюсченной проволоки. Контур креста окаймлен тонким рельефным ободком с обеих сторон (*рис. 1: 7*). Правое и левое окончания обломаны. Покрыт патиной.

Лицевая сторона: на оконечностях вдавленные медальоны. В центре средокрестия рельефный восьмиконечный Голгофский крест, нижняя перекладина которого слегка расширена. В нижней оконечности в медальоне рельефная монограмма «НН» или «НІ» («НИКА»).

Оборотная сторона: по полю расположены рельефные точки. В нижней оконечности S-видная линия с точками по бокам.

Сохранившиеся размеры: вертикальная планка – 32 мм; горизонтальная планка – 18 мм; толщина – 1 мм. Ушко: диаметр – 4х3 мм.

Монограмма «НН» или «НІ» означает «НИКА», что в переводе с греческого «победа». Размещение этой надписи в основании креста, вероятно, символизирует победу над смертью.

Аналогичный крест был обнаружен в Суздале на улице Никольской, раскопки 1936 г. [8, с. 28]. Он датирован в широком диапазоне XVII–XIX вв.

4. № 1430. Нижнее окончание двустороннего креста с прямоугольными лопастями (медный сплав) (*рис. 1: 3*).

Лицевая сторона: изображение в рельефной рамке углубленного Голгофского креста, в нижней части которого монограмма «ВЧ» («В4?»), в нижней оконечности в прямоугольной рамке проба «84» и символическое изображение Архангела Михаила.

Оборотная сторона: ростовая фигура святого (-ой) в лучистом нимбе. В правой руке – крест.

Ввиду неполной сохранности образца (нижнее окончание) трудно представить аналоги декорирования креста, можно лишь отметить общее сходство с крестами с киевским клеймом. Описанный выше крест № 1429, очевидно, аналогичен данному образцу. Киевское клеймо такого вида датируется последней четвертью XIX в. [11, с. 17–18].

5. № 1431. Нательный крест четырехконечный (медный сплав), двусторонний, с концами в виде трилистников и округлым средокрестием, без дополнительных элементов. Контур креста окаймлен тонким рельефным ободком (*рис. 1: 5*).

Лицевая сторона: рельефное изображение Голгофского креста с цатой на средокрестии. В правой и левой оконечностях рельефное изображение ромбов.

Оборотная сторона: в правой, левой оконечностях и средокрестии сохранилось рельефное изображение ромбов, между которыми растительный орнамент.

Сохранились только горизонтальная планка и средокрестие. Покрит патиной. Сохранившиеся размеры: вертикальная планка – 9 мм; горизонтальная планка – 21 мм; толщина – 1 мм.

О значении размещения цаты на крестах мало что известно, но в Энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона дано следующее определение слова «цата»: «подвес, прилагаемый к иконам» [17, с. 875]. Трудно сказать, что понимал под цатами А. С. Уваров, возможно, это символическое изображение венца – символа победы над смертью и дьяволом. Концы креста представляют собой стилизованный трилистник, считающийся символом Пресвятой Троицы.

Нательный крест с подобной атрибутикой и изобразительным исполнением был обнаружен в Тульской области, отлит в г. Твери [15, с. 47].

Относится к распространенному типу простых четырехконечных крестов, имеющих несложные, упрощенные формы. Общепринятая датировка возникновения типа – вторая половина XVII–XVIII в. Тем не менее, как и ряд других крестов этого типа, публикуемый экземпляр имеет значительно более раннюю дату, если судить по находке аналогичного креста в Твери среди остатков ювелирной мастерской второй половины XV в. [15, с. 46].

6. № 1428. Нижняя оконечность нательного двустороннего креста с расширяющейся лопастью (медный сплав). По контуру рельефная окантовка (рис. 1: 2).

Лицевая сторона: сохранилось изображение Голгофского креста с копьём и тростью по сторонам на Голгофе, изображенной в виде полуовала из двойных рельефных линий. В пещере – схематически изображенный череп Адама. В нижней оконечности, под рельефной линией, монограмма «МЛРБ».

Оборотная сторона: сохранилась часть текста молитвы:

Т ЛИ
ЦАЕ
ГО Х

ЕНАВ
ИД Ч
ИИЕГО
Ко ИС

Молитва: «Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его, и да бежит от лица Его ненавидящий Его».

7. № 1409. Крест нательный (серебро) односторонний с Голгофским крестом – под монограммами и восьмиконечным крестом с верхней перекладиной есть основа, фон – вертикальная штриховка в виде линий, на нижней оконечности череп и кости (Голова Адама, из-за плотной патины детали нечеткие, основа под изображением черепа – фоновая штриховка в виде мельчайших точек) (рис. 1: 16).

8. № 1413. Крест нательный (медный сплав) четырехконечный, двусторонний, с овальными концами и круглым средокрестием. Нижняя оконечность длиннее остальных (рис. 1: 15).

Лицевая сторона: по контуру креста рельефная окантовка. В верхней оконечности монограмма «ЦС» в круглом ободке. На средокрестии – рельефный четырехконечный крест с двухчастным завершением лопастей, показанный контуром. В правой оконечности монограмма «ИС» в круглом ободке; в левой – монограмма «ХС» в круглом ободке; в нижней изображение цветка в двух круглых ободках, один из которых выполнен в виде рельефного шнура.

Оборотная сторона: по контуру рельефная окантовка. В верхней оконечности изображение креста. На средокрестии, правой и левой оконечности сохранилась надпись:

[ар]
СЕРАФИМЪ
сар

В нижней оконечности плохо сохранившееся изображение ростовой фигуры святого в линейном нимбе с согнутой правой рукой.

Известны подобные кресты с изображением Серафима Саровского, однако декорированное исполнение очень разнится. Датировка для таких образцов широкая – с XVII по XX в.

9. № 1414. Крест нательный (медный сплав) односторонний, с боковыми лопастями в виде трилистника, круглыми ребристыми выступами

(имитация лучей) в средокрестии. Нижняя оконечность длиннее остальных (рис. 1: 9).

Лицевая сторона: по контуру креста рельефная окантовка. В верхней оконечности рельефная монограмма «ЦС»; в средокрестии рельефный Голгофский восьмиконечный крест, упирающийся в Голгофу, обозначенную полукругом; в нижней оконечности Голова Адама с перекрещенными костями в пещере; в правой оконечности рельефная монограмма «IC», в левой – «XC». Поверхность покрыта косой штриховкой.

10. № 1416. Крест нательный (медный сплав) четырехконечный, двусторонний, с сердцевидными концами, округлым средокрестием с дугами, на дугах лучи в виде капель. По контуру креста с обеих сторон рельефная окантовка. Оглавление имеет вид овального ушка, прямоугольного в сечении (рис. 1: 13).

Лицевая сторона: в средокрестии сохранилась часть рельефного Голгофского креста. На верхней оконечности плохо различимая двухстрочная надпись. На правой оконечности в круглом точечном ободке рельефная монограмма «IC», на левой – «XC».

Оборотная сторона: верхняя, правая и левая оконечности украшены ромбами, внутри которых точечный орнамент. Сохранился неполностью: нижняя оконечность отсутствует, покрыт патиной.

Размеры: вертикальная планка – 18 мм; горизонтальная планка – 27 мм; толщина – 0,5 мм; ушко – 6 мм; сечение – 1х2 мм.

Вышеописанный экземпляр относится к XVII–XIX вв. Известен как «женский» крест, тип VI по Э. П. Винокуровой [2, с. 343–344]. Данный тип крестов сформировался во второй половине XVII в. (в конце столетия они уже встречаются на русском Дальнем Востоке) и широко бытовал на территории России вплоть до XX в. Судя по этнографическим коллекциям, женщины носили такие кресты не только в качестве нательных, но и как наперсные. В последнем случае женщины прикрепляли их к концам низанных из бисера гайтанов («хрестовок») и носили поверх одежды [15, с. 11].

11. № 1424. Крест нательный (медный сплав) четырехконечный, односторонний, с расширяющимися лопастями, завершающимися полукруглыми выступами, с округлым средокрестием.

Нижняя оконечность длиннее остальных. По контуру креста тонкая рельефная окантовка. Оглавление (ушко) было припаяно (рис. 1: 19).

Лицевая сторона: распятие детализованное. В верхней оконечности рельефная монограмма «ЦС» («Царь Славы»). В средокрестии изображение прорезного четырехконечного Голгофского креста. В правой оконечности рельефная монограмма «IC», в левой – «XC». В нижней оконечности под крестом изображение Головы Адама с перекрещенными костями.

12. № 1422. Крест нательный (серебро) четырехконечный, односторонний, с расширяющимися лопастями, завершающимися полукруглыми выступами, с округлым средокрестием. Нижняя оконечность длиннее остальных. По контуру креста тонкая рельефная окантовка (рис. 1: 12).

Лицевая сторона: распятие детализованное. В верхней оконечности изображение «стрелы» острием к средокрестию, в средокрестии изображение четырехконечного Голгофского креста. В правой оконечности рельефная монограмма «IC», в левой – «XC». В нижней оконечности под крестом изображение Головы Адама с перекрещенными костями.

Оборотная сторона: в нижней оконечности прямоугольный штамп с указанием пробы «84», на краю нижней оконечности выделенный дугой нечитаемый штамп с инициалами мастера.

13. № 1427. Крест нательный (медный сплав) четырехконечный, односторонний, с округлыми концами, прямым углом в средокрестии и удлиненным нижним концом. Оглавление припаяно в виде ушка из тонкой проволоки, круглой в сечении. Экземпляр представлен двумя фрагментами (рис. 1: 6).

Лицевая сторона: в верхней оконечности и средокрестии рельефный шестиконечный Голгофский крест. В нижней оконечности череп с перекрещенными костями – Голова Адама.

14. № 1400. Крест нательный (серебро) четырехконечный, односторонний, с округлыми концами в виде трилистника, прямым углом в средокрестии и лучами, удлиненным нижним концом. Оглавление в виде кольца, в которое продето ушко из тонкой проволоки, прямоугольной в сечении (рис. 1: 11).

Лицевая сторона: по контуру рельефный орнамент. В верхней оконечности рельефное изображение короны. Средокрестие – рельефный восьмиконечный Голгофский крест. В правой оконечности монограмма «IC», в левой – «XC». В нижней оконечности череп с перекрещенными костями – Голова Адама.

15. № 1401. Крест нательный (медный сплав) четырехконечный, двусторонний, с расширяющимися округлыми лопастями, острым углом в средокрестии и удлиненным нижним концом. С двух сторон по контуру креста рельефная окантовка (рис. 1: 17).

Лицевая сторона: в центральной части – рельефное изображение восьмиконечного Голгофского креста с копьем и тростью по сторонам. В оконечностях монограммы под титлами: в правой «IC», в левой – «XC».

В нижней оконечности – Голгофа, имеющая вид полукруга с пещерой и Головой Адама в ней. В изножии – монограмма «МЛР [...]» («Место Лобное Рай Бысть»).

Оборотная сторона: по всей поверхности текст молитвы, из-за стертости не восстанавливается. На средокрестии, вероятно, надпись «Спаси и сохрани».

Копье и трость относятся к атрибутам распятия или к орудиям Страстей Христовых, поскольку данные предметы сопровождали казнь Христа. В Новом Завете об этом говорится следующее: «И сплетши венок из терна, возложили Ему на голову и дали Ему в правую руку трость; и становясь перед Ним на колени, надсмехались над Ним, говоря: радуйся, Царь Иудейский! И плевали на Него и взяв трость били Его по голове».¹ «Но один из воинов копьем пронзил Ему ребро и тот час истекла кровь и вода».²

Датируются подобные кресты второй половиной XVII–XIX в. Относятся к распространенному типу простых четырехконечных крестов, имеющих несложные, упрощенные формы, что является признаком массового производства. Обще-

принятая датировка возникновения типа – вторая половина XVII–XVIII вв. По классификации Э. П. Винокуровой, относится к типу III нательных крестов XVII–XIX вв. [2, с. 340].

16. № 1421. Крест нательный (серебро) четырехконечный, односторонний, с расширяющимися лопастями, завершающимися полукруглыми выступами (рис. 1: 18). Нижняя оконечность длиннее остальных. По контуру креста тонкая рельефная окантовка.

Лицевая сторона: распятие детализованное. В верхней оконечности рельефная монограмма «IC», в средокрестии изображение прорезного восьмиконечного Голгофского креста. В правой оконечности рельефная монограмма «IC», в левой – «XC».

Оборотная сторона: в нижней оконечности в прямоугольной рамке проба «84», ниже в прямоугольной рамке нечитаемое клеймо.

17. № 1403. Крест нательный (медь) четырехконечный, двусторонний, со слегка расширяющимися лопастями и прямым углом в средокрестии. Нижняя оконечность длиннее всех остальных (рис. 1: 10).

Лицевая сторона: по контуру тонкая рельефная окантовка. В средокрестии рельефное изображение восьмиконечного Голгофского креста с копьем и тростью по сторонам, стоящего на Голгофе в виде горки, в которой изображен череп (Голова Адама). На левой оконечности монограмма «XC» под титлами, в нижней оконечности – рельефная монограмма в две строки «МЛ РБ», под основной перекладиной «БЖИИ».

Оборотная сторона: все поле занимает текст, прочитать который не представляется возможным. Монограмма «М.Л.Р.Б.» расшифровывается так: «Место Лобное, Распят Был», или «Место Лобное, Раю Быть».

18. № 1405. Крест нательный (серебро) четырехконечный, односторонний, с прямоугольными концами. Контуры креста выделены рамкой. Нижняя конечность длиннее остальных (рис. 1: 4).

¹ [Мф. 23, 29-30; Мк. 15. 15-20; Ин. 19. 1-3, 16].

² [Ин. 19. 34].

Лицевая сторона: сохранился фрагмент изображения Голгофского креста, в верхней части которого перекрестие украшено тремя лучами. В верхней оконечности сохранилось изображение лучей, направленных к кресту. В правой оконечности монограмма «IC», в левой – «XC».

19. № 1408. Крест нательный (медь) четырехконечный, двусторонний, с овальными концами (рис. 1: 8). Нижняя оконечность длиннее остальных. Оглавие в виде плоского круглого ушка.

Лицевая сторона: в верхней оконечности в круглом ободке плохо различимая монограмма «ЦС», под монограммой в средокрестии рельефный контурный четырехконечный крест с двухчастным завершением лопастей. В правой оконечности в круглом ободке буквы «IC», в левой – также в круглом ободке буквы «XC». В нижней оконечности в круглом ободке плохо различима либо 6-конечная звезда, либо цветок.

Оборотная сторона: сохранилась часть текста молитвы:

ДА
ВО
С
КРЕСНЕТЬБО
ГЪ
И
РАС
ТОЧ
АТС
Я.

Текст молитвы «Да воскреснет Бог» никогда не помещался на кресте полностью, иногда он обрывается на половине фразы или на половине слова. На 119 крестах из Пскова прослежено, как первые строки молитвы символизировали молитву целиком. Текст известен с двумя вариантами глагола: «и расточатся/разыдутся врази Его, и да бежат от лица Его ненавидящи Его». Вариант «разыдутся» в литературе связывается с культурой старообрядцев и встречается в материалах из Старого Изборска [7, с. 131].

Крест с такой же молитвой найден при раскопках в Суздале на ул. Никольской в 1936 г. Относится к XVIII–XIX вв. Данный крест четырехконечный, с прямоугольными концами и прямыми углами в средокрестии, с фигурным ушком. Со-

хранилась горизонтальная перекладина и отходящая от нее верхняя лопасть с ушком. На лицевой стороне в центре – изображение восьмиконечного Голгофского креста, по сторонам – копье и трость, на верхнем конце – надпись в две строки: «ЦРЬ / СЛВЫ» под титлами, на концах боковых лопастей – двухстрочная надпись «IC XC / СНЪ БЖЙ» под титлами. Фон лицевой стороны заполнен голубой эмалью. На оборотной стороне – трудночитаемый текст молитвы кресту: «ДАВОС / КРЕСНЕ / ТЪБГЪ / ИРАЗІД / УТСЯВ / РАЗИЕГОИДАБЕЖАТЬО / ТЪНЕГО...». Все изображения и надписи рельефные [8, с. 28]. Аналог известен и на территории Ленинградской области [6, с. 48].

Вернемся к истории использования тельников. С древних времен до наших дней существует обычай носить нательный крест под одеждой. Тельник дается Русской Православной Церковью каждому христианину при совершении таинства Крещения. Нательный крест наравне с крестным знаменем является сильнейшей защитой христианина, его действие сравнивалось с магией языческого амулета.

Ранее на нательных крестах чаще всего изображался простой четырехконечный крест – символ вероисповедания (кресты с инвентарными номерами 1408, 1413, 1422, 1424) (крест № 1405 с наибольшей вероятностью имеет изображение четырехконечного креста, но из-за неполной сохранности сложно утверждать точно).

Известно, что классический восьмиконечный крест – самый распространенный в России. Форма этого креста более всего соответствует тому Кресту, на котором был распят Христос. Поэтому такой крест уже не только знамение, но и образ Креста Христова. В нашем случае это имеет особое значение, так как на 14 образцах (ИН № 1400, 1401, 1403, 1409, 1414, 1416, 1421, 1427–1432, 1434) имеется употребление именно восьмиконечного креста и изучение символики помогает в определении датировки крестов и принадлежности к определенной группе верующих.

Над длинной средней перекладиной восьмиконечного креста находится прямая короткая перекладина – табличка с надписью («титулус») имени «СЕЙ ЕСТЬ ИИСУС ЦАРЬ ИУДЕЙСКИЙ»,

надпись сделана по приказу Пилата (кратко по-гречески «*I.N.B.I.*»; по-латыни «*I.N.R.I.*»; по-славянски «*І.Н.Ц.І.*»). над головой Спасителя. Нижняя косая перекладина, верхний конец которой обращен на север, а нижний — на юг — символизирует подножие, призванное служить для увеличения мучений Распятого, так как обманчивое ощущение некоторой опоры под ногами побуждает казнимого невольно пытаться облегчить свою тяжесть, опираясь на нее, чем только продлевается мучение. Восемь концов Креста, согласно теологическим воззрениям, означают восемь основных периодов в истории человечества, где восьмой — это жизнь будущего века, Царство Небесное, потому один из концов такого Креста указывает вверх, в небо. Это значит также, что путь в Небесное Царство открыт Христом через Его Искупительный Подвиг, по слову Его: «Я есмь путь и истина и жизнь».³

Н. В. Покровский пишет: «На крестах русская косая балка... есть не что иное, как видоизмененная форма древневизантийского подножия креста, удержавшая свое первоначальное место. Видоизменение формы совершалось постепенно, в период времени от IX до XI в.» [10, с. 318].

На 12 экземплярах используется полный голгофский сюжет или применялись для декорирования элементы сюжета (голгофский крест, монограммы), что позволяет отнести их к старообрядческой церковной металлопластике. Под крестом в виде небольшого возвышения изображается гора Голгофа с надписью, в ней пещера с черепом, являющимся Головой Адама. В этом же смысле восстановления утраченной полноты природы, данной Адаму, и восстановления утраченного рая можно понимать и надпись «Место лбно рай бысть», помещаемую внизу креста под Голгофой или над ней. Изображение Голгофы и Головы Адама — эмблема смерти, напоминающая о распятии Иисуса Христа на этой горе — месте нахождения черепов. С последним связано предание, согласно которому здесь был погребен Адам, и кровь Спасителя во время крестной смерти обгарила кости прародителя. Это предание, как считал А. С. Ува-

ров, вероятно, и явилось причиной того, что под распятием изображена Голова Адама.

Обратная сторона символических крестов обычно выполняла функцию прославления искупительной Жертвы Спасителя и Креста Господня, посредством которого искупление свершилось. Для этого использовались символические орнаментальные мотивы (крест № 1416), как и на лицевой стороне креста, или тексты молитв и словословий Кресту (кресты № 1408, 1428).

Тексты молитв на крестах, помимо своего содержания, выполняли еще и эстетическую функцию, создавая своеобразные орнаменты из букв.

Интерпретация переданных в Музей археологии Поднестровья нательных крестов как старообрядческих весьма условна, за исключением крестов с молитвами (крест № 1408; крест № 1428), которые помогают идентифицировать старообрядческое происхождение.

Крупным исследователем в изучении старообрядческой культуры является В. Г. Дружинин, много сделавший для изучения истории медного литья, в том числе поморского. Он определил основные различия между изображениями креста старообрядческими мастерами и последователями официального православия [4, с. 107–111]. Известно, что кресты поморского (а поначалу, до XIX в., и федосеевского) согласия содержали титла «*ЦАРЬ СЛАВЫ*», на крестах последователей официального православия должны были быть титла «*ИНЦИ*» — Иисус Назарейский Царь Иудеи. Разногласия существовали в том числе «о титлах на кресте» как между старообрядцами и сторонниками официального православия, так и в рамках раскола. Оформление старообрядческих крестов начала XX в., как и современных, соответствует требованиям, изложенным в письменных источниках конца XVII — начала XVIII в., а прихожане православной церкви в большинстве своем носят нательные символы благочестия, на которых имеется монограмма «*ИНЦИ*». Так повелось с XVII в., и такое положение дел среди исповедующих христианство сохранялось на протяжении более 300 лет [13, с. 166–174].

³ Ин. 14.6.

Однозначно для археологии важны находки крестов как датирующего материала и как историко-культурного предмета. Крест играл очень важную роль в народной духовной культуре. Таким образом, его роль не сводилась лишь к охранительной и декоративной функциям, значение его куда шире.

Отметим, что вышеописанные кресты сохранились практически целыми. Даже учитывая деформированность отдельных экземпляров, следует обратить внимание на очень хорошую сохранность металла всех крестов. Это свидетельствует о том, что данные изделия были найдены в таких местах, где исключается повреждение крестов сельскохозяйственной техникой и воздействием химических удобрений. Следовательно, наиболее вероятным нам представляется предположение, что данная коллекция (либо ее значительная часть) происходит из грабительских раскопок кладбища.

От трех крестов (№ 1428, 1429, 1430) сохранились только нижние оконечности, четыре экземпляра (№ 1405, 1416, 1431, 1432) представлены фрагментами верхней части креста и деформированы в области слома (сколы старые), два (№ 1403, 1434) имеют лишь одну из верхних лопастей. Важно отметить, что все фрагментированные кресты имеют очень плотную структуру металла и достаточно прочны – это наталкивает на мысль, что данные экземпляры происходят из старообрядческих могил, поскольку именно у старообрядцев существовал обычай класть рядом с усопшим фрагмент сломанного креста [9]. Подчеркнем, что в данном случае кресты повреждались намеренно в процессе погребального обряда. Наше предположение подтверждается наличием в коллекции шести крестов с обломанными ушками (оглавиями). Крест № 1427 был разломан на две части, у креста № 1408 (с молитвой на оборотной стороне) деформировано ушко.

Таким образом, здесь мы имеем дело с умышленным нанесением повреждений символическому предмету либо для того, чтобы исключить дальнейшее ношение крестов, принадлежавших усопшим, либо по требованиям погребальной обрядности определенной группы верующих.

Лишь два креста из 19 испытали на себе агрессивное влияние внешней среды: № 1422,

имеющий размеры 22х20х10х0,5 мм, ушко 5х3 мм, можно отнести к детским крестам; второй крест (№ 1400) принадлежал взрослому человеку (30х18х1 мм, диаметр ушка 4 мм), но побывал в огне и имеет специфический налет на поверхности.

По форме завершения лопастей четырехконечных крестов морфологическая классификация выглядит следующим образом:

- с овальными окончаниями – 3 экземпляра: № 1409, 1427, 1408; с овальными окончаниями и шариками на завершениях лопастей – № 1434;

- с прямоугольными окончаниями – 3 экземпляра: № 1405, 1429, 1430;

- с расширяющимися трапециевидными окончаниями – 2 экземпляра: № 1403, 1428.

Появление прямых крестов-тельников с широкими концами исследователи относят к XVI в. Выделяют их как старообрядческие. О том, что именно в среде староверов была сильна ориентация на древние формы нательных крестов и что большинство из них дошло до нас в поздних повторениях, пишет С. В. Гнутова. Аналогичные кресты из Средней Сибири Н. Н. Исаева называет мужскими и относит их к XVII–XIX вв. Подобные формы тельников дожили у старообрядцев до XX в. На лицевой стороне старообрядческих крестов сохраняется надпись: «Царь Славы Иисус Христос» (а не «Иисус Назарянин Царь Иудейский») [1];

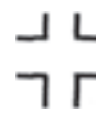
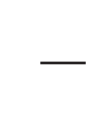
- с окончаниями в виде трилистника – 4 экземпляра: № 1400, 1414, 1431, 1432;

- с расширяющимися лопастями с подокруглыми выступами – 4 экземпляра: № 1401, 1421, 1422, 1424;

- с сердцевидными окончаниями – 1 экземпляр: № 1416;

- окончания креста в виде круглых медальонов: № 1413.

По внешнему декору средокрестия или по наличию и форме фигурных дополнений к основному силуэту нательного креста градация образцов выходит следующая:

Формы средокрестия							
1	№ 1414	№ 1434	№ 1416	№ 1422	№ 1400	№ 1401	№ 1429
2				№ 1424	№ 1427	№ 1403	№ 1430
3				№ 1413		№ 1405	№ 1427
4						№ 1409	
5						№ 1408	
6						№ 1421	
7						№ 1431	
8						№ 1432	

Согласно исследованиям Ю. В. Колпаковой, различные формы средокрестия датируются следующим образом:

- с XVII в. – кольцо вокруг средокрестия;
- с XVII в. – «устья» в средокрестии;
- со второй пол. XVI в. – лучи сияния (и короткие, и длинные) в средокрестии;
- с XVII в. – геометризованные лилии в средокрестии и на концах лопастей;
- с XVII в. – кольцо с лучами сияния вокруг средокрестия;
- с XVII в. – кольцо, украшенное шариками вокруг средокрестия [5].

Археологи в ходе исследований погребальных памятников либо культурных слоев позднего Средневековья и Нового времени часто находят нательные кресты. В таких случаях эти находки могут служить важным датирующим материалом. Например, так произошло при раскопках курганов эпохи бронзы могильника у с. Глиное Слободзейского района ПМР. В кургане № 1 во впускных погребениях № 12 и № 22 были выявлены кресты-тельники: в одном случае медный нательный крест; во втором – серебряный крест [12, с. 310]. Отметим, что в обоих случаях на лицевой стороне были изображены голгофские кресты, а на обороте – тексты молитв. Данные предметы выступили в качестве хроноиндикато-

ров. С их помощью как упомянутые погребения, так и аналогичные им по обряду, но без металлических крестов, были датированы второй половиной XVIII в. Соответственно, были сделаны выводы о проживании в это время на левобережье Нижнего Днестра, входившем тогда в состав Османской империи, русских старообрядцев.

Что касается коллекции нательных крестов, поступившей в музей от ГТК ПМР, нам неизвестны конкретные места обнаружения тех или иных экземпляров. Мы можем только предполагать, что кресты были обнаружены в результате ограбления археологических памятников (поселений и кладбищ) на территории Дубоссарского района. Печально и важно одно: вне зависимости от места находок крестов, несомненно, имел место факт разрушения старообрядческого кладбища или нескольких кладбищ XVIII–XIX вв. Можно лишь констатировать, что памятнику истории был нанесен серьезный урон, и ценная информация о прошлом нашего края в результате действий грабителей утрачена безвозвратно. Во избежание дальнейшего уничтожения исторического наследия необходимо усилить меры по охране памятников истории и культуры в соответствии с действующим законодательством Приднестровской Молдавской Республики.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Боброва А. И. 2004. Нательные кресты с Тискинского могильника // Археология, этнография и антропология Евразии. № 4/20, с. 107–115.
2. Винокурова Э. П. 1999. Металлические литые кресты-тельники XVII в. // Культура средневековой Москвы: XVII век. М.: Наука, с. 326–360.
3. Древности Русския. Кресты и образки. Собрание Б. И., В. Н. Ханенко. 1899. Киев: Типография С. В. Кульженко.
4. Дружинин В. Г. 1993. Введение (Из корректуры книги В. Г. Дружинина «О поморском литье») // Публикация текста Т. В. Берестецкой. Русское медное литье. Вып. 2. М.: Сол-Систем, с. 107–111.
5. Колпакова В. Ю. 2003. Нательные кресты с голгофской тематикой в фондах Псковского музея-заповедника // Археология и история Пскова и Псковской земли: материалы научных семинаров 2001–2002 гг. Псков: ПГПУ, с. 57–66.
6. Колпакова Ю. В. 2014. Коллекция нательных крестов с территории Ленобласти: современные технологии в ставрографическом исследовании // Вестник Псковского государственного университета. Вып. 5, с. 44–61.
7. Колпакова Ю. В., Костючук Л. Я. 2011. Псковские нательные кресты с надписями XIV–XVIII вв. (предварительные итоги наблюдений) // Вестник Псковского государственного педагогического университета. Вып. 13, с. 119–136.
8. Нагрудные кресты позднего Средневековья и Нового времени из археологических коллекций Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника. Каталог. Владимир: Государственный Владимиро-Суздальский музей-заповедник, 2014.
9. Немного о нательных крестах-2. <http://lap-landia.livejournal.com/41086.html> (дата обращения 31.08.2019).
10. Покровский Н. В. 2001. Евангелие в памятниках иконографии, преимущественно византийских и русских. М.: Прогресс-Традиция.
11. Постникова-Лосева М. М. 1992. Указатель русских клейм на изделия из драгоценных металлов XVII–XX вв. М.: Ривьера.
12. Разумов С. Н., Лысенко С. Д., Синика В. С., Тельнов Н. П., Четвериков И. А. 2013. Курганы эпохи бронзы могильника у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра // Stratum plus. № 2, с. 297–340.
13. Самигулов Г. Х. 2008. Еще раз о литых крестах-тельниках конца XVII – середины XIX века (к вопросу о старообрядческих крестах) // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Апельсин, с. 166–174.
14. Собрание древностей графа Александра Сергеевича Уварова. 1908. Каталог. Отдел 8–11. М.: Синодальная типография.
15. Станюкович А. К., Осипов И. Н., Соловьев Н. М. 2003. Тысячелетие креста. Каталог. М.: Клуб Раритет.
16. Ступинский поисковик. http://spsearch.ru/discovery/cross_t033.html (дата обращения 31.08.2019).
17. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Том 37А. 1903. М.: Типография Акционерного общества Брокгауз-Ефрон.

ПРАВОСЛАВНЫЕ НАДГРОВНЫЕ СТЕЛЫ ПРИДНЕСТРОВЬЯ XVII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в. (ПО МАТЕРИАЛАМ ПРОЕКТА «ИМЯ НА КАМНЕ»)

И. А. Четвериков,

старший научный сотрудник

НИЛ «Археология»

ПГУ им. Т. Г. Шевченко

Вряд ли кто-то из современных историков станет отрицать, что погребальный культ принадлежит к числу древнейших форм религии. Существующий с каменного века и по сей день, он занимает важнейшее место в системе нравственных ценностей человека. Более того, погребальный обряд каждого этноса неразрывно связан с его культурными традициями. Согласно традиционным представлениям, земная жизнь – краткий эпизод в существовании души, которая, уходя с земного плана, «возвращается в Отечество свое». Нередко на достойные похороны и обильные поминки, как и на уход за местом захоронения, тратятся большие средства. Такая забота и внимание объясняются, конечно, сердечной привязанностью к покойному, но, помимо этого, имеется и другое объяснение. Умерший родственник становится одним из предков, продолжая незримо участвовать в делах своего рода, оберегая своих родных и предупреждая их об опасности [1].

Устанавливаемый в рамках погребального культа надмогильный памятник всегда служит двум главным целям. Первая из них – материальное обозначение места погребения на длительный отрезок времени. Вторая – донесение потомкам информации об умершем в форме, соответствующей религиозным традициям данного общества.

Выполнение обеих задач напрямую зависит от материальных возможностей и вкусов родных покойного.

В контактной зоне приднестровского региона, где веками соприкасались различные этносы, процесс формирования единого православного погребально-монументального пространства был завершен, в общих чертах, только к концу XIX в. Заросшие лесом и покрытые мхом каменные надгробия заброшенных или еще действующих кладбищ иллюстрируют сложный генезис общности, именуемой приднестровским народом. Безавшие от церковных реформ старообрядцы, выходцы из Бессарабии, служилые черноморские казаки, переселенцы с Балкан, украинские крестьяне, русские администраторы – все они по-прежнему живут в делах своих и потомках, в полустертых от времени надписях на могильных плитах. Расшифровать хотя бы в общих чертах эту каменную «Книгу Судеб», сделать ее доступной для углубленного научного исследования – в этом состояла задача небольшого коллектива единомышленников (археолог, фотохудожник и два журналиста), в течение пяти лет изучавшего некрополи приднестровской земли. Целью настоящей работы стало осмысление полученных в ходе проекта данных о XVII – первой половине XIX в. Предметом изучения стали православные надгробные стелы –

Рис. 1. 1 – надгробная стела XVIII в. из с. Тея Григориопольского района. Григориополь, двор храма Вознесения Господня, январь 2015 г.; 2 – фрагмент стелы с двойным крестом у портала храма преподобной Параскевы Сербской в с. Зозуляны Рыбницкого района, декабрь 2015 г.; 3 – реконструкция стелы из с. Зозуляны Рыбницкого района (2019 г.); 4 – фрагменты стел с двойными крестами в стенах разрушенного храма с. Тея Григориопольского района, февраль 2017 г.; 5 – карта приднестровских кладбищ с надгробными стелами XVII – первой половины XIX в.; 6 – уничтоженное кладбище с. Малаешты Григориопольского района, октябрь 2018 г. 1, 2, 4, 6 – фото Н. Ю. Феча

один из самых информативных видов надгробных сооружений указанного периода.

История исследований.

Начало изучению приднестровской православной погребально-монументальной «архаики» положила поездка Н. Ю. Феча, А. А. Паламаря и автора данной работы к скальному монастырю с. Роги Дубоссарского района, состоявшаяся в апреле 2014 г. Присутствие на стенах одной из монастырских келий крестов необычной формы породило простой человеческий интерес к их происхождению [12]. Воспоминания из археологического опыта автора дали, в свою очередь, начало поиску плиты с похожим крестом на берегу р. Днестр, в районе с. Тея Григориопольского района [13]. Поиски приняли характер журналистского исследования, увенчавшегося обнаружением сходных с рожскими знаков на древних надгробных плитах армянского кладбища г. Григориополя [15].

Удачное обнаружение считавшейся утраченной тейской стелы в г. Григориополе во дворе православного храма Вознесения Господня (долго лежавшая в воде плита прекрасно сохранилась) дало отсчет нескольким поездкам 2015 г. (рис. 1: 1). Оказалось, что тейский крест близко напоминает т. н. крест Ягейллонов (литовский по происхождению род королей польских и князей литовских) в гербе Великого Княжества Литовского [5; 16]. Этот двойной крест с расширенными окончаниями-лопастями воспринимался и как геральдический символ Польши, вассальную зависимость от которой он олицетворяет на гербе Молдовы 1481 г. [24]. В то же время близкий крест с раздвоенными лопастями (т. н. Патриарший крест) присутствовал на монетах молдавского господаря Штефана чел Маре и его преемника Богдана III Кривого (1504–1517 гг.); исследователи объясняют его появление приездом в Молдавское княжество константинопольского Вселенского патриарха Нифона Десятого [4]. Но польско-литовская версия оставалась в 2015 г. преобладающей, накладывающей отпечаток на весь характер последующих поисков.

В ходе дальнейших поездок фрагменты разбитых стел с двойными крестами, сопровождаемые на торцах стилизованными изображениями дерева-креста, были обнаружены в стенах построенной

в 1845 г. церкви с. Зозуляны Рыбницкого района [6; 17] (рис. 1: 2). Тогда же, в декабре 2015 г., во время поездки в с. Плоть Рыбницкого района, на сельском кладбище был зафиксирован представительный ряд надгробных стел 1805–1831 гг. с вырезанными на них двойными крестами [19]. Нанесенные на стелы надписи и христианские аббревиатуры указывали на принадлежность надгробий к православной культурной традиции, но необычность такого сочетания дала повод ассоциировать обнаруженные памятники с униатской церковной традицией.

Настоящее потрясение ждало исследователей в 2016 г. Поиск аналогий в литературе показал, что стелы с двойными крестами «тейского» типа достаточно часто встречаются на сельских кладбищах и в долинах Правобережья Днестра [22, р. 442–443, 446–447, fig. 4; 15]. Неожиданным стало доказанное существование тройного креста [22, р. 442–443, 445–447, fig. 3: 7; 12; 16], который, как тогда думалось, является производным от двойного. Появились также аналогии некоторым деталям орнамента на фрагменте стелы из Зозуляны: опубликованная в газете «Приднестровье» реконструкция [18], подразумевавшая наличие трех расположенных рядом крестов (один большой и два малых – символика Голгофы), оказалась неверной (рис. 1: 3).

Для фиксации обнаруженных в литературе стел в феврале 2017 г. был предпринят ряд поездок на правобережье Днестра. В этот же период состоялась встреча с автором публикации – протоиереем, председателем департамента архитектуры и церковной живописи Митрополии Молдовы Маноилом Брихунцом. При посещении сел Спея, Оницканы, Чимимшены, Мерены и Рогожены были получены даты таких стел, охватывающие период от 1732 до 1772 гг. Таким образом, стелы из Теи и Зозуляны получили предварительную хронологическую привязку: их более ранний в сравнении со стелами из Плоты характер стал очевиден. Венцом поисковых поездок зимы 2017 г. стало открытие фрагментов нескольких стел с двойными крестами в стенах полуразрушенной церкви 1793 г. все того же левобережного с. Тея: сходство с Зозулянами было полным [20] (рис. 1: 4).

Дальнейшие поиски в Приднестровье обрели, в целом, осмысленный характер. Осознание того факта, что поиск памятников XVIII – первой половины XIX в. имеет больше шансов на успех при «сплошном» обследовании старых (в т. ч. заброшенных) кладбищ республики, вызвало к жизни проект «Имя на камне». Инициированный группой исследователей (Н. Ю. Феч, А. В. Корецкий, А. А. Паламарь, И. А. Четвериков), он был поддержан политической партией «Обновление» и телеканалом «ТСВ»; наибольший вклад в его становление и развитие внесла депутат ВС ПМР Илона Петровна Тюреева.

С августа 2017 по май 2019 г. предпринимались поездки исследовательской группы по Приднестровью. Фокус изучения постепенно смещался с севера на юг, как было спланировано. Были сделаны тысячи снимков, давших представление о православных кладбищах XVII – первой половины XIX в. За время осуществления проекта «Имя на камне» его участниками было обследовано 47 кладбищ, действующих и закрытых, на 21 из которых сохранились надгробные памятники XVII – первой половины XIX вв. (рис. 1: 5). Наибольшая степень сохранности архаических надгробий наблюдалась в селах Грушка, Рашково (Каменский район), Белочи, Плоть, Гараба, Большой Молокиш, Выхватинцы, Бутучаны (Рыбницкий район), Цыбулевка, Дойбаны-2, Гояны (Дубоссарский район). Приемлемое для научного изучения состояние архаических памятников зафиксировано на городских православных кладбищах Дубоссар (русское), Григориополя (ул. Урицкого) и Бендер.

В ходе поездок выяснилось, что в части Григориопольского района, в городах Тирасполь и Слободзея, а также по всему Слободзейскому району кладбища XVII – начала XX в. уничтожены полностью – на их местах оказались стадионы (г. Тирасполь, села Шипка и Спея Григориопольского района, Суклея и Глиное Слободзейского района), парковые зоны (г. Тирасполь, села Терновка и Чобручи Слободзейского района), различные постройки хозяйственного назначения (г. Тирасполь

– завод 1 Мая), частные огороды (с. Тея, прицерковное кладбище) и пр. Для пожилых жителей некоторых населенных пунктов (с. Суклея) старыми являются уже кладбища первой половины XX в.; воспоминания о погостах более раннего времени полностью утрачены. Печальные явления наблюдались участниками проекта в селах Хрустовая Каменского района и Малаешты Григориопольского района, где архаические кладбища были полностью уничтожены совсем недавно (рис. 1: 6).

Примерно то же, только в рамках одного кладбищенского участка, отмечалось в ходе проекта на многих кладбищах: древние надгробия извлекают из земли с целью создания новых захоронений, вынося затем за пределы участка. Бесценная историческая информация медленно, но верно уничтожается – фотографирование, к сожалению, остается единственным в настоящий момент методом ее сохранения. Конечно, не везде участники проекта фиксировали подобные проявления – в Приднестровье есть села, где за старыми кладбищами ухаживают с трогательной заботой. Старые надгробия белят, срезают вокруг них кустарник, в поминальные дни водружают на них небольшие венки. В ряде случаев старинные монументы просто не трогают, позволяя им по-прежнему оставаться частью кладбищенского ландшафта: именно эти надмогильные памятники предоставляют исследователю наиболее ценную информацию.¹

Методика исследования.

Любой предпринятой в рамках проекта поездке предшествовал сбор данных по намеченным для исследования населенным пунктам (как правило, не более трех объектов за поездку). Использовался интернет (программа Google Earth, сайты, посвященные тому или иному населенному пункту), карты-трехверстки Генерального штаба Российской империи (Херсонская губерния), сведения корреспондентов с мест и т. п.

По прибытии на место с целью выявления древнего пласта захоронений проверялось функционирующее кладбище: иногда новые кладбища сливаются со старыми. Проводился опрос населения

¹ Ежегодная побелка скрывает на надгробиях надписи и углубленные изображения.

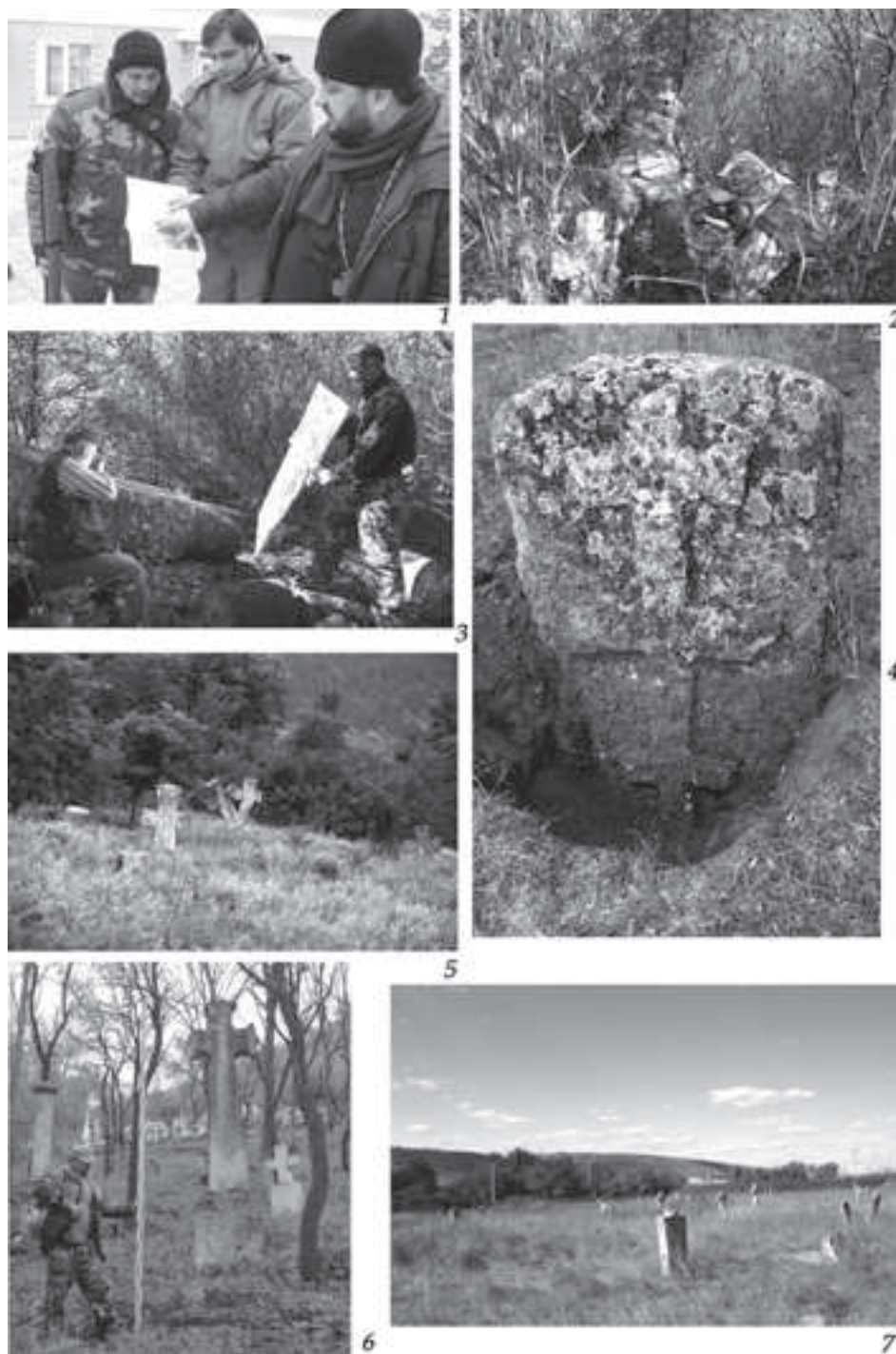

Рис. 2. 1 – священник уточняет локализацию старого кладбища, февраль 2017 г.; 2 – фотографирование среди заросшего диким кустарником массива с. Грушка Каменского района, июнь 2018 г.; 3 – использование экрана при съемке надгробия с. Михайловка Рыбницкого района, сентябрь 2017 г.; 4 – очищенное от земли основание стелы на кладбище с. Гидирим Рыбницкого района, сентябрь 2017 г.; 5 – старое кладбище на пологом предгорном склоне у с. Подойма Каменского района, июнь 2018 г.; 6 – расположенное уступами кладбище в с. Валя-Адынкэ Каменского района, май 2019 г.; 7 – вид на старый участок кладбища с. Бутучаны Рыбницкого района, сентябрь 2017 г. 1–3, 6, 7 – фото Н. Ю. Феча, 4, 5 – фото А. А. Паламаря

о наличии заброшенных кладбищ: замечательный результат такого рода дала, например, поездка в с. Грушка Каменского района. Проводилась, по возможности, беседа с приходским священником: даже проходя не из данной местности, священнослужитель, как часто бывает, в процессе общения с пожилыми людьми узнает многие факты из истории села (*рис. 2: 1*).

На функционирующем кладбище группа начинала его обход с целью выявления древнего участка захоронений. Если таковой обнаруживался, то поиск велся концентрическими кругами до момента слияния с погребениями нового времени. Если кладбище было заброшено и все захоронения на нем относились к дореволюционному периоду, фиксация объектов осуществлялась по мере движения группы. В основе передвижения использовался принцип – от входа к противоположному окончанию, группами по два человека, параллельными маршрутами с отработкой всех содержащих объекты исследования участков. В случаях, когда забытый некрополь сильно зарастал дикорастущим кустарником или молодым лесом, исследователи в поисках объектов разбивались на пары. Пробиваясь сквозь растительность, участники проекта прочесывали территорию до полного ее изучения; иногда это занимало несколько часов.

При обнаружении несущих какую-либо информацию надгробий (имеющих определенную форму или содержащих надписи, рельефы и пр.) начиналась подготовка объекта к фотографированию – вырубался, если было необходимо, кустарник, спиливались ветви молодых деревьев, вырывалась молодая трава у подножия монумента. Если толщина ветвей и густота кустарника не давали возможности что-либо предпринять, один из исследователей повисал на закрывающих свет ветвях либо собственной массой продавливал кустарник в нужном направлении (*рис. 2: 2*). Фотосъемку проводили А. А. Паламарь и Н. Ю. Феч – остальные участники проекта им ассистировали.

Фотографирование надгробий проводилось как с рейкой (для указания размеров в отчете), так и без нее (для цветного каталога). По возможности проводилась очистка надписей от мха и грязи, что давало возможность их объективного прочтения и качественной фотофиксации. Для дополнитель-

ной подсветки использовался специальный экран из серебристой фольги (*рис. 2: 3*). Помимо этого, для локальной подсветки поверхностей Н. Ю. Феч использовал фотовспышку с радиосинхронизатором: благодаря этому в лабораторных условиях удавалось прочесть практически стертые временем строки. В тех случаях, когда естественное проседание надгробия в грунт скрывало информативные строки надписи (например, дату или часть уникального рельефа), производилась выемка грунта на необходимую глубину; после фотографирования выемка засыпалась (*рис. 2: 4*). Упавшие надгробия, обратная (обращенная к земле) сторона которых предполагала информационную ценность, переворачивались: иногда это требовало больших усилий всего коллектива.

В специальный дневник заносились описания наиболее древних и уникальных по гармоничности исполнения надгробных памятников. Описание включало в себя примерное место расположения на кладбище, форму надгробия, видимые размеры (высота от современной поверхности во вкопанном состоянии, ширина, толщина, длина в лежащем положении), количество строк в надписях, размер и качество резки шрифта, язык надписей, рисуночное оформление и пр. В дневник также вносились оценка сохранности надгробия (целое, разбито, расколото на части, частично повреждено и т. п.) и указание на возможное наличие нечитаемых во вкопанном состоянии строк, рисунков и т.д. Помимо этого велась запись связанных с кладбищем сведений документального или легендарного характера, полученных от местных жителей.

По возвращении в г. Тирасполь дневниковые записи использовались в лабораторной обработке полученного материала. Археологическая часть заключалась в расшифровке надписей на надгробиях и создании классификационных таблиц с привязкой к абсолютным датам. Искусствоведческая составляющая подразумевала отбор и обработку фотографий (без рейки) для монографии научно-публицистического характера, посвященной православным надгробным памятникам Приднестровья XVII – начала XX в. Самым оперативным было журналистское освещение проекта, осуществленное Н. Ю. Фечем и А. В. Корецким в ряде публикаций [8; 20; 21; 22].

Возникновение в Приднестровье общественных православных кладбищ.

Сделанные в ходе проекта «Имя на камне» наблюдения позволили сделать первые, пока еще предварительные выводы, связанные с появлением на левобережье Днестра в XVII в. первых православных некрополей.

Историкам хорошо известно, что в позднем средневековье оседлая жизнь приднестровского региона регламентировалась частотой татарских набегов, вносивших свои печальные коррективы в жизнь края. Постоянный страх быть убитым или угнанным в рабство обусловил наибольшую плотность населения на севере региона, более защищенном от набегов самой природой. В особо критические моменты защиту мирному населению могли предоставить укрепленные торгово-ремесленные центры, такие, например, как Рашков [14]. Неудивительно, что именно в этих местах в конце XVII в. появились первые постоянные православные кладбища.

Историкам известно, что православный человек в этот период не придавал большого значения наличию надгробного памятника. Гораздо важнее, чем индивидуальное надгробие, имел сам факт погребения в освященной земле. Таким местом могла быть только церковь с прилегающей к ней (прицерковной) территорией, причем наиболее престижным считался участок возле погребения священника, мученика или блаженного. Знатных и богатых, естественно, хоронили в земляных склепах вокруг церкви. Хоронить внутри церквей стали значительно позднее, когда в каменных храмах появились специальные ниши.

Но погребение верующих возле храма имело ряд не очень приятных «побочных эффектов». Из-за нехватки земли новые захоронения делались поверх старых, что приводило к уменьшению глубины могил. Это, в свою очередь, влияло на эпидемиологическую обстановку в период разложения захороненных тел: именно недовольное духовенство стало инициатором создания общественных кладбищ за пределами прицерковных участков и, как логическое продолжение, за пределами населенных пунктов. Случилось это во второй половине XVII в., что подтверждается датой надгробной стелы из с. Дойбаны-2 Дубоссарского района –

1674 г.; в настоящее время это самое старое датированное захоронение Приднестровья. За духовенством осталась привилегия захоронения у стен храма приходских священников, что еще больше подняло в глазах прихожан статус прицерковной земли.

Первые общественные кладбища северного Приднестровья появились на просторных предгорных склонах с естественным скатом влаги, что обеспечивало достаточно комфортный микроклимат таких мест. Непременным условием создания кладбища был малолесный характер подобного склона, что позволяло обозначать место индивидуального захоронения (рис. 2: 5). В тех случаях, когда склон был достаточно крутым, применялась террасовая система, когда погребения поднимались уступами снизу вверх (рис. 2: 6). Тем самым частично реализовывалась присущая европейскому романтизму концепция *rural cemetery*, что в переводе (англ. «сельское кладбище»). Европейский идеал подразумевал наличие тенистых садов, аккуратных дорожек для гуляния и стоящих вдоль них гармоничных надгробий – такое место должно было побуждать к душевному спокойствию и философским размышлениям [11].

По принципу *rural cemetery* в Приднестровье оформлены многие кладбища Каменского (Грушка, Кузьмин, Севериновка, Подойма, Рашков, Катериновка, Валя-Адынкэ), Рыбницкого (Белочи, Ержово, Плоть, Гидирим, Выхватинцы, Зозуляны, Михайловка), Дубоссарского (Гармацкое, Ягорлык, Дубово, Койково, Дойбаны-1, Гояны, Дзержинское) и Григориопольского (Буторы, Индия, Гыртоп, Ташлык) районов, городские некрополи Каменки, Дубоссар и Бендер. Характерная особенность таких кладбищ – грунтовые дорожки (в городских центрах асфальтированные), окаймленные деревьями и кустарником. Большинство сельских кладбищ, как думается, не закладывались как реплика английского стиля, но первоначальный замысел (кладбище посреди естественного пейзажа) не сильно отличался от европейского.

Для других приднестровских кладбищ был выбран американский путь, который может быть обозначен выражением *lawn cemetery* (англ. «кладбище-газон»). Некрополь в этом случае выглядит

как обширная ровная лужайка с «вплетенными» в нее погребальными памятниками [11]. Как правило, такое кладбище основывалось на ровном поле с травяной растительностью: это позволяло даже низким надгробиям выделяться в рельефе (рис. 2: 7). Некрополи такого рода находятся в г. Григориополе, а также в селах Воронково, Мокра, Колбасна, Бутучаны, Попенки (Рыбницкий район), Цыбулевка, Дойбаны-2, Кочиеры, Лунга (Дубоссарский район) и Делакеу (Григориопольский район).

Был и третий способ, который можно назвать южноукраинским. В степной зоне Приднестровья (как и по всему юго-западу современной Украины) некоторые общественные кладбища основывались в насыпях древних курганов. Как правило, насыпи имели пологие склоны, небольшую (до 1,5 м) высоту и достаточно большой (свыше 25 м) диаметр. Примером служит курган, раскапывавшийся в 1995–1996 и 2012 гг. Днестровской археологической экспедицией ПГУ им Т. Г. Шевченко у с. Глиное Слободзейского района. Во время изучения насыпи археологи обнаружили и исследовали 35 однотипных захоронений русских староверов второй половины XVIII в. [10, с. 330–331, рис. 12; 13]. Небольшой курган с впускными в него православными погребениями первой половины XIX в. обнаружен на кладбище с. Ташлык Григориопольского района. В Слободзейском районе погребения совершаются в курганах до сих пор (г. Слободзея, с. Ново-Котовск Слободзейского района), причем, иногда используются насыпи высотой около 4 м (с. Фрунзе Слободзейского района).

По какому принципу заполнялись первые общественные православные кладбища Приднестровья? С курганами вопрос вполне ясен – здесь погребения густо покрывали наиболее пологую полу насыпи, не перерезая одно другое: какие-то ориентиры (камни, деревянные кресты и т.п.), безусловно, существовали. На предгорных полянах и на склонах холмов захоронения совершались по древнему принципу – на небольшом удалении от могил «отцов-основателей» устраивались захоронения их потомков. Различные родовые участки вначале находились на достаточно приемлемом расстоянии друг от друга – площадь общественного кладбища несравнимо превышала прицер-

ковный ареал. Шло время, границы заполненных погребениями участков стали сливаться, что зависело от многочисленности родовых коллективов и уровня смертности (эпидемии, голодовки, социальные потрясения и пр.) в данной местности.

Надгробные стелы православных кладбищ Приднестровья XVII – первой половины XIX в.

Изучение древних погребальных участков показало, что до середины XVIII в. абсолютное большинство надгробий представляли собой вертикально вкопанные дикарные камни (рис. 3: 1). Для установки отбирались, как правило, уплощенные, с более или менее правильными очертаниями блоки. Орнаментация этих примитивных стел ограничивалась примитивным прочерченным крестом, надписи отсутствовали – грамотные люди были в крае наперечет. Не исключено, что правильно обтесанных и покрытых текстами надгробий было гораздо больше, но обнаружить такие памятники в ходе исследований не удалось.

Упомянутое выше надгробие 1674 г. из с. Дойбаны-2 – одинокое исключение в безраздельной доминанте необработанных блоков (рис. 3: 2). Появление феномена объясняется, безусловно, близостью к торгово-ремесленному центру в месте слияния рек Днестр и Ягорлык. Во всяком случае, дойбанская находка определяет *первый тип* приднестровских стел – трапециевидная плита с арочным верхом. Форма использовалась в XVIII в., что засвидетельствовало надгробие с тройным (!) крестом на кладбище с. Гидирим Рыбницкого района: аналогичная плита стоит на древнем участке бендерского некрополя.

Ситуация на кладбищах стала коренным образом меняться во второй трети XVIII в. Возле церквей все чаще стали устанавливать надгробные стелы со сложной орнаментацией, сосредоточием которой были двойные кресты: нет сомнений в том, что эти замечательные памятники украшались специально приглашенными с Правобережья мастерами. «Классическим» примером такой стелы служит находящееся сейчас в г. Григориополе надгробие из с. Тея. Трапециевидная форма тулова с двухскатным верхом повторяет, вероятно, распространенную в начале XVIII в. форму гроба: автор считает возможным выделить такие стелы во *второй тип*.

Рис. 3. 1 – дикарный камень в качестве стелы, с. Бутучаны Рыбницкого района, сентябрь 2017 г.; 2 – надгробная стела 1674 г. на кладбище с. Дойбаны-2 Дубоссарского района, июль 2018 г.; 3 – антропоморфное изваяние, предположительно относящееся к эпохе ранней бронзы (сер. III тыс. до н. э.), с. Большой Молокиш Рыбницкого района, август 2017 г.; 4 – циклопическое антропоморфное изваяние на кладбище с. Гояны Дубоссарского района, август 2018 г.; 5 – надгробная стела Иордания Бондаря, погибшего при татарском набеге в 1738 г., с. Белочи Рыбницкого района, март 2019 г.; 6 – надгробная стела Григория (1760 г.), стоящая у церкви с. Большой Молокиш Рыбницкого района, сентябрь 2017 г.; 7 – надгробная стела церковного ктитора Андрияна Дела (1764 г.) на кладбище с. Дойбаны-2 Дубоссарского района, октябрь 2016 г. 1, 5, 7 – фото Н. Ю. Феча, 2–4, 6 – фото А. А. Паламаря

Еще одна стела, украшенная в стиле Теи и Зозулян, обнаружена участниками проекта в с. Большой Молокиш Рыбницкого района (рис. 3: 3). Ее необычная форма, по мнению тщательно изучившего изваяние археолога С. Н. Разумова, объясняется использованием в погребальном обряде первой половины XVIII в. антропоморфной стелы первой половины III тыс. до н. э.² Две очень близкие по форме стелы представляют, скорее всего, ранний хронологический горизонт кладбища с. Гояны Дубоссарского района (рис. 3: 4). Не исключено, что подобные изваяния стоят на своих первоначальных местах, маркируя, таким образом, места святилищ или грунтовых могильников эпохи ранней бронзы.

Антропоморфом эпохи бронзы могла изначально быть стела 1738 г., обнаруженная в апреле 2019 г. на частном участке с. Белочи Рыбницкого района: к этому умозаключению приводит искаженная прямоугольная (подпрямоугольная) форма плиты с двухскатно-сглаженным головным выступом. Хорошо сохранившаяся надпись на церковнославянском языке посвящена погибшему при татарском набеge жителю села Иордатию Бондарю. Отличительной особенностью монумента стало присутствие на обеих его сторонах обычного четырехконечного креста в П-образном обрамлении т. н. вериг — тяжелых металлических цепей с двумя крестами на окончаниях, добровольно носимых монахами-аскетами для смирения страстей [7, с. 32] (рис. 3: 5). Аналогичные изображения зафиксированы в правобережных селах Рогожны, Спея, Кошерница [22, р. 443, 447, fig. 5; 16; 23, р. 187-188, fig. 7), а также в приднестровских селах Зозуляны и Большой Молокиш. Техника выполнения орнамента белочских крестов (углубленно-выпуклые лопасти на окончаниях) полностью совпадает с Теей, Зозулянами и Большим Молокишем. Орнамент на боковых сторонах белочской стелы (крест-дерево) аналогичен фрагментам стен приднестровских церквей, находя полные аналогии на Правобережье (села Спея, Кошерница, Избиште и Мерены).

Несколько иначе антропоморфизм проявлен на стеле 1760 г., вкопанной у церкви того же с. Большой Молокиш недалеко от первой упомянутой стелы. Массивная прямоугольная плита снабжена в верхней части низким трапециевидным головным выступом и небольшими покатыми плечиками: использование более древнего изваяния в этом случае исключается. Это позволяет выделить *третий тип* приднестровских стел, бытующий в пределах XVIII в. Новым словом в декоре таких надгробий стало размещение небольшого рельефного креста в специальной рамке, отделяющей крест от надписи (рис. 3: 6). Аналогичный головной выступ и крест в рамке позволили датировать второй половиной XVIII в. стелу, обнаруженную в ходе проекта на берегу р. Днестр у с. Бутучаны: боковые стороны памятника отделаны продольными валиками и рельефным пунсоном, что не имеет даже отдаленных аналогов.

Четвертый тип приднестровских стел иллюстрируется отлично сохранившимся надгробием 1764 г. из упомянутого с. Дойбаны-2 (рис. 3: 7). Памятник прямоугольной формы, на одной из сторон (вторая сторона гладкая) находится посвятельная надпись Андреану Делу (Дялу) — ктитору местной церкви. В верхней части памятника глубоко вырезан небольшой т. н. византийский крест: близкие по стилю и размерам кресты присутствуют еще на нескольких стелах из сел Дойбаны-2, Койково и Гояны, но у них двухскатный верх. Наличие подобных крестов на правобережных надгробиях XVIII в. (Спея, Чимишены) позволяет признать их характерными для этого столетия и на этом основании датировать приднестровские стелы.

Таким же простым, как и предыдущий, выглядит зародившийся не позднее последней трети XVIII в. *пятый тип* — трапециевидная стела. Дата появления установлена благодаря уникальному сходству орнамента на упомянутом надгробии 1760 г. из с. Большой Молокиш и стеле из с. Рашково (рис. 4: 1). Характерные для XVIII в. глубоко врезанные византийские кресты украшают стелы из сел Бутучаны и Дойбаны-2.

² Благодарю канд. ист. наук С. Н. Разумова за консультацию относительно стелы из с. Большой Молокиш.

Рис. 4. 1 – надгробная стела XVIII в. на кладбище с. Рашков Каменского района, июнь 2018 г.;
 2 – поминальная стела-столб 1798 г. на кладбище с. Грушка Каменского района, июнь 2018 г.;
 3 – надгробная стела конца XVIII в. на кладбище с. Выхватинцы Рыбницкого района, сентябрь 2017 г.;
 4 – надгробная плита конца XVIII в. на старом православном кладбище г. Григориополя, октябрь 2018 г.;
 5 – S-видное титло на стеле 1802 г. из с. Белочи Рыбницкого района, сентябрь 2017 г.;
 6 – надгробная стела Евстафия (1825 г.) на кладбище с. Гараба Рыбницкого района, август 2017 г.
 1–3, 5 – фото А. А. Паламаря, 4, 6 – фото Н. Ю. Феча

Шестой тип может быть отнесен к стелам с большой натяжкой – скорее, это столб. Обнаружен он в с. Грушка на старом кладбище конца XVIII–XIX в., к которому, ввиду его исключительности, автор будет неоднократно возвращаться. В этом монументе 1798 г. привлекает не столько каллиграфическое исполнение замечательно грамотной надписи на церковнославянском алфавите, сколько текст самой надписи. Столб поставлен некой Анисей Тухракой и ее четырем сыновьям без упоминания смерти кого-либо. При этом столб именуется в тексте крестом, хотя изображений креста не содержит (рис. 4: 2). В этом случае, думается, можно констатировать появление новой для Приднестровья формации кладбищенских памятников – поминальных стел-синодиков, устанавливаемых живыми в память о всех погребенных в пределах некрополя «сродников». Прямое указание на смерть индивидуумов зафиксировано в правобережном с. Спея – некто Василий в 1746 г. воздвиг стелу с двойным крестом в память одиннадцати своих родственников [22, р. 447, fig. 17].

Где-то в самом конце XVIII в. появляется *седьмой тип* – трапеция с усеченно-коническим верхом, – отразивший, вероятно, изменение ранее общепринятой формы гроба. Предложенная датировка основана на дате (1779 г.) циклопической стелы с небольшим крестом из с. Тышлык. Компактное скопление таких надгробий наблюдается в с. Выхватинцы: эти экземпляры, судя по оформлению (небольшие кресты в рамках), могут относиться к последней трети XVIII в. (рис. 4: 3).

К концу XVIII в. относится замечательный григориопольский образец православного креста с т. н. лучистым сиянием (узкие лучи х-видно выходят из перекрестия), воплощенный на прямоугольной стеле с округленным верхом (рис. 4: 4). Неординарный двойной крест с окружностью вокруг верхнего креста демонстрирует бендерская стела XVIII в., которая по своему внешнему виду и методике обработки выглядит древнее григориопольского надгробия. Немногочисленные экземпляры таких надгробных памятников составляют *восьмой тип*.

Обработка полученных при поездках данных показала, что почти для всех стел северного Приднестровья XVIII – первой четверти XIX в.

характерна определенная гармоничность формы и содержания. Высокий уровень шлифовки поверхностей сопровождается проработкой рельефных изображений. Архаическое выделение изображения поля углубленной рамкой сменяется созданием крупного углубленного поля с контурным уступом-бортиком по краям. Стабильно-специфичным становится использование обеих сторон стелы: одна сторона содержит многострочную надпись, другая – полностью посвящается кресту, его атрибутам и церковнославянским аббревиатурам. Это позволило значительно увеличить изображаемые кресты, превратив их в сакральное, смысловое сердце стелы. Наиболее выдающимися образцами погребальных памятников указанного периода служат стелы из сел Грушка, Рашково, Белочи, Гараба, Плоть, Выхватинцы.

В бассейне р. Ягорлык и южнее наблюдается иная картина – стелы, даже хорошо отшлифованные, не имеют отличающей северные надгробия чеканной строгости. Причина, видимо, заключается в неразвитости инфраструктуры южных равнинных районов, которые после присоединения к Российской империи еще продолжали преодолевать последствия разорительных татарских набегов. Известные мастера-резчики не решались работать в южных районах до конца 1820-х гг., но к 1830-м гг. ситуация начала меняться в лучшую сторону.

В ходе исследований на стелах северного Приднестровья XVIII – начала XIX в. зафиксирован устоявшийся ряд православных аббревиатур. В том, что в течение первой половины XIX в. сокращения часто различаются написанием, виноваты, по-видимому, не резчики. Контурные букв наносили вполне грамотные люди, прибывавшие в Приднестровье из различных частей православного мира: в условиях отсутствия строгого канона они, что естественно, использовали принятое на их родине написание. Примечателен тот факт, что изменения происходили исключительно в аббревиатурах, касающихся Иисуса Христа: другие сокращения трансформации не подвергались.

Ниже приводится полный список и расшифровка аббревиатур, отмеченных на православных надгробных стелах XVIII – первой половины XX вв.:

ИНЦИ, ИНЦИ, ИНЦИ, ИНЦИЙ, ИНЦИ (Иисус Назарянин Царь Иудейский),

ІС-ХС, ІС-ХС, ІС-ХС, ІС-ХР, ІІ-ХС, ІІС-ХР, ІІС-ХРС (Иисус Христос),

НІ-КА, НІІ-КА (Победитель),

МЛ-РБ (место лобное распят бысть) или (место лобное раем бысть),

К-Т (Копье и Трость с губкой),

Г-А (Глава Адама),

А-К (кости Адама),

Г-Г (гора Голгофа).

В надгробных надписях XVIII – первой четверти XIX в. широко используется т. н. титло – знак в виде волнистой и зигзагообразной линии (с. Грушка, стела-столб 1798 г.): на некоторых стелах зигзаг усложнялся до горизонтально вытянутой S-видной фигуры (с. Белочи, стела 1802 г.) (рис. 4: 5). Знак применялся для сокращения слов, в православных аббревиатурах и для обозначения числовых значений. Высекалось титло всегда над сокращаемыми сочетаниями, аббревиатурами и буквенными датами. В изучаемое время знак практиковался в греческой, латинской и кириллической графике; сейчас он сохранился только в церковнославянском языке. На монументах XVIII в. можно видеть буквенное обозначение тысячи, сопровождаемое отклоненной влево вниз диагональной линией с двумя поперечными черточками (с. Гараба, стела 1825 г.) (рис. 4: 6). Любители нумизматики могут видеть подобное обозначение даты на медных монетах русского царя (до принятия им титула императора) Петра Первого. Резчики букв иногда ошибались, забывая одну черточку: знак превращался в наклонный крестик (с. Белочи, стела 1738 г.).

Но если в посвяtitельных надписях ближе к 1830-м гг. постепенно стал складываться какой-то единый принцип, то в отношении декора стел единства не наблюдается. Наиболее отчетливо это разнообразие отразили изображаемые на плитах кресты. Латинские, византийские, православные, корсунские, схимнические, каплевидные, кросслеты и пр. – эти и другие формы исключают наличие сколько-нибудь строгого изобразительного канона. Разумеется, какие-то типы крестов где-то изображались чаще, но господствовал постулат

преподобного Федора Студита (IX век): «Крест любой формы есть истинный крест».

Не произошло и унификации форм стел, которых, как упоминалось, насчитывалось восемь типов – трапеции с арочным верхом (1), трапеции с двухскатным верхом (2), стелы-антропоморфы (3), простые прямоугольные (4), простые трапеции (5), стелы-столбы (6), трапеции с усеченно-коническим верхом (7), прямоугольные с округленным верхом (8). Каждая из указанных форм получила в XIX в. в разное время и в различной степени свое дальнейшее развитие.

1. Надгробия в виде трапеции с арочным верхом продолжали изредка устанавливаться вплоть до 1840-х гг., что засвидетельствовала бендерская стела капитанши (жены капитана) Анны Белозоровой (1845 г.). Наиболее выразительны стелы Смарагды и Елены (1811 г.), а также плита Стерхия Константина Спаноса с двуязычной надписью (1810 г.): оба памятника зафиксированы в г. Дубоссары (рис. 5: 1). В пределах первой трети XIX в. можно датировать грубо исполненную стелу из с. Бутучаны. Второй этап популярности указанной формы пришелся на 1860–1870-е гг., что выходит за хронологические рамки настоящей работы.

2. Наибольшее признание получили трапеции с двухскатным верхом. Из с. Плоть происходят три воздвигнутые до 1822 г. подобные стелы, две из которых украшены двойными крестами. Особенно выглядит третья стела, посвященная Феодосии Мигалуковой – на этом надгробии сделана необъяснимая для XIX в. попытка совмещения в одной фигуре православного, корсунского, византийского и египетского (Анхх) крестов (рис. 5: 2).

Другим центром бытования трапеций с двухскатным верхом стала территория, тяготеющая к слиянию рек Днестр и Ягорлык. В с. Цыбулевка с начала 1830-х гг. изготавливались надгробные стелы т. н. роскошного стиля. На них безукоризненно выполненные церковнославянской кириллицей многострочные надписи сопровождаются на обратной стороне большими рельефными крестами внутри изобразительного поля. Кресты в свою очередь всегда дополняются атрибутами библейского сюжета Распятия – копьем и тростью с губкой, зачастую берущих начало из якорного «полумесяца». В обрамленном полосками геоме-

Рис. 5. 1 – надгробная стела Стерхия Константина Спаноса (1810 г.) на кладбище г. Дубоссары, июль 2018 г.; 2 – надгробная стела Феодосии Мигалуковой (1817 г.) на кладбище с. Плоть Рыбницкого района, сентябрь 2017 г.; 3 – поврежденная у основания поминальная стела роскошного стиля (1831 г.) на кладбище с. Бутучаны Рыбницкого района, сентябрь 2017 г.; 4 – поврежденная у основания поминальная стела роскошного стиля (1831 г.) на старом кладбище с. Ягорлык, июль 2018 г.; 5 – надгробная стела начала XIX в. на кладбище с. Бутучаны Рыбницкого района, сентябрь 2017 г.; 6 – надгробная стела Якова Вадана (1810 г.) на кладбище с. Плоть Рыбницкого района, декабрь 2015 г.

1–5 – фото А. А. Паламаря, 6 – фото Н. Ю. Феча

трического орнамента (ромбы, крестики и пр.) изобразительном поле могут органично размещаться и другие сюжеты – «голова Адама», парящий голубь, латинский крест в лучистом круге, две стоящие метлы, песочные часы, очеловеченные окружности Солнца и Луны, Всевидящее око внутри пирамиды, шестилепестковые розетки и восьмилучевые звезды, королевская корона, витые колонны, сходящиеся пальмовые листья и пр. (рис. 5: 3). Интересная деталь – сторона стел с многострочным текстом в верхней части содержит часть вышеописанных элементов декора.

Именно стелы роскошного стиля стали воплощением характерного для XVIII в. обычая выбивать на плите множество имен умерших родственников. Этот поминальный ритуал существовал в с. Цибулевка до 1870-х гг., захватив в свою орбиту и объемные кресты; более в ходе исследований такого феномена нигде не отмечалось. Семь стел роскошного стиля с поминальными синодиками обнаружены на кладбище с. Бутучаны; их даты охватывают период от 1831 г. до 1851 г. На заброшенном и разгромленном «черными копателями» кладбище XVIII–XIX вв. возле с. Ягорлык сохранилась всего одна стела роскошного стиля, датированная 1831 г. (рис. 5: 4). Следует заметить, что трапеции с двухскатным верхом составляют 100% стел Цибулевки (10 экземпляров) и доминируют в Бутучанах (5 из 7); двухскатный верх имеет ягорлыкская стела.

3. Яркие и запоминающиеся памятники воплотили третий тип стел в XIX в. Четыре из них сосредоточены на кладбище с. Бутучаны, где можно наблюдать два варианта формы. Первый вариант включает в себя две стелы, которые, с большой долей вероятности, являются изваяниями эпохи бронзы: об этом говорят непропорционально малые головные выступы. Одна из стел вообще не подвергалась обработке, тогда как вторая обтесана и украшена в лучших традициях конца XVIII – начала XIX в. На обеих сторонах стелы ее края отмечены вертикальными полосами сплошного зигзага. Внутри полос размещаются крупные углубленные кресты – византийский и корсунский, обрамленные х-образными «андреевскими» крестиками (рис. 5: 5). Второй вариант представляют две трапециевидные стелы с хорошо выделенными

прямоугольными головными выступами: памятники датируются соответственно 1816 г. и 1830 г.

Две трапециевидные стелы с полукруглым головным выступом были обнаружены в ходе исследований на кладбищах сел Плоть и Зозуляны (рис. 5: 6). Оба экземпляра хорошо обработаны, что вряд ли является случайным совпадением: налицо стремление каким-то образом выделить этот вариант антропоморфов. Ранняя (в пределах начала XIX в.) дата зозулянской стелы (архаическая прямоугольная трактовка Голгофы) подтверждается абсолютной датой плотнянской стелы – 1810 г. К большому сожалению участников проекта, эта перспективная форма не получила серьезного продвижения: на пути к статуарному изваянию оставалось сделать всего один решительный шаг. Редкие стелы из сел Гояны, Индия, Ташлык, появившиеся не ранее 1850-х гг., выглядят всего лишь подражаниями – без строгих крестов и пространных надписей. Отказавшись от объемного выделения головного выступа, мастера-камнерезы второй половины XIX в. двинулись по пути изготовления двухскатных стел с сильно вогнутыми «плечиками». Эти импровизированные антропоморфы по неизвестной причине получили широкое распространение на кладбище с. Индия, демонстрируя выразительную диспропорцию с другими кладбищами Дубоссарского и Григориопольского районов.

4. Прямоугольные стелы были достаточно распространены в Приднестровье в первой половине XIX в. На севере региона зафиксировано два надгробия, причем различные по техническому выполнению. Наиболее интересной представляется стела первой четверти XIX в. из с. Рашково, содержащая реалистическое изображение схимнического креста на прямоугольном основании – архаическом символе Голгофы. Стела 1822 г. из с. Плоть украшена двойным крестом, абрис которого отличается от крестов XVIII в.: общий замысел, тем не менее, узнаваем. Еще несколько прямоугольных стел с небольшими прочерченными крестами первой трети XIX в. зафиксированы на кладбище г. Григориополя.

Фрагмент роскошной прямоугольной стелы обнаружен в г. Дубоссары: углубленное изобразительное поле рассечено большим рельефным крестом на четыре сектора, два из которых содержат

изображения Солнца и Луны. Выразительные рельефные лики обоих светил украшают надгробия духовенства в г. Бендеры: на стеле иерея Ивана Хаджиева (1820 г.) кресты переплетаются с растительными мотивами (рис. 6: 1). Влиянием русской

православной традиции времен императора Александра I объясняется появление на бендерских стелах перевернутой основанием вверх пирамиды со Всевидящим Оком, которая на некоторых экземплярах приобретает характер «лучезарной

Рис. 6. 1 – надгробная стела протоиерея Ивана Хаджиева (1820 г.) на кладбище г. Бендеры (площадь Героев), сентябрь 2019 г.; 2 – надгробная стела Евстафия (1825 г.), обратная сторона, с. Гараба Рыбницкого района, сентябрь 2017 г.; 3 – роскошная поминальная стела супругов Ушинсянов (1831 г.) на кладбище с. Бутучаны Рыбницкого района, сентябрь 2017 г.; 4 – надгробная стела начала XIX в. на старом кладбище с. Грушка Каменского района, июнь 2018 г.; 5 – надгробная стела Марии Бордюжи и ее внука Ореста (1806 г.) на кладбище с. Плоть Рыбницкого района, сентябрь 2017 г.; 6 – надгробная стела Ирины Шутак, жены купца III гильдии Ивана Шутака (1847 г.) на старом православном кладбище г. Григориополя, октябрь 2018 г. 1, 2, 4–6 – фото А. А. Паламаря, 3 – фото Н. Ю. Феча

Дельты». Пик распространения стел прямоугольной формы был впереди – 1870-1880 гг. станут временем её широкого распространения в южных районах Приднестровья.

5. Трапециевидные стелы хорошо представлены в с. Плоть, где их орнаментацию составляют, в основном, двойные кресты: даты шести надгробий охватывают период от 1805 г. до 1819 г. Аналогичное плотнянским стелам надгробие происходит из с. Гараба: плита Тимофея Шайтана датирована 1811 г. В той же Гарабе находится упомянутая ранее стела 1825 г., на которой изобразительное поле разделено контурным бортиком на две части; в каждой из секций размещается двойной крест ранее неизвестной формы (с прямыми окончаниями) (рис. 6: 2). Удивительные по гармоничности исполнения трапециевидные стелы с православными крестами (косое подножие) отмечены в сел. Грушка (две плиты начала XIX в.), Белочи (1802 г.) и Плоть (1831 г.). Более простые в плане орнаментации плиты (небольшой крестик и дата) находятся в г. Григориополе (1830 и 1845 гг.).

6. Незавидная судьба постигла стелы-столбы, грубые подражания которым станут устанавливать только в 1870-е гг. При этом надгробия обретут свою обычную функцию, фиксируя смерть одного-двух человек: примером служит столб Марии Мамалиговой из с. Белочи, умершей при родах вместе с ребенком в 1875 г.

7. Трапеции с усеченно-коническим верхом исчезают в 1810-х гг.: памятники этого типа внезапно утратили популярность. Несомненным остаётся факт высокого профессионального мастерства резчиков, работавших над такими стелами. Так, в с. Выхватинцы удивляет тонкостью проработки деталей стела 1807 г., поставленная вдовой Александрой своему мужу Григорию Халупу; надгробие замечательно первым датированным появлением в Приднестровье т. н. якорного креста. Удивительным выглядит внезапное возрождение указанной формы в середине – третьей четверти XIX в.: довольно редкие, но запоминающиеся памятники бытовали до середины 1880-х гг.

8. Прямоугольные стелы с округленным верхом, как показали наблюдения, в первой половине XIX в. представлены слабо. Наиболее древним из датированных экземпляров является стела из

г. Григориополя, относящаяся к 1819 году. Настоящими шедеврами могут быть признаны две стелы роскошного стиля из с. Бутучаны, принадлежащие супругам Ивану и Анастасии Ушинсянам. В орнаментации верхней части этих каменных синодиков использовались античные мотивы (например, т. н. плетенка и завитки-волюты), что делает надгробия схожими с фронтонами античных саркофагов (рис. 6: 3). Прямоугольные стелы с округленным верхом в дальнейшем станут одной из самых стабильных форм, которая вплоть до начала XX в. будет встречаться в Дубоссарском и Григориопольском районах.

Такова была, в общих чертах, история развития надгробных стел на приднестровских некрополях к середине XIX в. – верхним хронологическим рубежом настоящей работы. Многообразие данного вида с середины XIX в. до начала XX в. будет отражено в следующей работе. Сделать это будет, пожалуй, труднее: в указанный период стелы количественно доминировали на целом ряде кладбищ Дубоссарского и Григориопольского районов. В северных районах республики стелы, уменьшившиеся в размерах, стали к данному времени маркерами детских захоронений.

Общим знаменателем для обеих зон в 1860-1870-е гг. стало существенное снижение качества рельефов и надписей, причем, даже на стелах роскошного стиля. В композиционном оформлении стала проступать плохо скрываемая небрежность, сложные орнаменты повсеместно заменяются обычными крестами. Причина, надо понимать, кроется в постепенном уходе из жизни старшего поколения мастеров-резчиков. В дальнейшем процесс значительно усилился, приняв к началу XX в. необратимый характер – регресс очевиден даже неискушенному наблюдателю. Однако, впереди у стел были десятилетия бурных трансформаций, пройдя через которые они стали неотъемлемой частью современного ландшафта.

Вопрос о центрах изготовления стел

Здесь автор приводит некоторые наблюдения и выводы, которые, хотя и носят предварительный характер, достаточно обоснованы.

Вывод первый – качество обработки камня и резьбы по нему на севере Приднестровья в XVIII – первой четверти XIX в. было более высоким,

чем в южных районах. Анализ декора искусно сделанных стел из сс. Грушка, Рашково, Белочи и Выхватинцы показал их очевидное сходство, проявляющееся в технических приемах изготовления и стилистике изображений (рис. 6: 4). Это, как представляется, диагностирует существование популярного центра камнеобработки, где сразу несколько мастерских выпускали стелы разной формы с декором православной направленности. Для работы одной такой мастерской, способной наладить производство множества однотипных стел, нужен был отлаженный процесс доставки заготовок и, как минимум, 4-5 специалистов-камнерезов высокого уровня. Содержать такую артель в селе, где похороны случаются не каждый день, нерентабельно. Мощное камнерезное производство окупает себя только тогда, когда есть постоянный спрос и, соответственно, предложение. Поэтому стелы производились в хорошо известном и защищенном месте, обладающем развитой инфраструктурой и разветвленной надежной сетью доставки заказов. Разумеется, это не исключало выезда мастеров на «место», но оплата работы артели как минимум из трех человек в этом случае была бы «аккордной»: доставка готового изделия обошлась бы гораздо дешевле.

Такой центр с большой долей вероятности мог находиться как на Правобережье, так и на Левобережье Днестра: перевозка готовых изделий вниз-вверх по реке была вполне осуществимой задачей. Ясно также, что таким центром в конце XVIII – начале XIX в. могло быть только защищенное с. Рашков или его правобережный аналог с. Вадул-Рашков с их развитыми камнерезными традициями: достаточно взглянуть на православные и еврейские надгробия этого периода (А. Паламарь, 2014). То, что орнаментированные рашковские стелы конца XVIII – первой трети XIX в. можно «сосчитать по пальцам», не должно смущать – в количественном плане остальные села северного Приднестровья сильно уступают своему именитому (с. Рашков основано в начале XV в.) соседу.

Исключение составляет, пожалуй, село Плоть. Здесь в ходе исследований зафиксировано свыше десяти однотипных стел первой четверти XIX в., конструкционные решения и уникальный орнамент которых демонстрируют стилистическое

единство. Среди участников проекта в этом отношении присутствует редкое единодушие – стелы изготовлены в одной мастерской, работавшей в сравнительно узкий промежуток времени. Традиция, прослеженная в Плоти, на первый взгляд, близка к северному центру (или центрам). На стелах контурным бортиком выделено изобразительное поле, присутствуют стандартные православные аббревиатуры, одну из сторон полностью занимает большой двойной крест и пр. (рис. 6: 5). Да и возможность изготовления стел в с. Рашков с последующей транспортировкой вниз по течению Днестра на плотах (лодках, баркасах), на первый взгляд, не вызывает сомнений.

Однако, стройность «рашковской» версии только кажущаяся – характерные для Плоти стелы в единичных экземплярах найдены всего в двух близлежащих селах – Белочи и Гараба. Предполагать наличие в Плоти мастерской, изготавливающей надгробия столь высокого в технологическом и художественном плане уровня, по меньшей мере, рискованно. Однако упорные поиски «плотских» стел в с. Рашков, а также к северу и югу от него, завершились неудачей – похоже, что их действительно там нет. И этот факт сразу ставит вопрос о самодостаточной в религиозном плане группе населения, чьи погребальные традиции несколько отличались от традиций в окружающих селах. Мысль о некоей изолированной общине, что называется «витает в воздухе», но ее подтверждение (или опровержение) будет озвучено только после углубленного изучения этнографической картины с. Плоть. Люди, спаянные в коллектив некоей этнической составляющей или религиозной мыслью, вполне могли осуществлять строгое соблюдение чистоты своих духовно-нравственных основ. И тогда существование отдельной камнерезной мастерской в небольшом селе становится реальностью.

Принципиально другая, более четкая картина сложилась на севере южной зоны в 1830-1850 гг. Здесь, без сомнений, функционировал центр камнеобработки, не уступавший по значимости с. Рашков в конце XVIII – первой четверти XIX в. В тяготеющих к устью р. Ягорлык селах выявлены однотипные стелы с роскошным декором, включающим в себя множество орнаментальных

мотивов. Определить центр производства, на первый взгляд, проблематично: на бутучанском кладбище обнаружено 7 стел, на цыбулевском – 10, на разоренном ягорлыкском кладбище уцелела одна. Однако, в этой ситуации имеется своеобразная подсказка: цыбулевский некрополь, помимо стел, содержит более двух десятков крестов, украшенных элементами роскошного стиля. Подобная концентрация надгробий одного культурного круга выглядит гораздо заметнее, чем в Плоти, и может свидетельствовать о локализации производственного центра в с. Цыбулевка.

Достаточно зыбкая в плане понимания ситуация сложилась на территории южнее устья р. Ягорлык в 1840–1850-х гг. Анализ встречаемости разных форм стел показал, что пропорция между разными типами выдерживалась примерно на одинаковом уровне. Конечно, в каждом конкретном случае численно преобладала та или иная форма, но невозможно констатировать явное доминирование того или иного типа. Почти повсеместно наблюдаются признаки регресса в обработке поверхностей камня, небрежность в нанесении надписей, грубоватое упрощение декора. Выявить среди этих надгробий продукцию какой-либо мастерской не представляется возможным. Исключением, возможно, является упомянутая выше загадочная приверженность жителей с. Индия к стелам-антропоморфам. Подобной привязанности не наблюдается в Приднестровье более нигде: в этом плане невольно вспоминается описанная выше загадка Плоти.

Что касается городских центров, то здесь нет и не может быть сомнений – гг. Дубоссары, Григориополь и Бендеры обладали собственными мастерскими, которые потенциально могли выпускать почти все вышеперечисленные типы плоских надгробий первой половины XIX в. В Дубоссарах и Бендерах значительная часть стел принадлежала русскому чиновничеству и духовенству, о чем свидетельствуют многострочные надписи и эпитафии. Иная картина наблюдается на прекрасно сохранившемся *lowm cemetery* г. Григориополя – из более чем сотни уцелевших стел примерно пятая часть принадлежит зажиточным горожанам (мещанам) и купеческим династиям (рис. 6: 6). Надгробия чиновничества и духовенства в Григориополе не найдены: не исключено,

что для этих категорий населения существовало специальное кладбище при православной церкви.

Таким образом, создание высокопрофессионально изготовленных стел первоначально было сосредоточено в северном Приднестровье. Здесь с XVIII в. по 1820-е гг. существовал рашковский ремесленный центр и, вероятно, еще один, менее значительный «цех» камнерезного дела. Затем, в результате неких событий начала 1830-х гг. производство стел перемещается в ягорлыкский анклав. Это движение прослежено с высокой точностью: на кладбищах Каменского и Рыбницкого районов фиксируется резкое увеличение количества объемных крестов, которые вскоре становятся безраздельно доминирующим видом надгробного памятника. Стелы продолжают изредка устанавливаться на севере вплоть до 1880-х гг., однако качество их обработки и декора оставляют желать лучшего.

Раскрыть мотивы столь внезапной перемены ввиду отсутствия письменных источников не представляется возможным. Уход на юг части православного населения, практиковавшего возведение надгробных памятников в форме *стелы*, на сегодняшний день – приоритетная версия. Значительную часть этого человеческого потока могли составлять молдаване, с XVII в. густо населявшие юго-западный угол Брацлавского воеводства [2, с. 18], традиционно приверженные к православной вере и бережно хранящие архаические обычаи. Единственной хронологически подходящей причиной произошедшего видится охватившее Подолию и всемерно поддержанное уніатами [2, с. 16–21] польское восстание 1830–1831 гг. Связь с этим событием нуждается в более серьезной аргументации, что может стать темой специального исследования.

Однако, распространение с севера объемных крестов к 1850-м гг. начинает ощущаться и в бассейне р. Ягорлык: стелы отступают далее на юг, окончательно закрепляя за собой в 1860–1870-х гг. большую часть Дубоссарского и Григориопольского районов. Нежелание местных мастеров (за очень редким исключением) возрождать «роскошный» стиль декора и возвращение к простейшим технологиям камнеобработки (обтеска краев) стало причиной появления стел практически в каж-

дом селе. Например, в с. Ташлык они создавались из плит местного камня, обработанных, что называется, на «скорую руку».

С учетом неполноты данных по югу Григориопольского района и по всему Слободзейскому району, тем не менее, можно предположить доминанту стел в погребально-монументальной картине приднестровского юга с XVII в. до конца первой трети XIX в. Эта уверенность подкрепляется находками в с. Тея фрагментов как минимум трех

разбитых и одной целой стел второй половины XVIII в. Несколько стел первой половины XIX в. обнаружено в г. Бендеры, который в указанный период также входил в культурное пространство южного Приднестровья. В этой связи можно только констатировать печальную судьбу стел на пространстве от Спее до Незавертайловки: они, в силу малочисленности выходов камня на юге Приднестровья, могли быть использованы в качестве строительного материала.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Андреева С. И. 2006. Погребально-поминальный ритуальный комплекс в русской традиционной культуре. Дипломная работа. Исторический факультет Новосибирского государственного педагогического университета. <http://odtdocs.ru/kultura/13807/index.html>.
2. Венгрженовский С. 1891. Материалы для истории унии в бывшем Брацлавском воеводстве во второй половине XVIII века. Труды Подольского Епархиального историко-статистического Комитета. 1890–1891. Вып. V. Каменец-Подольск: Типография Подольского Губернского Правления, с. 9–21.
3. Гавриил, 1848. Историко-хронологическое описание церквей Епархии Херсонской и Таврической. Одесса: Городская типография, 71.
4. Гербальдика Бессарабии. <http://oldstory.info/index.php?/topic/40578-гербальдика-бессарабии>.
5. Гербы Литвы. Апостольский крест. <http://www.heraldicum.ru/lietuva/vitis.htm>.
6. Гончарова М. 2019. Дивный храм св. Параскевы Сербской. Рыбницкое благочиние. Приход с. Зозуляны. <http://rm-hv.ru/ribnlagoch/578-prihod-prp-paraskev-y-serbskoy.html>.
7. Даль В. И. 2006. Иллюстрированный толковый словарь русского языка. М.: Вече.
8. Корецкий А. В. 2019. Знаки тайного ордена или Мировое дерево? Что зашифровано на древней скульптуре из Рыбницкого района. <https://novostipmr.com/ru/news/19-03-12/znak-taynogo-ordena-ili-mirovov-drevo-chto-zashifrovano-na-drevney>.
9. Паламарь А. А. 2014. Путешествие № 12. Вадул-Рашков. Август. <https://www.palamar-photo.com>.
10. Разумов С. Н., Лысенко С. Д., Синика В. В., Тельнов Н. П., Четвериков И. А. 2013. Курганы эпохи бронзы могильника у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра // *Stratum plus*, № 2, 297–340.
11. Студопедия. Rural cemetery. https://studopedia.su/19_32543_Rural-cemetery.html.
12. Феч Н. Ю. 2014-а. Знаки-2 (глава из романа) // Приднестровье, 29.11.2014, 8–9.
13. Феч Н. Ю. 2014-б. По следам единорога // Приднестровье, 27.12.2014, 6–7.
14. Феч Н. Ю. 2014-в. Рашково. История любви // Приднестровье, 16.08.2014, 8–9.
15. Феч Н. Ю. 2015-а. У чертогов тайны // Приднестровье, 24.01.2015, 10.
16. Феч Н. Ю. 2015-б. Крест Ягеллонов // Приднестровье, 14.02.2015, 9.
17. Феч Н. Ю. 2015-в. Несколько шагов по сакральной земле, или Открытие, поставившее нас в тупик // Приднестровье, 14.11.2015, 8.
18. Феч Н. Ю. 2015-г. Несколько шагов по сакральной земле, или Неожиданный свет в конце туннеля // Приднестровье, 12.12.2015, 8.
19. Феч Н. Ю. 2016. Встреча с отцами-основателями // Приднестровье, 06.02.2016, 9.

-
20. Феч Н. Ю. 2018-а. Тейская святыня // Приднестровье, 24.03.2018, 8.
 21. Феч Н. Ю. 2018-б. Потаённая земля // Приднестровье, 01.12.2018, 9.
 22. Brihuneț M. 2006. Sculptura pietrilor de mormânt din secolul al XVIII-lea – începutul secolului XIX-lea în ocolul Nistrului de Jos // TIRAGETIA, XV, с. 439–450.
 23. Brihuneț M. 2008. Monumente comemorative medievale târzii din spațiul pruto-nistean // TIRAGETIA, II (XVII), nr. 2, с. 179–193.
 24. Moldovenii. Герб Молдовы. 1481. <http://www.moldovenii.md/ru/library/photo/album/168/id/2940>.
-

КИЕВЕЦ НА ДНЕСТРЕ. ГОРОДИЩЕ У СЕЛА РАШКОВ?

А. П. Горносталь,

Руководитель

Поднестровского историко-географического общества

В августе 2019 г. в г. Тирасполь состоялась пресс-конференция Поднестровского историко-географического общества (ПИГО), в рамках которой для представителей медиа-сообщества ПМР прошла презентация промежуточных результатов просветительского научно-исследовательского проекта Tempus Incognitum («Неизвестное время»), касающегося изучения неизвестных страниц истории Поднепровья. Одним из таких результатов стали представленные свидетельства существования в районе современного села Рашков Каменского района ПМР городища Киевец.

В 2018–2019 гг. исследователями ПИГО были организованы и проведены междисциплинарные исследования, которые включали в себя краеведческие экспедиции, а также работу с архивными и археологическими данными. В результате удалось обнаружить и связать в единую картину сведения, известные ранее лишь узким специалистам, либо не известные вовсе.

Среди источников – труды известного польского историка и этнографа Александра Яблоновского [12, с. 555, 564, 586], касающиеся публикации «Актов польского коронного трибунала», которые были составлены в XVII в. на основе уничтоженных ранее книг. Были обнаружены три акта разных лет из Брацлавского воеводства Речи Посполитой, в которое в 1566–1793 гг. входила часть нынешней территории ПМР (рис. 1). Документы датируются 1612, 1613, 1616 гг. В актах речь идет о судебных разбирательствах относительно земельных прав и прав на недвижимое имущество. Однако, важно другое – в них содержится упоминание одного и того же топонима, но в разных редакциях: «Kijewiec», «Kjowiec»,

«Kijowca»; в русском переводе – «Киевец». Особо следует отметить, что во всех трех случаях «Киевец» именуется городищем и упоминается в связке с двумя деревнями, располагавшимися над Днестром – «Подойминой» (также «Подоймой») и «Каменицей» (также «Каменицей Нижней»), как они названы в указанных актах. Таким образом, речь идет о поселениях, находившихся в непосредственной близости друг от друга рядом с рекой Днестр.

Фонетическое сходство топонимов позволяет идентифицировать два упомянутых в источниках поселения с современными населенными пунктами Каменского района ПМР: «Каменица» – Каменка, «Подоймина» – Подойма и Подоймица. Между тем вопрос относительно современного местоположения городища Киевец на момент исследования требовал более пристального изучения.

В ходе одной из краеведческих экспедиций ПИГО стало известно, что в районе современного с. Рашков, граничащего с с. Подойма, располагается возвышенность, именуемая местными жителями не иначе как «Киевка», а на топографической карте (рис. 2) обозначенная как «урочище Гора Киевка» [4].

Среди местного населения с. Рашков бытует объяснение, дескать, такое название урочища – «Киевка» – связано с тем, что в некие незапамятные времена в том месте пролежала дорога, ведущая в летописный град Киев. Однако, автор статьи, склонен полагать, что подобное объяснение является поздним мифопоэтическим фольклором. В качестве аргумента необходимо обратиться к этимологии топонима «Киев». Так, еще древнерусским летописцем сообщалось о происхождении названия города Киев от имени легендарного отца-основателя Кия.

1612

M. Tychonem Żydkiewiczem i Stefanem
Kopczyńskim pow., a ks. Anną Ostrogską pozw., o gwałtowne
przez pozw. pow. z gruntu ich własnego horodyszczu **Kijewiec**,
wsi **Podojmina**, **Kamienicy**, nad rz. Dniestrem w wojew. braclaw.
leżących, wybicie i w swoją posesyę zabranie — dekret.
fol. 1293.

1613

M. Tychonem Żydkiewiczem i Stefanem
Kopczyńskim pow., a ks. Anną Ostrogską pozw., o gwałtowne
najejanie na grunt pow. strony horodyszczu **Kłowiec** i na wsie
Podojminy i **Kamienicę**, nad rz. Dniestrem w wojew. braclaw
leżące, i z tych dóbr pow. wybicie — rozpis. fol. 250.

1616

Augusti 24. M. Tychonem Żytkiewiczem i Stefanem
Kopczyńskim pow., a ks. Anną Ostrogską pozw., o gwałtowne
najejanie na grunta powodów horodyszczu **Kijowca** i na wsie
dwie zwiące się **Podojma** i **Kamienica Niżna**, nad rz. Dniestrem
w wojew. braclaw. leżące, w których majątnościach powodowie
za prawem kupionem oddawna siedzieli, i onych z tych dóbr wy-
bicie — dekret. fol. 1123.

Рис. 1. Коллаж из светоконий текстов актов польского коронного трибунала, в которых упоминается городище Киевце, по книге А. Яблоновского

Рис. 2. Урочище «Гора Киевка» на топографической карте

«Яко же бысть древле цесарь Рим и прозъвався в имя его град Рим. И паки Антиох — и бысть Антиохия... и паки Александр — и бысть в имя его Александрия. И по многа места тако прозъвани быша гради в имена цесарь тех и кънязь тех. Тако же и в нашей стране прозъван бысть град великий Киев в имя Кыя» — писал составитель киевского летописного свода 1093–1095 гг. [10, с. 264].

Однако ещё более полувека назад советский историк и археолог М. Ю. Брайчевский отмечал, что «летописная легенда об основании Киева имеет распространенное фольклорное оформление,

которое вынуждает весьма осторожно и критически относиться к исторической оценке ее содержания» [1, с. 68]. Более того, специалистам — и историкам, и лингвистам — сегодня известны множество поселений-тезок: «Киев», «Киево», «Киевец», «Кияны», «Киевичи» и др.

Так, тот же М. Ю. Брайчевский насчитал их около двух десятков, особенно в Польше [1, с. 92–93]. А на карте [7, с. 147], составленной известнейшим лингвистом О. Н. Трубачевым, аналогичных поселений насчитывается более шестидесяти (рис. 3).

Рис. 3. Карта распространения топонимов Киев, Киево, Кieveц, Кieviichi

В 2005 г. российский филолог В. Л. Васильев, убедительно показал, что в основе рассматриваемого ойконима не лежит личное имя легендарного древнерусского князя. Вот что он пишет: «Хотелось бы вкратце коснуться сложной и запутанной проблемы происхождения названия древнерусской и украинской столицы Киев. Напомним две основные существующие версии. Традиционная точка зрения развивает летописное предание и внешне, как будто, очевидна: геогр. Киев – possessivное производное от др.-рус. личн. Къи, что находит многочисленные межславянские топонимические параллели: Киево, Киевичи, Киевец и т. п., всего более 50 названий. Традиционному мнению противостоит, прежде всего, точка зрения С. Роспонда, согласно которой ойконим Киев связан происхождением с топографическим термином, близким к польск. диал. kujawa “голое место среди лесов”, укр. диал. куява “крутой холм”, “пустое место”» [2, с. 210–211].

В этой связи крайне интересной представляется известная лишь узкому кругу специалистов незавершенная работа выдающегося российского историка и географа В. Н. Татищева, написанная в 1744–1746 гг. «Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской». В ней отмечается следующее: «Киев, главный город в Малой Руси, на правом берегу Днепра, ниже устья реки Десны, на горе довольно высокой, весьма древней, от славян называн Горы, а от сармат Киви, то же значит, от чего имя Киев осталось. Нестор или кто по нем, не зная происхождения имени сарматского, басню сложил о Кие князе с братиею, но древние римские географы имя Горы довольно знали, яко же и сам Нестор Горы имянует» [8, с. 196–197]. И действительно, в «Повести временных лет» автор приводит описание путешествия апостола Андрея. Он говорит, что Андрей «проиде в вустие Днепровское, и оттоле поиде по Днепру горе [*то есть вверх* – А. Г.]. И по приключая приде и ста под горами на березе. И заутра встав и рече к сущим с ним ученикам: «Видите ли горы сия? – яко на сих горах воссияет благодать божья; имать град велик быть...» (...), иде же послеже быть Киев, и поиде по Днепру горе» [5, с. 12].

В свою очередь польский лингвист С. Роспонд заключает: «название города Киевъ и горы Киевской («въздол горы Киевския») были переделкой первоначального определения Kujava ... Для народного мифологического представления, так же, как и для хрониста, топографические названия были не столь адекватными и менее ценными, чем антропонимические названия, отражающие генеалогию. Потому и народный «ономастический» узус, и летописец нередко «антропонимизировал» топографические названия... Методологическая осторожность исследователя ономастики требует многостороннего контекстного анализа каждого сомнительного названия, ибо прозрачные с первого взгляда топонимы в действительности оказываются вторичными, переименованными» [6, с. 110].

Таким образом, можно предположить, что топоним «Киев» и производные от него топонимы, прежде всего, рассматриваемый «Киевец», имеют своё содержательное смысловое происхождение не в связи с летописным князем Кием, а с такими понятиями как «крутой холм», «гора», то есть местами, имеющими характер возвышенности относительно остального рельефа.

Именно таковой увидел данную местность Рашкова в начале XX в. историк и археолог Е. И. Сицинский: «Вдоль по оврагу речки Рашковки с правой ее стороны несколько скальных гротов и одна объемистая пещера. Между оврагом Рашковки и параллельным ему оврагом Богарня тянется вал, пересекающий с юга на север *возвышенность (называемую Киевка)* на протяжении до 2 верст» [3, с. 179].

В советский же период это место было обследовано двумя археологами МССР – Н. А. Кетрару и И. Г. Хынку. Последний оставил его подробное описание, в котором, в частности, отмечал: «Около села Рашково между узкими глубокими долинами речушек Рашков и Багорнянка расположен большой мыс со скалистыми склонами под названием *Киевка*. Древние мастера крепостных сооружений закрыли вход на территорию мыса с напольной стороны, превратили его внутреннюю площадку в неприступную крепость. Рукотворной преградой служил глубокий и широкий ров от одного до противоположного края мыса в самом узком его месте. По внутренней стороне рва был на-

сыпан высокий земляной вал ... *Не установлено также, когда и кем было возведено Рашковское городище...* Более достоверные данные о времени существования укрепленного поселения, о занятиях и этнической принадлежности его жителей, о причинах гибели и о многом другом из истории памятника будут получены только после его планомерного исследования» [9, с. 24–26].

Заслуживает особого внимания позиция приднестровских археологов, озвученная ими в научном издании еще в 2006 г. относительно упомянутого И. Г. Хынку вала рассматриваемого городища: «Настоятельно требуются охранные мероприятия и выведение территории памятника из хозяйственного оборота. Его огромная ценность подтверждена экспертной оценкой археологов Приднестровья и Молдовы» [4, с. 69–70].

Таким образом, представленные данные: изыскания археологов, лингвистические материалы, выявленные письменные источники – указывают на древнее поселение, существовавшее на территории современного Приднестровья в районе с. Рашков Каменского района ПМР, по меньшей мере, в начале XVII в., а вероятно, и ранее, и носившее имя «Киевец».

В настоящее время науке известен древний «градок мал ... городище Киевец» [5, с. 13] на Дунае, менее известны Киевцы в других регионах. Надо полагать, что на Днестре также находилось неизвестное ныне городище Киевец, на что указывают приведённые выше данные. В то же время для окончательной его атрибуции необходимы полноценные археологические исследования.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Брайчевский М. Ю. 1964. Когда и как возник Киев. Киев: Наукова думка.
2. Васильев В. Л. 2005. Архаическая топонимия Новгородской земли (Древнеславянские деантропонимные образования). Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого.
3. География Каменского района ПМР. 2009. Тирасполь: Литера.
4. Коваленко С. И., Синика В. С., Тащи Е. Ф., Тельнов Н. П., Фидельский С. А., Четвериков И. А., Щербакова Т. А. 2006. Свод археологических памятников Каменского района Приднестровской Молдавской Республики. Тирасполь: Типар.
5. Повесть временных лет. 1950. М.–Л.: АН СССР.
6. Роспонд С. 1968. Значение древнерусской ономастики для истории (К этимологии топонима Киев) // Вопросы языкознания, с. 103–110. № 1.
7. Трубачёв О. Н. 2003. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М.: Наука.
8. Татищев В. Н. 1793. Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской. Сочинённый господином тайным советником и астраханским губернатором Васильем Никитичем Татищевым. Ч. 3. СПб.: Тип. горн. Училища.
9. Хынку И. Г. 1987. Древнейшие памятники родного края. Кишинев: Штиинца.
10. Шахматов А. А. 1909. Предисловие к Начальному киевскому своду и Несторова летопись // Известия Отделения русского языка и словесности. Т. XIII. Кн. 1, с. 213–270.
11. Źródła dziejowe, т. 21: Ziemia Ruskie. 1894. Ukraina (Kijow – Braclaw). Warszawa: skł. gł. w Księgarni Gebethnera i Wolffa.

ИСТОРИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ТИРАСПОЛЬСКОГО ПЕДИНСТИТУТА В 1930–1945 гг.

В. А. Хохлов,

заведующий Музеем истории

ПГУ им. Т.Г. Шевченко

Создание Тираспольского педагогического вуза было непосредственно связано с общественным развитием Автономной Молдавской ССР, образованной в составе Украинской ССР (УССР).

В 1924 г. на III сессии VIII созыва Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета (8–12 октября, г. Харьков) произошло юридическое оформление молдавской автономии (МАССР) в левобережных землях Приднестровья. Таким образом, впервые в истории была образована Приднестровская государственность, а столицей стал г. Балта (с 1929 г. – столица г. Тирасполь).

Особое внимание руководство МАССР уделяло ликвидации массовой неграмотности и малограмотности населения, а также созданию системы просвещения, основанной на единой школе со всеобщим обязательным начальным обучением в объеме четырех классов. Однако республика фактически не была обеспечена педагогическими кадрами, так как во время ее провозглашения здесь было всего 565 учителей [4, с. 26–27]. В 1924 г. в Левобережном Приднестровье функционировало 299 школ, где обучалось только 38% детей школьного возраста [6, с. 423]. Несмотря на то, что в первые годы существования молдавской автономии уже работали 638 учителей, но и они не могли обеспечить всех потребностей развития народного образования республики [2, с. 3].

Особенно не хватало педагогов для школ с молдавским языком обучения, так как украинские и русские школы обеспечивались кадрами, подготовленными вузами Украины и Российской Федерации (РФ).

В связи с этим подготовка педагогических кадров для МАССР приобрела важнейшее значение. С этой целью в 1925 г. при Одесском институте народного образования открылись одногодичные педагогические курсы, которые в этом же году были переведены в г. Балта. В октябре 1926 г. в г. Тирасполе начал свою работу четырехгодичный педагогический техникум с обозначением «Молдавский». В 1927 г. Молдавский педтехникум также перевели из г. Тирасполь в г. Балта и в его состав вошли педкурсы.

В 1929 г. IV съезд Советов МАССР (28 апреля – 5 мая, г. Балта) определил основные направления национально-культурного развития республики (в т.ч. системы просвещения).

14 августа 1930 г. Правительство Союза ССР приняло Постановление «О всеобщем обязательном начальном обучении». Этот документ предусматривал введение обучения детей раннего школьного возраста в объеме четырех классов с дальнейшим переходом на семилетний всеобуч. Кроме того, предполагалось, что в системе просвещения основное место постепенно займет средняя школа в объеме десятилетки.

В 1930/31 учебном году все дети молдавской автономии в возрасте 8–11 лет уже были охвачены обязательным начальным обучением. В соответствии с решением IV съезда Советов МАССР, начиная с 1931/32 учебного года, учащиеся, оканчивающие в 1931 г. четырехклассную начальную школу, должны были обучаться в пятых классах. Все это обусловило увеличение количества семилетних школ, а вместе с ними – и численность учащихся 5–7 классов. Семилетки становились

Рис. 1. Бихман Абрам Яковлевич (1898–1937 гг.) – директор института с октября 1930 г. по ноябрь 1932 г., и.о. профессора

ведущим типом учебного заведения. Таким образом, была конкретно определена проблема подготовки педагогических кадров республики для семилетних и средних школ.

В 1930 г. Правительство МАССР и секретариат Молдавского обкома КП(б) УССР приняли резолюцию по докладу Народного комиссариата просвещения (Наркомпрос) МАССР «О сети профобра на 1930/31 год и ходе комплектования» от 13 августа 1930 г. [1]. Этот документ предусматривал открытие в г. Тирасполе Института народного образования (ИНО) с трехлетним сроком обучения. Пункт второй Резолюции гласил: «Утвердить предложение о реорганизации Молдавского пед. техникума в Молдавский институт народного образования». И далее «Предложить Наркомпросу обеспечить комплектование ИНО... в Тирасполе лучшим составом студентов в социальном отношении. Увеличить размер стипендии, доведя для ИНО 60 руб. ...» [1].

Так началось становление и прогрессивное развитие высшего образования в левобережных землях Приднестровья.

В составе института планировалось открытие четырёх факультетов: агро-биологического, механико-математического, лингвистического и социально-экономического¹. Однако, в сентябре 1930 г. из студентов старших курсов Молдавского педагогического техникума в г. Балта были укомплектованы только I–III курсы агро-биологического и механико-математического факультетов и I–II курсы лингвистического факультета.

1 октября 1930 г. первый директор Молдавского института народного образования и.о. профессора А. Я. Бихман подписал приказ № 1, которым определялась структура вуза (рис. 1)². Свою деятельность начали три факультета и пять кафедр: биологии, физики, математики, молдавского языка и литературы, дидактики. Преподавание велось на молдавском, русском и украинском языках. Таким образом, этот день считается официальной датой создания первого высшего учебного заведения Левобережного Приднестровья, а первым вузовским центром будущей Советской Молдавии стал г. Тирасполь.

К моменту образования института отсутствовала база для его комплектования студентами, так как в МАССР не было еще средних общеобразовательных школ. Поэтому в 1930 г., с целью подготовки молодежи к вступительным испытаниям, при вузе создается одногодичный вечерний Рабфак (подготовительные курсы), первым директором которого была А. Л. Абрамович. Позднее он становится двухгодичным и действует вплоть до 1940 г. Его учащимися стали лица, окончившие семилетние или приравненные к ним школы. В декабре 1930 г. в институте открылся заочный сектор (отделение).

В 1930/31 учебном году к занятиям приступили 123 студента, а вместе со слушателями Рабфака их насчитывалось 203 человека, учебный процесс обеспечивали всего 20 преподавателей.

¹ В последующем, соответственно, факультеты: естественная, физико-математический, филологический и исторический.

² Все представленные фотографии размещены в экспозиции музея истории ПГУ им. Т. Г. Шевченко или хранятся в его научном фонде

В 1931 г. вуз был преобразован в Институт социального воспитания и 25 августа этого же года состоялся первый выпуск 20 учителей биологии, физики и математики. В 1932 г. дипломы об окончании института получили 16 выпускников, а в последующие два года еще 70 (рис. 2). Из-за нехватки учителей в республике студенты, окончившие второй курс стационарного отделения вуза в июле 1934 г., были посланы на годичную педагогическую практику в различные населенные пункты.

К началу 1932/33 учебного года в институте открылся социально-экономический (в последующем – исторический) факультет. В 1933 г. произошли изменения структуры народного образования республики, и вуз снова реорганизуется уже в Молдавский педагогический институт (МПИ) им. С. В. Косиора с четырехлетним сроком обучения [9] (рис. 3). С 1940 г. это Молдавский государственный педагогический институт (МГПИ) им. Т. Г. Шевченко.

Особенно большую роль в становлении МПИ сыграли вузы Украины и Российской Федерации, которые направили сюда педагогические и научные кадры. В формировании профессорско-преподавательского состава института участвовали преподаватели и сотрудники Балтского педтехникума, а также различных тираспольских техникумов. Кроме того, в первые годы деятельности вуза ряд учебных дисциплин вели сотрудники Молдавского научного комитета (образован в 1928 г.) и Наркомпроса республики, молдавские литераторы. Подготовка педагогических и научных кадров для института началась уже в 1931 г. через аспирантуру при Молдавском научном комитете, а с 1934 г. – через аспирантуру Одесского государственного университета. В 1934–1941 гг. через аспирантуру по различным специальностям прошли обучение 24 человека.

Кроме того, профессорско-преподавательский состав института и работавшего при нем Рабфака пополнялся в течение всех довоенных лет за счет наиболее способных выпускников (Н. А. Агасьева, А. Г. Барановский, О. Г. Андрус, С. Я. Афтенюк, М. М. Радул и др.). Таким образом, к началу 1940-х гг. вуз уже обладал квалифицированными

Рис. 2. Первое учебное здание института – г. Тирасполь, ул. Свердлова, д. 15

Рис. 3. Выпуск Молдавского пединститута 1934 г.

педагогическими и научными кадрами [8, с. 7–8].

29 ноября 1935 г. Молдавский педагогический институт праздновал пятилетие своей деятельности. В торжественных мероприятиях приняли участие руководители МАССР Е. П. Воронович и Г. И. Старый, секретарь Молдавского обкома КП(б)У М. И. Голуб, нарком просвещения МАССР М. Я. Холостенко (директор вуза в 1934 г.), а также первые выпускники института и представители общественности. В честь пятилетнего юбилея МПИ и учитывая его роль в национально-культурном развитии, правительство МАССР постановило присвоить вузу имя государственного и партийного деятеля – секретаря ЦК КП(б)У Станислава Викентьевича Косиора. За период

Рис. 4. Студенты института.
Справа Т. К. Трушковская, в последующем —
учитель химии Тираспольской средней школы № 2

Рис. 5. Преподаватели и сотрудники института
с группой студентов физико-математического
факультета. В первом ряду четвертый слева —
Г. И. Иванов, профессор. 1936 г.

Рис. 6. Экскурсия студентов факультета
естествознания. 22.07.1936 г.

с 1930 по 1935 гг. в институте высшее педагогическое образование получили 106 студентов, обучавшихся на стационарном, и 25 — на заочном отделениях (рис. 4).

Примечательно то, что в 1936 г. журнал «Красная Бессарабия», издаваемый в г. Москве Центральным Советом Общества бессарабцев в СССР, отмечал: «Молдавский педагогический институт имеет громадное значение в создании новых национальных кадров для молдавской школы и в обеспечении учителями. В настоящее время Молдавия имеет 490 начальных и средних школ, в которых обучается 97 тыс. детей [...]. За последние пять лет 1930-1935 гг. в Молдавии выстроено 37 новых, светлых, прекрасно оборудованных школ. Есть в Молдавии и три высших учебных заведения и ряд техникумов» [3, с. 21].

Большое значение для института имело Постановление Правительства Союза ССР и Центрального Комитета ВКП(б) «О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой» от 23 июня 1936 г. [5, с. 427–438]. Оно предусматривало строгий порядок приема в высшие учебные заведения, определяло принципы организации учебного времени и учебной работы, руководства высшей школой, режима и дисциплины в ней (рис. 5).

Со дня основания в институте работали курсы по подготовке учителей и повышению их квалификации, которые окончили 496 человек, а 676 — повысили здесь свой профессиональный уровень.

Преподаватели и студенты вуза принимали непосредственное участие в осуществлении важных республиканских хозяйственных и политических мероприятий. Они постоянно оказывали помощь в уборке урожая, участвовали в культпоходе, посвященном ликвидации неграмотности и малограмотности среди взрослых, сборе дополнительных денежных средств для укрепления обороноспособности Красной Армии. В выходные дни студенты помогали рабочим в переработке сельхозпродукции, строительстве первых консервных заводов молдавской автономии, участвовали в возведении Тираспольского драматического театра, а также в строительстве учебного корпуса института.

В 1936/37 учебном году при вузе был открыт вечерний учительский институт, где обучались

учителя школ г. Тирасполь и ближайших к нему сел, а в 1939 г. — его заочное отделение. Это позволило подготовить к концу 1930-х гг. еще более 100 специалистов. В 1937 г. состоялся первый выпуск Молдавского пединститута им. С. В. Косиора с четырехлетним сроком обучения (рис. 6). Только на стационарном отделении для школ республики было подготовлено 65 учителей, из них 10 человек оставлено при вузе для преподавательской работы. В этом же году состоялся первый выпуск исторического факультета — дипломы получили 12 человек, 7 из них направлялись на руководящую работу в систему Наркомпроса республики (рис. 7).

В 1938 г. стационарное отделение вуза окончили 84 человека. В этом же году на филологическом факультете было организовано отделение русского языка и литературы.

Перед началом 1938/39 учебного года в институте открылся географический факультет, были созданы зоологический и минералогический музеи. Фонд библиотеки и читального зала вуза насчитывал более 120 тыс. экземпляров учебной, методической и научной литературы.

Укрепились связи института с учебными заведениями городов Одессы, Харькова, Днепрпетровска, Киева, Москвы. Развивалось и студенческое творчество, имелись коллективы художественной самодеятельности: хор, духовой и струнные оркестры, ансамбль народного танца (рис. 8).

В целом, до 1938 г. в МАССР фактически была решена задача по организации всеобщего обязательного семилетнего обучения детей и в основном ликвидирована массовая неграмотность населения.

В 1939 г. С. В. Косиор был осужден как «враг народа» и репрессирован, а его имя было удалено из официального названия вуза. Поэтому в ознаменование 125-летия со дня рождения Тараса Григорьевича Шевченко Молдавскому пединституту было присвоено имя известного украинского поэта (Протокол №3 заседания Президиума Верховного Совета МАССР от 2 марта 1939 г.) (рис. 9).

26 января 1939 г., учитывая недостаток в педагогических кадрах для неполных средних школ, Правительство МАССР согласилось с предложением Наркомпроса МАССР об организации в республике двухгодичного учительского института с русским и украинским языками обучения.

Рис. 7. Преподаватели института.
В центре первого ряда Т.И. Ницуляс, директор института с июля по декабрь 1937 г., старший преподаватель, и.о. доцента. 1937 г.

Рис. 8. Духовой оркестр института

Рис. 9. Первый памятник Тарасу Григорьевичу Шевченко. Установлен в 1939 г. (не сохранился)

Рис. 10. Приказ о размещении Молдавского педагогического института в г. Бугуруслане

В 1939 г. были открыты один учительский институт с отрывом от производства в г. Балта и два – без отрыва от производства в городах Балта и Тирасполь. В 1940 г., в связи с образованием Молдавской ССР (МССР) и отходом г. Балта к Одесской области УССР учительский институт был переведен в г. Тирасполь и функционировал при Молдавском пединституте им. Т. Г. Шевченко.

В 1939/40 учебном году в институте уже работали 5 факультетов и 10 кафедр: молдавского языка и литературы, русского языка и литературы, украинского языка и литературы, математики, физики, биологии, основ марксизма-ленинизма, истории, педагогики и психологии, географии, а также учительский институт, другие структурные подразделения. Из более чем 40 преподавателей вуза 5 имели ученую степень. Возросло количество выпускников – в 1940 г. дипломы об окончании института получили 100 студентов.

Итак, за период с 1930 г. по 1940 г. на стационарном и заочном отделениях вуза было подготовлено около 800 учителей для школ Левобережного Приднестровья. К середине 1940 г. школьная система просвещения МАССР насчитывала 504 общеобразовательных школы, в которых обучалось 113,7 тыс. учащихся [6, с. 423].

После образования 2 августа 1940 г. Молдавской ССР Молдавская автономия была ликвидирована. В столице новой союзной МССР г. Кишиневе открываются педагогический и учительский институты. Ряд преподавателей Тираспольского пединститута составили основу этих образова-

тельных учреждений, оказывая помощь в учебно-методической и научной работе. Например, М. М. Радул – выпускник физико-математического факультета 1933 г. стал первым руководителем Кишиневского государственного педагогического института (1940–1941 гг.).

С началом Великой Отечественной войны ход боевых действий на юго-западе СССР не позволил институту продолжить свою деятельность в г. Тирасполе, ставшем прифронтовым. В течение 1941 г. и в первой половине 1942 г. преподаватели, студенты и сотрудники Молдавского госпединститута им. Т. Г. Шевченко и Кишиневского госпединститута были эвакуированы в г. Чкалов (совр. г. Оренбург) России, где эти вузы объединились в один – Молдавский государственный педагогический институт. В связи с военными событиями занятия в 1941/42 учебном году не проводились.

С 1942 г. институт приступил к работе в г. Бугуруслан Чкаловской (совр. Оренбургской) области России (рис. 10). Приказ № 8 Наркома просвещения МССР М. М. Радула «О начале учебного года в Молдавском государственном педагогическом институте» от 21 сентября 1942 г. определял, что учебные занятия в 1942/43 учебном году должны начаться в соответствии с указанием Всесоюзного комитета по делам высшей школы (ВКВШ) при Правительстве СССР с 1 октября 1942 г. В профессорско-преподавательский состав вуза входило 12 штатных единиц и 9 совместителей – из них 2 доктора наук и 4 кандидата наук [7]. В институте открылись 5 факультетов: языка и литературы, естественный, географический, физики и математики, истории. Работали 6 кафедр: языка и литературы, физики и математики, естествознания и географии, марксизма-ленинизма, истории, педагогики и психологии. Приказом № 9 Наркома просвещения МССР М. М. Радула от 21 сентября 1942 г. был утвержден Ученый совет вуза из 12 человек.

Приказом № 301 Всесоюзного комитета по делам высшей школы от 11 декабря 1942 г. Молдавский госпединститут был включен в титульный список действующих вузов Союза ССР.

Уже в январе 1944 г. в институте насчитывалось 374 студента, объединенных в 16 учебных групп. В период эвакуации был произведен толь-

ко один выпуск специалистов. В 1944 г. дипломы получили 19 человек: один филолог, четыре математика и физика, 14 историков [8: с. 17–18].

На фронтах Великой Отечественной войны погибли два преподавателя и более тридцати студентов Тираспольского пединститута (рис. 11).

После освобождения Левобережного Приднестровья 12 апреля 1944 г. Постановление № 146 Правительства МССР «О восстановлении сети высших и средних специальных учебных заведений системы Наркомпроса Молдавской ССР» от 24 июля 1944 г. определяло восстановление в г. Тирасполь учительского института, который работал здесь еще с 1939 г. [9]. Полное освобождение территории Молдавии 29 августа 1944 г. позволило эвакуировать Молдавский госпединститут (кишиневский состав) непосредственно в г. Кишинев.

К началу 1944/45 учебного года на четыре факультета Тираспольского государственного учительского института (ТГУИ): языка и литературы, естествознания и географии, физики и математики, истории, – были зачислены 209 человек (при плане набора 240 человек). Были открыты пять кафедр: языка и литературы, физики и математики, естествознания и географии, истории и марксизма-ленинизма, а также военной подготовки. Срок обучения составлял два года, а преподавание велось на молдавском и русском языках.

В этом же учебном году приступили к формированию заочного отделения вуза. В июле-августе 1945 г. ТГУИ провел государственные экзамены. Дипломы выпускников получили 15 человек, которые начали учебу еще перед Великой

Рис. 11. И. Е. Борисюк – преподаватель института. Погиб в 1941 г. при обороне Москвы

Отечественной войной. В период с октября 1945 г. по август 1948 г. действовал рабфак, готовивший молодежь к поступлению в институт со сроком обучения от одного до трех лет. Первый выпуск – 105 специалистов – вуз осуществил в 1946 г. (половина от общего числа поступивших в 1944 г.).

В настоящее время лучшие педагогические, научные, а также культурно-просветительные традиции, которые формировались еще с 1930-х гг. Тираспольским пединститутом, развивает Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Архив общественно-политических организаций Республики Молдова. Ф. 49. Оп. 1., Д. 1680. Л. 85.
 2. Бомешко Б. Г. 2010. Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко: вехи истории. 1930–2010 гг. Тирасполь: Приднестровский университет.
 3. Векслер Я. 1936. Пятилетие Молдавского педагогического института // Красная Бессарабия. № 7, с. 21.
 4. Голуб Н. И. 1934. Школа в Советской Молдавии // Красная Бессарабия. № 8–9, 26–29.
 5. Народное образование в СССР. 1974. Сборник документов 1917–1973 гг. М.: Педагогика.
 6. Народное образование. // Советская Молдавия. Краткая энциклопедия. 1982. Кишинев: Штиинца.
 7. Национальный архив Республики Молдова. 1982. Ф. 2991. Оп. 5. Д. 2. Л. 8.
 8. Тираспольский государственный педагогический институт им. Т. Г. Шевченко. 1980. Кишинев: Штиинца.
 9. Центральный государственный архив Приднестровской Молдавской Республики. Ф. 225. Оп. 1. Д. 442. Л. 1, 2.
-

ПАМЯТЬ ДЛЯ ПОТОМКОВ

И. Н. Киприянова,
*заведующая филиалом
музея истории села Незавертайловка;*

А. Н. Осадчая,
*научный сотрудник музея истории
села Незавертайловка*

Прошло уже 75 лет с тех пор, как Приднестровье было освобождено от немецко-фашистских захватчиков. Война — это миллионы погибших, тысячи сожженных сел, деревень и разрушенных городов. Люди сражались «не ради славы — ради жизни на земле». Дорога к победе была долгой и трудной. В музее истории села Незавертайловка продолжается кропотливая работа по сбору и хранению информации о наших земляках, участниках Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сегодня время раскрывает перед нами новые подробности, факты и события героических подвигов наших односельчан в борьбе с сильным и коварным противником.

На пожелтевшем от времени листочке в музее истории села Незавертайловка бережно хранится рукописное воспоминание ветерана Великой Отечественной войны, уроженца села Незавертайловка Семена Антоновича Данич. Эти воспоминания были переданы в музей совсем недавно вместе с газетными вырезками, документами, фотографиями и книгой, написанной самим ветераном. Вечерами в кругу семьи Семен Антонович часто вспоминал о своем детстве и юности, о своем родном селе, в котором родился и вырос. Он никогда не забывал, откуда он родом, и с теплотой рассказывал о своем селе и о родных ему людях.

Родился Семен Антонович 22 февраля 1921 г. в с. Незавертайловка Слободзейского района (тогда Молдавской АССР), в обычной крестьянской семье. Отец — Антон Яковлевич Данич, 1895 г. р., участник трех войн: Первой мировой, гражданской и Великой Отечественной войны. Мать — Евгения Петровна, 1899 г. р., умерла в 29 лет от воспаления легких в 1928 г. На тот момент Семену было семь лет, сестре Татьяне — четыре года, брату Василию — один год. Дети остались на попечении бабушки Дении (матери отца), которой в то время было 87 лет. Детство

В рубрике

75 ЛЕТ ОСВОБОЖДЕНИЯ ПРИДНЕСТРОВЬЯ ОТ НЕМЕЦКО- ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ

• ПАМЯТЬ
ДЛЯ ПОТОМКОВ

• ДОЛГОЖДАННОЕ
ОСВОБОЖДЕНИЕ

• ТРОПОЮ ПАМЯТИ

• ЧЕЛОВЕК, ПРИНЕСШИЙ
МИР НА ЗЕМЛЮ

*Рис. 1. Курсант военно-инженерного училища
С. А. Данич. 1939 г. Белоруссия, г. Новоборисов*

у Семена Антоновича было тяжелое, жили они в голодное время, спасало то, что отец работал в рыболовецкой бригаде и свой рыбный паек обменивал на зерно, просо, кукурузу, фасоль и т.д. Так как бабушка была уже в преклонном возрасте, всю работу по хозяйству возложили на семилетнего Семена. Через три года бабушка умерла, и жить стало еще тяжелее. Отец рано вставал, готовил детям еду и делил ее на две части: одна часть – на завтрак, другая – на обед, а сам отправлялся на работу. Когда Семену исполнилось 10 лет, в их двор въехала одноконная подвода, на которой сидели женщина и трое детей. Как оказалось, это отец привез в семью новую маму и еще двух сестер и брата. Теперь в семье Данич стало шестеро детей. Мальчишке хорошо запомнился тот момент, когда отец и новая мать стояли по другую сторону подводы и, глядя на детей, радостно улыбались. В этот день вся семья впервые вкусно и сытно поела. А дальше начались будни, дети быстро сроднились. Все кроме младшего брата стали называть женщину мамой, а брат заявил, что это – тетя. Тогда мать пошла на хитрость: она сварила и покрасила яйцо в красный цвет, поставила его на видное место на полку. Вася и Танька (родная дочка) бегали за ней и оба крича-

ли: «Тетя, дай яйцо», но мать упорно делала вид, что их не слышит. Это продолжалось несколько дней, пока дети не стали ее называть матерью. Так женщина стала для всего семейства мамой. Хозяйством в основном занималась мама, а дети всегда радовались выходным и праздникам, так как она пекла им пироги, вертуты, плацнды и т. д. Мама любила порядок во всем и требовала этого от детей. Порядок поддерживался в доме, во дворе, на огороде, в коровнике. Вторую мать звали Мария Тимофеевна.

В 1935 г. Семен окончил 7 классов, и мама ему подарила рубаху, сотканную собственными руками. Родители решили отправить парнишку учиться на рабфак в Тирасполь. В решении этого вопроса помогла учитель молдавского языка и литературы Вера Харлампиевна Танасьева. Она оформила все документы и подала их на поступление. Первым экзаменом был диктант по молдавскому языку. Когда диктант был проверен, оказалось, что в нем очень много ошибок. В тексте было больше красных исправлений, нежели фиолетовых чернил. К дальнейшим экзаменам Семена не допустили. Возвращаться в село ему было так стыдно, что он решил домой не ехать. Подросток отправился к бабушке (матери второй мамы) и заявил ей, что будет жить у нее, ходить на работу в виноградную бригаду и все заработанные деньги будет отдавать ей, только чтобы она молчала и не рассказывала родителям о том, где он живет. На следующий день, а это было воскресенье, бабушка отправилась в церковь. По пути она всегда заходила проведать своих детей и внуков. Семен еще раз напомнил бабушке об их общей тайне. Вечерело, но бабушки все не было, а парнишке так хотелось узнать, как дела дома, ищут ли его родители. И вдруг из окна Семен увидел не бабушку, а отца. Отец зашел в комнату и ласково сказал: «Идем домой, сынок». Дома за столом сидели бабушка, мама, председатель сельского совета, сестра Катя и учительница Вера Харлампиевна. Начала говорить учительница, она сообщила, что по ее ходатайству Семена зачислили в Балтский педтехникум без вступительных экзаменов, документы уже были ею отправлены.

Так, в конце августа 1935 г., подросток впервые пережил щемящее чувство разлуки с домом,

где прошло его трудное, но счастливое детство. Время учебы было, пожалуй, самым веселым и интересным и запечатлелось в памяти парнишки яркими воспоминаниями.

В 1937 г. Семен Антонович окончил техникум и в 16 лет стал учителем. Был направлен на работу в родное село, но душа не лежала к этой профессии. Молодой учитель мечтал стать офицером Красной Армии. Однажды во время летних каникул он связался с райвоенкоматом и попросил, чтобы его направили в летное училище, если появится такая возможность. Но случилось по-другому: в первых числах августа к Семену пришел офицер райвоенкомата и предложил вместо летного училища Ново-Борисовское военно-инженерное училище. Учитель тут же согласился. Так Семен расстался со своей семьей, со своим селом и родным цветущим краем, где так прекрасно поют соловьи; и эта разлука длилась около семи лет [2, с. 3].

С 1938 г. по 1941 г. Семен Антонович учился в Борисовском военно-инженерном училище в Белоруссии (рис. 1). Экзаменов при поступлении не было, только медкомиссия и собеседование. В училище готовили курсантов на основе боевого опыта, изучались не только успешные операции, но и неудачные. Несмотря на то, что в начале обучения Семен плохо говорил по-русски, он окончил училище успешно и получил звание лейтенанта, а за менее успешную учебу присваивали звание младших лейтенантов. В мае 1941 г. он был направлен в 294-ю стрелковую дивизию 565-го отдельного саперного батальона на должность командира саперного взвода.

Война застала Семена Антоновича под Липецком. Вначале казалось, что она закончится быстро, и никто не сомневался в победе Красной Армии. 3 августа 1941 г. дивизия была уже под Ленинградом (рис. 2). Саперам во главе с Семеном Антоновичем был дан приказ заминировать места, по которым могли пройти танки. Едва саперы успели выполнить задание, как гитлеровские войска начали атаку в сопровождении двух танков. Минное поле им пройти не удалось, танки стволами пушек уперлись в землю, а фашистские солдаты рванули назад, сопровождаемые огнем 857-го полка. Это была первая встреча с фашистскими войсками и первая,

Рис. 2. Капитан А. Капустин и командир саперного взвода лейтенант С. А. Данич. 1941 г. Период обороны Ленинграда

пусть небольшая, но победа над врагом, которая придала сил и уверенности советским солдатам.

Судьба на войне так же переменчива, как погода осенью под Ленинградом. Тихим солнечным утром Семен Антонович сидел в траншее у дверей блиндажа и ставил перед взводом задачу. Со стороны противника слышался шипящий вой и не успел лейтенант опомниться, как в нескольких метрах от него в траншею упала и разорвалась мина. В спину ударила горячая волна, лицо присыпало землей, а пламя на мгновение ослепило сапера. Когда же пришел в себя, оказалось, что лежит он в блиндаже, вокруг него суетятся солдаты и приводят его в чувство. В медсанбате Семен Антонович пролежал около двух недель после контузии. Возвращаясь в воинскую часть, он вновь попал под сильную бомбежку. Саперу удалось

Рис. 3. Майор С. А. Данич (справа)
и полковой инженер капитан И. Тортика 1943 г.
Воронежский фронт

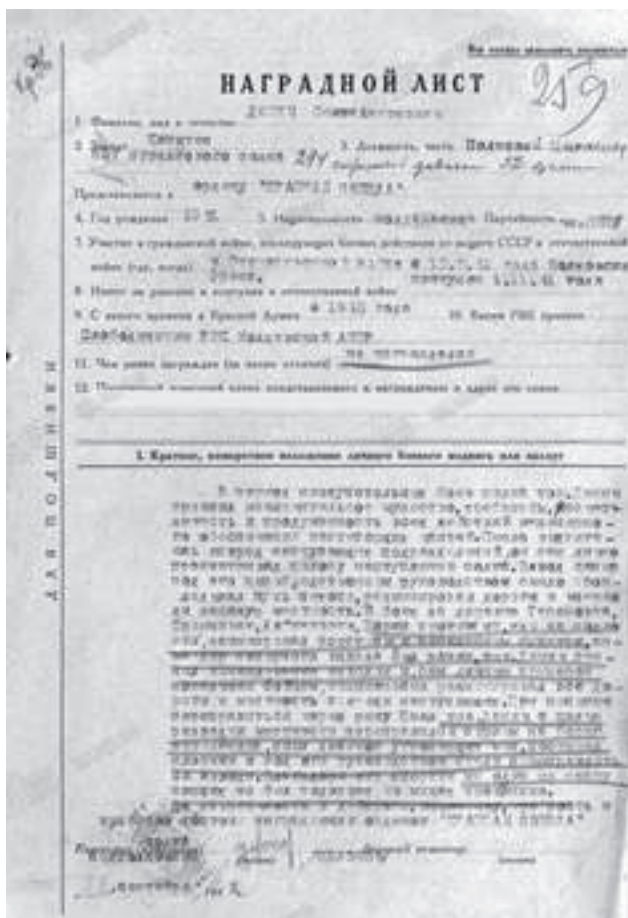

Рис. 4. Наградной лист С. А. Данич

схорониться в яме, а когда бомбежка прекратилась и он вышел из своего убежища, то обнаружил, что земля вокруг была вся в воронках, заполненных болотной жижей, в воздухе висел черный дым, а в месиве земли и крови лежали изувеченные останки людей. Молодой капитан, вернувшись в свою часть, был рад тому, что остался жив и может продолжить службу со своими друзьями и солдатами.

Семен Антонович участвовал в прорыве блокады Ленинграда. Затем судьба забросила его на Воронежский фронт (рис. 3), позже – на Степной фронт. В составе 52-й армии участвовал в освобождении Сумской, Полтавской и Черкасской областей Украины, в Яско-Кишиневской операции, в освобождении Румынии и Венгрии от фашизма [3, с. 6].

Семен Антонович участвовал в форсировании рек Сула, Псел и Днепр. Молодой капитан проявил мужество и храбрость, грамотность и продуманность в действиях при наступлении наших воинских частей. Смело выдвигаясь вперед, он лично просматривал полосу наступления своего полка. Саперный взвод под его непосредственным руководством отважно прокладывал путь нашей пехоте. Дороги и местность впереди быстро разминировали.

Бои за деревни Тарасовка, Трояновка, Борки были ожесточенными. Противник заминировал все подступы к этим населенным пунктам. Командир саперного взвода был тяжело ранен в бою. Семен Антонович принял командование взводом на себя. Показывая пример бойцам, молодой капитан приказал как можно скорее разминировать все дороги и местность. Семену Антоновичу, переправившемуся первым через реку Псел, удалось снять десяток угрожающих жизням бойцов мин, затем его подчиненными были построены плотки, с помощью которых взвод без происшествий выбрался на противоположный берег. За организацию форсирования реки Псел в Полтавской области он был награжден орденом Красной Звезды (рис. 4).

Переправа через Днепр стала серьезнейшим испытанием, чреватым большими людскими потерями. Образовав смертельную вертикальную «карусель», вражеские самолеты с воем заходили в пики и сбрасывали на плывущих бомбы, а

артиллерия и минометы вели ураганный огонь [1, с. 53]. В тот момент вода в реке буквально кипела от осколков. Из саперного батальона, обеспечивавшего форсирование, в строю осталось только десять человек вместе с Семеном Антоновичем. Обеспечив переправу полка через Днепр, капитан явился в штаб полка. Командир и комиссар поздравили Семена Антоновича с присвоением очередного воинского звания майора и сообщили, что получен приказ откомандировать его в Москву. Из Москвы Семена Антоновича вместе с другими офицерами-молдаванами направили в Первую Румынскую добровольческую дивизию им. Тудора Владимиреску, сформированную из румын, плененных под Одессой, Сталинградом, на Кавказе и на Дону, которые изъявили желание бороться за освобождение своей родины от фашизма. Так распорядилась судьба, что в свои 22 года в звании майора Семен Антонович был назначен дивизионным инженером и направлен Москвой инструктором в саперный батальон.

Дивизия имени Т. Владимиреску начала свой путь из-под Рязани. 7 мая 1944 г. она находилась севернее Ямполья, вошла в состав 2-го Украинского фронта и занималась боевой подготовкой. Соединение насчитывало 9,5 тыс. человек и обладало мощным вооружением. В нем имелось, например, 98 орудий и 160 минометов разных калибров, почти 500 ручных и свыше 110 станковых пулеметов. Боевое крещение дивизия получила в ходе Ясско-Кишиневской операции (рис. 5). В течение октября и в первых числах ноября 1944 г. подразделение успешно вело боевые действия, освобождая от фашистских войск села и поселки Венгрии. 10 ноября 1944 г. был освобожден второй по величине венгерский город Дебрецен и дивизия получила название Дебреценская.

Здесь, в городе Дебрецен, и закончилась для Семена Антоновича служба в этой дивизии, а также закончилась для него и война. В Дебрецене офицеры-молдаване расстались, их направили в Контрольную Советскую комиссию по Румынии, а Семен Антонович был направлен в распоряжение ЦК КП Молдавии, где был зачислен в запас. Так Данич Семен Антонович оказался в рядах тех, кто восстанавливал народное хозяйство Молдавии. Трудился в Тирасполе, Теленештах, Унгенах, Сороках (рис. 6). В 2005 г. был участником Парада Победы в Москве (рис. 7, 8).

Рис. 5. С. А. Данич в период Ясско-Кишиневской операции. 1944 г.

Рис. 6. Семья Данич и сестра жены Женья. Кишинев. 1951 г. Годы работы в органах МВД

Остались вдали военные годы. Но мы никогда не перестанем восхищаться мужеством, трудолюбием и героизмом наших дедов и прадедов. С каждым годом все меньше и меньше остается тех, кто был участником и свидетелем лихих военных лет. О ком-то мы знаем больше, о ком-то меньше. Кто-то из скромности, а кто-то от боли, которую приносят воспоминания, не любит рассказывать о себе. А нам, работникам музея, любыми путями нужно собрать и сохранить информацию для

Рис. 7. Участник военного парада в г. Москва
С. А. Данич. 2005 г.

потомков. В школах нашего села читаются лекции об участниках Великой Отечественной вой-

Рис. 8. С. А. Данич на даче с большой семьей.
2003 г.

ны, в музее проводятся экскурсии по выставкам, посвященным нашим землякам: героям-партизанам, разведчикам, детям, участвовавшим в войне. Долг музейного работника – сохранять и популяризировать собранную информацию о войне и о таких людях.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Данич С. А. 2010. Газетные статьи об участии в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов // Фонды музея истории села Незавертайловка. Основной фонд. № 2456.
2. Данич С. А. 2017. Воспоминания // Фонды музея истории села Незавертайловка. Основной фонд. № 2458.
3. От Ленинграда до Дебрецена // Пульс недели. № 28 от 30 июля 2014 г. Научно-вспомогательный фонд. № 145.

ДОЛГОЖДАННОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ

О. В. Урсул,

заведующая Рыбницким музеем Боевой славы

Март 1944 г. Казалось, один месяц для современных людей – это не так уж и много, но для рыбничан в годы оккупации тот период представлялся целой вечностью. Именно один месяц отделял несчастных людей от долгожданного освобождения. Для жителей города Рыбницы и Рыбницкого района яркими и памятными мгновениями стали последние мартовские дни 1944 г., когда части Красной Армии освобождали город от фашистских захватчиков.

17 марта 1944 г. войска 2-го Украинского фронта в ходе Уманско-Ботошанской операции вышли к границам Молдавской ССР. 19 марта советские подразделения вступили в г. Сороки [1, с. 299].

Освобождение Рыбницы и Рыбницкого района началось 24 марта, а окончательно из района оккупантов изгнали только 4 апреля. Однако в районе Рыбницы, где имелся мост через Днестр, немецкие войска попытались организовать оборону.

В боях за освобождение Рыбницы и Рыбницкого района, участвовали 41-я, 69-я, 78-я, 80-я гвардейские стрелковые дивизии, а также 7-я гвардейская воздушно-десантная дивизия и 29-й танковый корпус пятой танковой армии. На самом деле боевые действия на территории района в первые дни велись очень небольшими силами [3, с. 511].

Наступление проходило в невероятно трудных условиях. Машины и повозки вязли в весенней грязи. Дороги с каждым днем ухудшались. Лошади падали от усталости. Бойцы бережно снимали с повозок боеприпасы, пулеметы и несли их на себе.

Упорные бои вели войска Советской Армии за город Рыбницу. Здесь находилась основная пере-

права немецких войск на правый берег Днестра, скопилась вражеская пехота и техника. Против нашей армии немцы выставили четыре танковые дивизии, в том числе дивизию СС «Мертвая голова» и дивизию «Великая Германия», три пехотные, одну горнострелковую дивизию и румынский пограничный полк [4, с. 432].

Решающую роль в освобождении Рыбницкого района сыграла 41-я гвардейская стрелковая дивизия. Выписки из журнала ее боевых действий гласят: «22–25 марта 1944 г. Противник стремится задержать наступление частей 41-й гвардейской стрелковой дивизии и, несмотря на плохую погоду, активно действует его бомбардировочная и штурмовая авиация. Однако части дивизии продолжают развивать наступление и к исходу 25 марта 1944 г. очистили от противника села Писаревку и Гарабу. К исходу 24 марта 1944 г. освободили села Шершенцы, Кайтановку, Вада-турково и Белочи. Продолжая наступление, части дивизии в течение 25 марта 1944 г. освободили пос. Котовского, села Малый Молокиш, Большой Молокиш и к исходу дня (т. е. 25 марта 1944 г.) овладели высотой 180, расположенной в 3 км южнее Большого Молокиша» [2, с. 108].

«26 марта 1944 г.: Под ударами частей дивизии противник отошел в южном направлении и занял оборону в районе села Сарацея, высота 180.2, и ведет сильный огонь по боевым порядкам наступающих частей, а по селу Большой Молокиш – с правого берега Днестра. В районе села Сарацея противник имеет 3 закопанных танка, две 75 мм пушки и до 6 тяжелых минометов. 122-й гвардейский стрелковый полк ведет бой в районе села Большой Молокиш. 124-й гвардейский стрелковый полк ведет бои южнее и юго-западнее

Рис. 1. Разрушенный железнодорожный мост через р. Днестр. Рыбница, март 1944 г.

опушки леса, что в 600 м от села Большой Молокиш. Артиллерия дивизии вела огонь по огненным точкам врага, расположенным в селе Сарацея». Воевали гвардейцы умело, потери полка погибшими составили всего четыре бойца: один офицер и 3 сержанта [6].

На первый взгляд, действия советских войск свидетельствуют об их силе. Инициатива и боевое мастерство их командиров и бойцов вне сомнений. 25 марта подразделения 78-й гвардейской стрелковой дивизии освободили село Пыкалово, совхоз Ульма и завязали бои на окраине села Шмалена. 7-я гвардейская воздушно-десантная дивизия овладела селами Домница, Колбасная, Андреевка и к 19.00 вела бои у Гершуновки. Потери оставались незначительными. На деле на исходе наступательной операции эти части были крайне малочисленны. Уже упомянутая 31-я танковая бригада, даже получив пополнение в количестве одного танка «бригады» И.П. Мищенко, имела в строю всего два танка – Т-34 и один СУ-85. Немецкие части располагали артиллерией, танками (в том числе новейшими тяжелыми «тиграми»), бомбардировочной истребительной авиацией, которая использовалась интенсивно. Шансы удержать Рыбницу на долгие недели или даже месяцы у противника имелись. Требовалось неординарное решение.

27 марта 1944 г. в 21.30 31-я танковая бригада сосредоточилась в селе Красненькое. Она получи-

ла боевой приказ – наступать на села Воронково, Михайловка, Цыбулевка, г. Дубоссары с задачей захватить переправу через Днестр и удерживать ее до подхода стрелковых частей. Миссия была почти невыполнима. Противник частями 5-й пехотной дивизии румын, 34-й и 198-й пехотных дивизий немцев, 13-й и 14-й танковых дивизий удерживал переправу через Днестр в Рыбнице и при поддержке авиации контратаковал. Немецкая авиация бомбила и обстреливала боевые порядки советских войск. Тем не менее, 28 марта 31-я танковая бригада в составе всего двух танков Т-34 и двух СУ-85 выступила в направлении Воронково. Достигнув Михайловки, бригада сосредоточилась в направлении совхоза Ульма, сел Пыкалово и Андреевка. Разведка установила, что противник закрыл проход на Воронково. На станции Колбасная находились три немецких танка, два танка – в Воронково, 13 танков (из них 5 «тигров») – в районе высоты 212.5. Немецкая авиация действовала активно, поэтому дневное продвижение было невозможно. Генерал-лейтенант Кириченко приказал бригаде изменить боевой курс и атаковать в направлении Колбасной и сел Станиславка, Гавиносы, Чорна, а в дальнейшем – все же наступать на Дубоссары [5, с. 28].

Но немецкое командование уже понимало, что советские войска будут наступать без оглядки на соотношение сил. 28 марта 1944 г. немецкие части отступают в южном направлении. Это еще не бегство. Немецкая авиация бомбит боевые порядки советских войск. В Рыбнице обороняются остатки отступающих частей немецкой армии, а советские войска продвигаются на юг в обход города и занимают село Новая Михайловка. Но у с. Сарацея немецкие части обороняются даже 28–29 марта. Авиация противника группами от 5 до 15 самолетов бомбит село Большой Молокиш и боевые порядки 41-й гвардейской стрелковой дивизии. 29 марта в 9.00 немецкие самолеты бомбят с. Новая Михайловка.

В ночь на 30 марта 1944 г. разведка установила, что немецкие части отходят на Дубоссары. В 5.00 час. 31-я танковая бригада, действуя совместно с 8-й танковой бригадой, заняла село Станиславка, а в 8.40 час. – Гавиносы. Приказ генерала Кириченко, таким образом, выполнялся.

Рис. 2. Вступление в Рыбницу 41-й гвардейской стрелковой дивизии, март 1944 г.

Дальнейшее продвижение бригады приостановилось из-за неготовности переправы у села Гавиносы и налетов немецкой авиации. В конце дня бригада продолжила продвижение на юг и освободила село Чорна. Уничтожив 40 солдат и офицеров противника, отмечено в боевом донесении, бригада потерь не имела [7, с.17].

29 марта 1944 г. части 41-й гвардейской стрелковой дивизии заняли села Сарацея, Ержово, Шмалена, Ульма. В Рыбнице всю ночь на 30 марта оккупанты взрывали боеприпасы, эшелоны, а в заключение взорвали и мост через Днестр (рис. 1). Полностью применить тактику «выжженной земли» захватчикам все же не удалось. Как уже отмечено, действия боевых групп подполья помешали врагу взорвать стоявшие на железнодорожной станции эшелоны с боеприпасами и горючим и тем самым уничтожить Рыбницу. В 6 часов утра советские войска с боем вступили в город (рис. 2). В тот же день были освобождены села Гидирим, Зозуляны, Попенки, а 31 марта – села Бутучаны, Жура, Журка.

31 марта – 1 апреля 1944 г. немецкий аррьергард, правда, располагающий танками и артиллерией, еще оказывал сопротивление на рубеже поселка Запорожец, потеряв при этом убитыми 70 солдат и офицеров. Это были напрасные жертвы. С минимальными потерями (четверо убитых), сбив противника с рубежа у поселка Запорожец, части 41-й стрелковой дивизии продолжили наступление в направлении с. Гояны.

2 апреля у с. Жура подразделения 223-го, 225-го и 228-го гвардейских стрелковых полков разгромили пехотный полк 11-й танковой дивизии противника. Это было избиение захватчиков, правда, все еще вооруженных до зубов: на поле боя осталось 300 трупов солдат и офицеров врага и только 10 чел. было взято в плен. Восточный берег Днестра севернее с. Гояны был очищен от войск противника. 4 апреля 1944 г. части 41-й гвардейской стрелковой дивизии форсировали Днестр и начали наступление в Бессарабии.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Афтенюк С., Елин Д., Корнев А., Левит И. 1970. Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1945 гг. Кишинев: Картя молдовеняскэ.
 2. Беспалько Е. В. 2015. Рыбница. Хроника военных лет (город Рыбница и Рыбницкий район в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.). Бендеры: Полиграфист.
 3. Краткая энциклопедия Советской Молдавии. 1982. Кишинев: Главная редакция Молдавской Советской Энциклопедии.
 4. Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1945. 1976. Сборник документов и материалов. Т. 2. В тылу врага. Кишинев: Штиинца.
 5. Рыкова Г. А. 2005. Так освобождали родной город (Документы и материалы о боях за освобождение Рыбницы) // Ежегодный исторический альманах Приднестровья. № 9.
 6. Рыкова Г. А. 2007. Город Рыбница в годы ВОВ 1941–44 гг. Историческая справка // Фонды МБС г. Рыбница.
 7. Рыкова Г. А. 2010. Память огненных лет. Рыбница: Рыбницкая типография.
-

ТРОПОЮ ПАМЯТИ

В. Н. Чебан,

*директор Слободзейского музейного
объединения;*

Н. А. Балан,

*главный хранитель фондов
Слободзейского музейного
объединения*

Великая Отечественная война – неисчерпаемая тема. Молодому поколению слово «война» известно только из уроков истории, рассказов и воспоминаний очевидцев суровых минувших дней, из литературы, документальных и художественных фильмов.

Наш народ помнит, какой ценой достались народу-победителю мир и свобода родной земли. Но другие, увы, забывают. Забывают и извращают события тех лет. Страшно наблюдать, как усердно сегодня переписывается история войны, причем, не отдельными грязными политиками или ангажированными историками, а целыми странами. Больно видеть, что с каждым годом все меньше помнят о войне и чтят ее настоящих победителей те, за чью свободу наши деды проливали кровь и складывали головы. За примерами, увы, далеко ходить не надо – достаточно заглянуть в соседнюю Украину или Молдову, где некоторые деятели уже давно говорят о том, что во Второй мировой войне они – не победители, а проигравшие, где в ранг героев возводятся лица, служившие пособниками фашистов и убивавшие советских людей, где оскверняют воинские мемориалы и могилы павших в Великой Отечественной войне, где избивают ветеранов, где за Георгиевскую ленточку введен штраф.

Поэтому священный долг каждого нормального человека сохранить правду о бессмертном подвиге советского солдата в годы Великой Отечественной войны и передать потомкам память об этом великом подвиге. Ведь самое главное в жизни любого народа – это память о прошлом.

В современном обществе значительную роль в воспитании и формировании личности человека как патриота и гражданина играют музеи.

В музеях г. Слободзеи и сел Карагаш, Суклея, Кицканы, Парканы, Коротное и Незавертайловка, входящих в Слободзейское музейное объединение, проводится активная работа по патриотическому воспитанию. С помощью тематических выставок, разделов экспозиций о Великой Отечественной войне, путем проведения комплексных мероприятий, викторин, экскурсий, лекций, демонстрации презентаций прививается и формируется у подрастающего поколения ответственность, готовность к защите Отечества, чувство любви и привязанности к родному дому и чувство гордости за героическое прошлое своей Родины и подвиги предков.

В фондах музеев Слободзейского музейного объединения более 17 тыс. экспонатов только основного фонда, из них большая часть относится к периоду Великой Отечественной войны. На сегодняшний день работниками музеев оцифровываются материалы о земляках-ветеранах, их воспоминания размещены на сайте «Подвиг народа», «Память народа», «Мемориал» и заносятся в электронные музейные архивы; пишутся научные работы, производится сбор биографий участников Великой Отечественной войны, тружеников тыла, детей войны и др. Проводятся экскурсии воспитанников детских садов и школьников, прогулки по историческим местам к памятникам и местам боевой славы.

Рис. 1. Н. А. Соколов. Довоенное фото

Годы все дальше и дальше отдаляют новые поколения от драматических событий Великой Отечественной войны, но память о соотечественниках, отдавших свои жизни за свободу родной земли, живет в людских сердцах. В граните и бронзе, в произведениях искусства, в названиях улиц живы герои Великой войны. Об одном из них, Николае Ананьевиче Соколове, в честь которого названа улица в селе Незавертайловка Слободзейского района, пойдет наш рассказ.

Рис. 2. Красноармейская книжка Н. А. Соколова

Николай Ананьевич Соколов родился в 1920 г. в с. Незавертайловка в крестьянской семье Лукерьи и Анания Соколовых.

По воспоминаниям старожилы села Емельяна Ивановича Драгана: «Коля Соколов был веселым и озорным. Он, как и остальные мальчишки его возраста, учился в Незавертайловской семилетней школе. Ребята придумывали интересные игры, летом помогали старшим в поле, никогда не отказывая в помощи. Частенько они после тяжелого труда бегали на реку Турунчук и учили младших ребят плавать. Коля был решительным и смелым мальчиком, был лидером» [5, с. 1].

После окончания школы в 1933 г., как и его сверстники, Коля отправился работать в колхоз (рис. 1). Он мечтал стать трактористом. От колхоза его направили на учебу, и через год Николай Соколов уже работал на новеньком тракторе в родном селе. Трудился он с большим усердием до осени 1939 г. В том же году он был призван в ряды Красной Армии и попал служить в город Львов (Западная Украина). Письма, которые Николай присылал домой из армии, его мама Лукерья Ивановна перечитывала по несколько раз. Неоднократно к ее дому подъезжал председатель колхоза Василий Гаврилович Луганский и всегда интересовался, что пишет Николай. Мать Николая гордилась сыном и говорила односельчанам о том, что он находится в рядах тех, кто охраняет покой страны и родного села. С большой охотой Лукерья Ивановна рассказывала о содержании его писем, о солдатской жизни сына, о том, что от командиров он имеет множество благодарностей за хорошую службу [3, с. 4-5].

В 1941 г. черным смерчем война внезапно ворвалась в жизнь советских людей, перечеркнув все самое светлое и доброе. Беда охватила каждый город, каждую деревеньку, каждый дом и каждую семью. После ее назовут Великой Отечественной войной.

С первых дней войны наш земляк был мобилизован на фронт (рис. 2).

Его мать Лукерья Ивановна получала долгожданные письма от сына очень редко (рис. 3), а в начале августа 1941 г. они совсем перестали приходить, т. к. Слободзейский район в то время уже находился на оккупированной территории.

Как и многие другие односельчане, мать с нетерпением ждала почтальона. Лишь в 1944 г. после освобождения с. Незавертайловка и населенных пунктов Слободзейского района пришло извещение о том, что ее сын Николай Соколов пропал без вести [3, с. 6].

Шли годы... Через 15 лет после Победы над фашистской Германией, в 1960 г., из Чехословацкой Советской Социалистической Республики в с. Незавертайловку пришло письмо, в котором сообщалось о героической гибели военнослужащего Советской Армии Николая Ананьевича Соколова на территории этой страны. Прислал весточку гражданин ЧССР Карел Главачек, который знал Николая Соколова лично. Он писал:

«Как рассказывал мне Николай, в 1942 г. он участвовал в боях, которые велись в задонских степях. Экипаж танка, командиром которого стал бывший незавертайловский тракторист Николай Соколов, оказался в самом крошечном аду.

В одном из боев он тремя выстрелами подбил два немецких танка. Между Доном и Волгой танковый батальон был отрезан от своих. Все сильнее сжималось кольцо окружения. И снова бой. Взрыв – и беспмятство. Будучи контуженным, попал в плен, был увезен в Германию в концлагерь. В лагере смерти не было имен – Николай числился под № 11610» [2, с. 7].

Нам остается только догадываться о тех страшных муках, которые переносили в плену советские солдаты, в том числе и наш земляк (рис. 4). Каждый день в лагере смерти над пленными издевались, жестоко избивали. Работать приходилось по 12–14 часов в сутки. Пленных, которые не выдерживали и падали во время работы от усталости, просто расстреливали на месте. Ежедневно в лагере умирали сотни людей [6].

Николай Соколов решил бежать из этого ада. Летом 1944 г. большую группу узников, состоящую главным образом из советских военнопленных, фашисты перевезли в Северную Чехию. Был среди них и Николай Ананьевич.

В 1938–1945 гг. Чехословакия была оккупирована немецко-фашистскими захватчиками. На ее территории было создано большое количество лагерей смерти. С 1942 г. активизировалось орга-

Рис. 3. Н. А. Соколов (фото 1941 г.)

Рис. 4. Жетон военнопленного Н. А. Соколова

низованное партизанское движение, которое просуществовало до весны 1945 г.

Тогда, в Чехословакии, Николай вместе с пятью нашими военнопленными осуществил свой план побега с помощью чешских патриотов. Ночи уже становились длиннее и темнее, и вот приблизился назначенный день. Шли дожди, дул сильный ветер. Ползком вдоль ограды, не замеченные охраной, которая пряталась от непогоды,

бежавшие добрались до ограждения из колючей проволоки, по которой проходил электрический ток. Заранее изготовленными приспособлениями они быстро вырыли траншею под заграждением и выбрались за пределы концлагеря. Дождь размывал следы беглецов. Пробежав без остановки несколько километров, они приняли решение разделиться на группы и разойтись в разные стороны, так как фашисты могли настигнуть всю группу и уничтожить.

Много дней и ночей шел Николай с другом Василием, скитаясь по полям и лесам, прячась от людей. На улице заметно похолодало, и друзья стали замерзать. Василий вскоре тяжело заболел и умер. Николай надеялся на то, что он проберется к своим, и это придавало ему сил. Он верил, что выберется и добрые люди ему обязательно помогут.

Совсем обессиленный, он постучал в первый попавшийся дом, который находился на окраине села у самого леса. У Николая не осталось сил думать об опасности. Хозяин дома, крестьянин Антонин Машек, приютил позднего гостя, накормил и предложил остаться. «Не бойся, — сказал крестьянин Николаю, — мы свои». Николай помогал семье Машек по хозяйству и вскоре подружился с сыном хозяина Богуславом. С помощью чешских патриотов Николай пробрался к партизанам, которые действовали в Йизерских горах [3, с. 9].

Подпольный отряд вел борьбу против оккупантов. Партизаны минировали дороги, устраивали лесные завалы, совершали дерзкие налеты на вражеские штабы и гарнизоны, взрывали мосты и пускали под откос эшелоны с техникой и боеприпасами. Однажды на их след напали фашисты. Богуславу и Николаю пришлось скрываться от карателей в течение шести месяцев в горах и лесах. Здесь он познакомился с 10-летним мальчиком Карелом Главачеком, который стал впоследствии его связным и приносил ему в горы продукты питания. После шести месяцев Соколов оказался в селе Тугань, но каратели опять напали на его след, и тогда местные патриоты спрятали нашего земляка в соседнем с. Весела. Сначала он находился в семье Карела Главачека, а потом в семье Ярослава Длоугий.

В апреле 1944 г. Николай снова вернулся в село Тугань с трофейным пулеметом. В ту пору из фашистских концлагерей бежали 11 советских военнопленных, вошедших в партизанский отряд, в котором находился и наш земляк. К отряду примкнуло много местных жителей из сел Тугань и Весела. В с. Стружинец на территории текстильной фабрики у фашистов находился склад оружия и боеприпасов. Партизаны совершили на него нападение. Фашисты, предвидя наступление советских войск, спешно увозили отсюда все, что могли. Боевой партизанский отряд много раз вел перестрелку с эсэсовцами. Перед бегством фашисты поставили задачу уничтожить с. Стружинец, но партизаны помешали их замыслам. 6 мая 1945 г. немцы напали на жителей нескольких домов, хозяев расстреляли вместе с женами и детьми, а дома сожгли. На защиту села встал партизанский отряд, завязался страшный бой. В бою за с. Стружинец 6 мая 1945 г. Николай Соколов был тяжело ранен.

Наш земляк не искал легких путей, в бою не уклонялся от пуль. Он умер от боевых ран всего за два часа до прихода советских войск в с. Стружинец, когда над Рейхстагом уже развевалось Знамя Победы. Николай Ананьевич похоронен 11 мая 1945 г. в с. Тугань (рис. 5) [1, с. 2].

Одним из очевидцев гибели Соколова был столяр Ярослав Полопрудский, который еще перед освобождением являлся председателем нелегального революционного комитета, а впоследствии стал секретарем местного национального комитета с. Стружинец.

В 1963 году в газете «Днестровская правда» была опубликована статья Т. Волкова «Здесь, на этом перекрестке» с материалами, собранными по переписке с чешскими патриотами, которые лично знали Соколова. Из воспоминаний Ярослава Полопрудского: «Николай Соколов и другие советские люди вспахали глубокие борозды не только в чувствах, но и в сознании людей. Я знал хорошо Соколова и его товарищей, и у меня сохранилось много хороших, теплых воспоминаний о доблестных русских солдатах, которые, не щадя жизни, на чужой территории дрались до последней кап-

ли крови, защищая наш край. Народ Чехословакии склоняет головы перед подвигом советских солдат, которые, проявляя мужество и героизм, шли, не задумываясь, в бой, отдавая свои жизни. О героическом подвиге Николая Соколова и других советских людей, которые после побега из фашистских концлагерей нашли надежное убежище у жителей сел Тугань, Стружинец, Весела и других деревень, с любовью и благодарностью вспоминают все те, кто вместе прожил эти тяжелые годы» [2, с. 2].

Нашему земляку благодарные чехи возвели два памятника. Один в с. Стружинец, где он был ранен, а другой – в с. Тугань, где похоронен. На одном из памятников, установленном на месте, где пал Н. А. Соколов, высечена надпись, которая родилась в народе, вот ее дословный перевод: «Здесь, на этом перекрестке, пал герой Николай Соколов. Он смерть немцам нес, расплатиться с врагами хотел. Но залаял пулемет, пал родной наш брат дорогой», на другом: «Тут покоится русский герой Николай Соколов» [1, с. 3].

Каждый год 9 Мая на площади проводится массовая манифестация жителей сел Стружинец, Тугань и других окрестных деревень. С красными знаменами под звуки революционных песен и песен новой жизни шествуют они к памятнику, поставленному на перекрестке дорог вблизи села, где погребен русский солдат Николай Соколов. Там, склоняясь перед его светлой памятью, они отдают дань уважения героизму Советской Армии-освободительницы, выражая благодарность матери и народу, воспитавшим таких сынов [4, с. 2].

В начале 60-х годов бывшие чехословацкие партизаны разыскали мать Соколова Николая Ананьевича. Тут же в молдавское село Незавертайловка было отправлено письмо из Чехословакии. Ее пригласили посетить Чехословакию и увидеть могилу ее сына. Обратное в Чехословакию пришло письмо от матери героя. Лукерья Ивановна Соколова по разрешению Правительства СССР приехала в Чехословакию с дочерью, сестрой Николая Соколова, 18 февраля 1963 г. Боевые товарищи Николая встретили их в Праге как самых почетных гостей. Старушку-крестьянку Лукерью

Рис. 5. Похороны в Чехословакии уроженца с. Незавертайловка Н. А. Соколова, 1945 г.

обнимали как родную и благодарили совершенно незнакомые ей люди. Затем их посадили в машину и повезли по дороге, которая проходила мимо леса. В этом лесу много лет назад воевал ее родной сын. У окраины с. Стружинец шофер остановил машину. Недалеко от дороги Лукерья увидела красивый домик, на пороге ее встретил хозяин дома Богуслав Машек. Он поприветствовал ста-

рушку и обнял ее, как родную мать, точно так же, как это сделал бы ее сын. Новые друзья Лукерья Ивановны рассказали ей о подвигах Николая, показали те места, где бывал ее сын, и место, где он был тяжело ранен, а позже и захоронен [3, с. 11].

Из Чехословакии мать героя привезла военную фотографию сына, его лагерный номер, который он носил в концлагере, альбом с фотографиями. Все эти вещи сохранили боевые товарищи Николая и отдали матери.

После поездки Лукерья Ивановна передала организатору историко-краеведческого музея Петру Хрисановичу Данич все материалы о своем сыне. Альбом с фотографиями и ныне хранится на почетном месте в музее с. Незавертайловка, а концлагерный номер, документы, красноармейская книжка, справка хранятся в фондах Тираспольского объединенного музея. В Слободзейском историческом музее хранятся материалы о Николае Соколове в электронном виде.

В Чехии более тысячи массовых и единичных захоронений советских воинов. Первые могилы возникали стихийно на местах боев. В 1960-е гг. многие захоронения были ликвидированы, а прах

погибших перенесен в огромные братские могилы. За освобождение Чехословакии от фашизма отдали свои жизни 144 тыс. советских солдат и офицеров, в том числе и наш герой. Они погибли вдали от родных домов, навсегда остались лежать в чужой земле. Но память о русских воинах-освободителях жива. Могилы погибших советских солдат в Чехии есть практически в каждом крупном населенном пункте и находятся в должном состоянии. В отличие от других стран случаев массового вандализма в Чехии не было. И до сих пор торжественно перезахораниваются останки неизвестных солдат.

К сожалению, мы не знаем остался ли памятник Н. А. Соколову в первоначальном виде либо было проведено перезахоронение в братскую могилу. Однако настоящие герои живут вечно в нашей памяти, в наших умах и сердцах! Чехи помнят нашего земляка как участника движения чешского сопротивления.

Прошло 75 лет – и вернулся Николай Соколов тропой памяти в родные места. Улица в с. Незавертайловка, по которой он ушел защищать Родину, носит теперь его имя.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Волков Т. 1959. Адрес: Чехословакия, Яблонев на Нисоре, Карелу Главачеку // Днестровская правда от 18 сентября 1959 г.
2. Волков Т. 1963. Здесь, на этом перекрестке // «Днестровская правда» Тираспольского района МССР от 23 февраля 1963 г.
3. Данич П. Х. 1976. Экзамен ын фаца патрией. Кишинэу: Картя Молдовеняскэ.
4. Дмитриев Л. 1984. Они из легенды // Советская Молдавия». № 172 от 22. 04. 1984 г.
5. Драган Е. И. 2007. Воспоминания о Николае Соколове // Фонды музея истории села Незавертайловка, оп № 58.
6. Нацистские концлагеря в годы Второй мировой войны. <https://ria.ru/20100427/227000409.html>. Дата обращения 06.09.2019 г.

ЧЕЛОВЕК, ПРИНЕСШИЙ МИР НА ЗЕМЛЮ

О. А. Закордонец,

учитель истории

Бендерской средней

общеобразовательной школы № 11

Стратегическая наступательная операция войск 2-го и 3-го Украинских фронтов во взаимодействии с Черноморским флотом и Дунайской военной флотилией, проведенная 20–29 августа 1944 г. по освобождению территории Молдавской ССР, носит название «Яско-Кишиневской операции» [4, с. 714–715].

В этом году Приднестровье отмечает 75-летнюю годовщину этого события. О многих героях тех огненных лет написано немало строк, но есть и такие, кто до сегодняшних дней остается неизвестным для большинства.

Члены кружка «Историк-краевед», учащиеся Бендерской средней общеобразовательной школы № 11, в процессе подготовки стенда памяти открыли новое имя еще одного участника Яско-Кишиневской операции. Это Колодий Дмитрий Иванович (1919–1996 гг.) – человек с удивительной судьбой.

Дмитрий Иванович Колодий родился 5 августа 1919 г. в с. Макеевка Кременского района Луганской области (рис. 1). Он был старшим сыном в многодетной семье, у него было три младших сестры.

Отец – Иван Арсентьевич Колодий – первый председатель сельсовета, погиб в середине 1920-х гг. от рук кулаков. Мать, Екатерина Дмитриевна Колодий, одна поднимала детей. Дмитрию пришлось оставить учебу (после четвертого класса) и идти устраиваться на работу. Первой записью в трудовой книжке стала запись о работе в МТС трактористом, это всего-то в неполных 12 лет. Спустя несколько лет Дмитрий, тогда еще просто Митя, стал бригадиром тракторной бригады (рис. 2).

В марте 1938 г. Дмитрий был призван на действительную военную службу в 363-й арtpолк, где

в течение шести месяцев был курсантом. Уже в сентябре 1938 г. он прикрепляется к расчету 122-мм орудия, а в октябре 1939 г. становится командиром орудия в 496-м истребительно-противотанковом артиллерийском полку (рис. 3).

Рис. 1. Свидетельство о рождении
Д. И. Колодий (восстановлено)

Рис. 2. Трудовая книжка Д. И. Колодий

Рис. 3.
Военный
билет
Д.И. Колодий

После начала Великой Отечественной войны Дмитрий в составе 496-го полка до июня 1942 г. принимал участие в Харьковской операции [1, с. 163]. В июне 1942 г. был переведен в 1198-й гаубичный артиллерийский полк большей мощности, с которым участвовал в Синявинской и Демянской операциях. В этот же период сержанту Д. Колодий было присвоено звание «гвардеец» с выдачей нагрудного значка «гвардия» (рис. 4).

Декабрь 1943 г. стал поворотным моментом в жизни Дмитрия Ивановича — он был переведен в 63-й механизированный батальон трактористом. Пришлось вспоминать мирную профессию, но в условиях войны он не раз был вынужден садиться и за танковые рычаги управления.

Рис. 4. Справка о присвоении Д. И. Колодий
звания «гвардеец»

10 апреля 1944 г. сержант Дмитрий Колодий участвовал в освобождении г. Одессы [3, с. 144], после которого было очередное переформирование частей, и Дмитрий становится командиром стрелкового взвода.

Весной 1944 г. 2-й Украинский фронт осуществил Уманско-Ботошанскую операцию, разгромив немецкую 8-ю армию и часть сил 1-й танковой армии [2, с. 9]. Будучи участником данной операции, Дмитрий Иванович освобождал город Тирасполь. Его часть дислоцировалась в районе с. Ближний Хутор, где 25-летний воин встретил свою единственную любовь — молодую вдову Пелагею Павловну. Она была старше его на четыре года. Первый ее муж, поляк Юзек, был репрессирован в 1938 г. по обвинению в шпионаже в пользу Польши. Второй муж, от которого были рождены двое детей, оказался во время Великой Отечественной войны дезертиром и был расстрелян. Пелагея запала в сердце нашего героя и, уходя с воинской частью все дальше и дальше на запад, он решил обязательно вернуться к ней после победы.

В августе 1944 г. 2-й Украинский фронт участвовал в Ясско-Кишиневской стратегической операции, в ходе которой были уничтожены 22 немецкие и разгромлены почти все румынские дивизии, а Румыния была выведена из войны. 23 августа Дмитрий Иванович освобождал г. Бендеры, а спустя несколько дней, 25–26 августа, вместе со своим взводом и г. Измаил.

Следующим этапом в военной биографии Дмитрия Ивановича стала Будапештская стратегическая операция, где была окружена и ликвидирована 188-тысячная группировка противника, занят Будапешт и созданы условия для наступления на венском направлении. Венгерская операция оказалась самой кровавой, беспощадной, тяжелой и длительной среди всех операций Красной Армии в Восточной Европе. Немецкие и венгерские войска не только оборонялись, но и переходили в наступление. Особым ожесточением отличалась битва за Будапешт. Советские войска старались щадить город и горожан, в отличие от союзников и самих немцев, которые применяли тактику выжженной земли.

Дмитрий Иванович получил благодарность за освобождение городов Сегед, Сольнок, Секешфехервар, Бичке (Венгрия) (рис. 5). Отдельно в приказе

Рис. 5. Справка о благодарности Д. И. Колодий за освобождение ряда городов

№ 277 от 13 февраля 1945 г. была объявлена благодарность участнику великой битвы за Будапешт от имени Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища И.В. Сталина (рис. 6). Гвардии сержант Колодий Дмитрий Иванович был награжден медалью «За взятие Будапешта» (рис. 7).

Дмитрий Иванович прошел с боями Чехословакию, Австрию. 10 мая 1945 года соединения левого крыла 2-го Украинского фронта, развивая наступление, встретились с американскими войсками. Война была окончена.

10 июня 1945 г. на основании директивы Ставки ВГК от 29 мая 1945 г. 2-й Украинский фронт был расформирован, а Дмитрий Иванович оказался в Одесском военном округе. Был награжден ме-

Рис. 6. Благодарность участнику битвы за Будапешт Д. И. Колодий

Рис. 7. Удостоверение к медали Д. И. Колодий «За взятие Будапешта»

далью «За отвагу» (рис. 8) и орденом Отечественной войны II степени (рис. 9). Приказ о демобилизации был подписан в августе 1946 г.

В начале осени 1946 г. Дмитрий Иванович приехал в Тирасполь, нашел Пелагею Павловну Чепалыгу, и в начале 1947 г. их брак был зарегистрирован. Уже с сентября 1946 г. Дмитрий Иванович начал трудиться в Тираспольском зернохранилище. В молодой семье в 1948 году родилась дочь Светлана, а спустя время, в 1954 г., младшая — Славяна. История ее имени интересна: пройдя всю войну от первого и до последнего дня, Дмитрий Иванович ни разу не был ранен, но

Рис. 8. Удостоверение к медали Д. И. Колодий «За отвагу»

Рис. 9. Удостоверение к ордену Д. И. Колодий Отечественной войны II степени

в одном бою он был контужен, с поля боя на себе его вынесла медсестра Славица, в честь которой и была названа младшая дочь спасенного.

Ежегодно, в день Великой Победы – 9 Мая, на площади Освобождения у танка Т-34 собирались фронтовики, чтобы почтить память погибших и умерших, а также встретиться с теми, кто остался жив в той кровопролитной войне. Среди них был и Дмитрий Иванович, для которого этот день до конца его удивительной жизни был особенным (рис. 10).

В 1996 г. Дмитрия Ивановича не стало. Его дети, внуки и правнуки помнят, чтят и берегут память о своем героическом предке. Благодаря этому история жизни героя известна и стала частью большой истории о Великой Отечественной войне.

Сохранение памяти о событиях и о людях, участвовавших в Великой Отечественной войне, яв-

Рис. 10. Удостоверение участника Великой Отечественной войны Д. И. Колодий и его орден, медали и орденские планки

ляется одной из основных задач патриотического воспитания молодежи. В условиях, когда одним из направлений деятельности отдельных государств становится стремление не только пересмотреть итоги Второй мировой войны, но и перекроить саму историю по своему желанию, очень важно хранить память о каждом участнике Великой Отечественной войны, о тех, кто внес свой вклад в общую Победу. Эта работа является одной из самых важных в вопросах патриотического воспитания подрастающего поколения.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945 гг. Краткая история. 1970. М.: Военное издательство Министерства обороны СССР.
2. Книга памяти 1941–1945 г.: Списки воинов Советской Армии, павших в годы Великой Отечественной войны. 1998. Тирасполь: Упрполиграфиздат ПМР.
3. Украинская Советская Социалистическая Республика. 1967. Киев: Главная редакция Украинской Советской энциклопедии АН УССР.
4. Энциклопедия Приднестровской Молдавской Республики: 2010. Тирасполь: Полиграфист.

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ЗАБАСТОВОЧНОГО ДВИЖЕНИЯ В СССР В 1989 г.: ОТ ЭКОНОМИКИ К ПОЛИТИКЕ

А.З. Волкова,

кандидат исторических наук,

Государственный советник Президента ПМР

Забастовки 1989 г. в СССР были для своего времени явлением уникальным в отличие от многотысячных митингов и шествий, ставших к этому моменту привычным явлением.

Массовые забастовки как способ достижения выдвигаемых экономических требований применялись уже с марта 1989 г. В условиях нараставшего разочарования результатами «перестроечных реформ», обострения социально-экономических проблем основной массы населения СССР (исключая партийно-государственную элиту), всеобщего дефицита товаров первой необходимости, включая продукты питания, выбор забастовки в качестве средства борьбы был обращением к, казалось бы, давно минувшему прошлому. В СССР в системе законодательства не существовало понятия «забастовка», отдельные проявления недовольства рабочих гасились в корне, ибо, согласно идеологическим постулатам при социализме – а тем более при «развитом социализме», – забастовок просто не могло быть, так как они характерны исключительно для стран «загнивающего капитализма».

Первой «ласточкой» забастовочного движения стало выступление шахтеров на шахте «Северная» в г. Воркута. А в июле 1989 г. начались массовые шахтерские забастовки в Печоре (Коми АССР), Кузбассе, Донбассе и Караганде.

Причины забастовок экономического характера крылись в нарушениях техники безопасности в целях увеличения объемов добычи угля, в явном ухудшении условий снабжения. При этом профсоюзы, прямой обязанностью которых должно было стать решение этих проблем, будучи огосударствленной организацией, устранялись и никак не реагировали на жалобы и требования шахтеров.

В первой забастовке фигурировали даже не столько экономические, сколько бытовые требования. Был создан межшахтный забастовочный комитет, который и передал 43 пункта требований прибывшей правительственной комиссии 21 марта 1989 г. [17].

В рубрике

30 ЛЕТ ОСТК

• НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП
ЗАБАСТОВОЧНОГО
ДВИЖЕНИЯ В СССР
В 1989 г.: ОТ ЭКОНОМИКИ
К ПОЛИТИКЕ

• ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ЗАБАСТОВКА
В МОЛДАВСКОЙ ССР
(АВГУСТ–СЕНТЯБРЬ 1989 г.):
ПРИЧИНЫ, ОСНОВНЫЕ
ЭТАПЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Рис. 1. Шахтеры бастуют

Интересны в этой связи воспоминания М. Кислюка – заместителя председателя Кемеровского областного стачечного комитета, а впоследствии губернатора Кемеровской области в 1991–1997 гг. [4, с. 125].

Он, в частности, отмечает, что непосредственным поводом к забастовке стало отсутствие хозяйственного мыла в душевых на шахте, а также то, что несколько месяцев в магазинах не было мяса и колбасы.

Активная фаза забастовки закончилась в конце июля. Анализируя требования шахтеров, кроме чисто экономических (экономическая самостоятельность шахт, вопросы увеличения пенсий и «северных» надбавок, продолжительности отпуска и т.д.), можно обнаружить и политические требования, касающиеся грядущих выборов в Верховный Совет и внесения изменений в Конституцию. По подсчетам Д. А. Левчика, к концу июля 1989 г. только в Кузбассе бастовали 225 тыс. человек на 209 предприятиях [5]. 17 июля 1989 г. они создали Региональный забастовочный комитет (РЗК), ставший не только органом защиты трудовых прав, но и институтом рабочего самоуправления. Он действовал эффективнее, чем официальные профсоюзы и советы депутатов. Протест охватил и другие горнорудные регионы – Донбасс, Воркуту, Караганду, Кривой Рог, Нарву. В Донбассе количество забастовщиков сравнялось с Кузбассом. Лозунги были одинаковыми по всей стране. В июле 1989 г. в СССР бастовало до 800 тыс. шахтеров, на две недели был, по сути, остановлен весь топливно-угольный комплекс страны

(рис. 1). С начала забастовки только в Кузбассе потери добычи угля составили 2 698 тыс. тонн, отгрузки угля – 1 940 тыс. тонн; страна не получила продукции на сумму 52,9 млн руб. [1].

Видя в шахтерах мощную силу, с ними активно заигрывали Ельцин и вся межрегиональная демократическая платформа. В свою очередь, осознавая свою мощь, разочаровавшись в М. Горбачеве, руководство стачкомов поддержало Ельцина, что в перспективе способствовало развалу СССР. Так, М. Кислюк вспоминает: «Мы тогда решили, что Ельцин и есть тот самый лидер, который искренне борется за перемены, рыночную экономику и всеобщую справедливость».

Мы, конечно, были очень наивными. Кто тогда мог подумать, что много лет спустя Ельцин умрет миллиардером. Да если бы не наша поддержка, его вряд ли избрали бы Председателем Президиума Верховного Совета России» [5].

3 августа 1989 г. Совет Министров СССР принял Постановление № 608 «О мерах по обеспечению выполнения совместных решений, принятых правительственными комиссиями с участием ВЦСПС и забастовочными комитетами трудящихся угольных регионов страны», легализовав тем самым забастовочное движение.

В этом Постановлении сочетались удивительным образом вопросы перехода на полную хозяйственную самостоятельность шахт и разрезов (и даже всей Кемеровской области), создание валютных фондов (!) работающих на экспорт предприятий и утверждение месячных норм выдачи мыла – 800 граммов на одного работника.

Шахтеры убедительно продемонстрировали, что забастовка для рабочего класса – это мощное средство борьбы за свои права социально-экономического характера.

Но «не хлебом единым» жив человек, не только в мясе или мыле крылись причины забастовок. Мощным толчком к ним стало разочарование в центральных и тем более местных властях, прежде всего в партийной элите. В федеративном государстве – СССР – в республиках, его составляющих, в конце 1980-х гг. в рамках «перестройки» начались процессы «национального возрождения», обернувшиеся на практике национализмом.

В республиках Прибалтики эти процессы шли ускоренными темпами.

«Народные фронты» работали на грядущий выход из состава Советского Союза. Были приняты языковые законы: в январе 1988 г. – статус государственного был присвоен литовскому языку, в январе 1989 г. – эстонскому, в мае 1989 г. – латышскому.

В программе Народного фронта Эстонии, появившегося в 1988 г., содержались такие положения: «...Народный фронт защищает права эстонцев оставаться полноправной основной нацией на своей территории. Для этого следует остановить рост удельного веса неэстонского населения республики... Следует создать благоприятные условия для повышения рождаемости эстонцев» [9, с. 173].

«Народный фронт осуждает великодержавную ассимиляционную политику, приводящую к бессмысленной миграции и механическому смешению людей разных национальностей, в том числе навязывание многонациональных коллективов, смешанных детских садов, школ и т. п. Подобная политика искажает патриотические чувства людей и приводит к формированию лишенной корней людской массы...».

«Гарантией прав коренной нации является конституционное признание ее языка государственным, узаконение республиканского гражданства и защита национальной символики» [9, с. 176].

Фактически предлагалась модель национальной сегрегации для республики, в которой свыше 40% населения были неэстонцами, модель «Эстония для эстонцев». «Политический суверенитет», т.е. первенство республиканских законов над союзными, введение собственной денежной системы, призывы к созданию практики собственной армии и т.д. – все эти моменты явно были направлены на достижение одной главной цели – выхода Эстонии из состава СССР.

В противовес националистическим устремлениям НФЭ появилось Интердвижение. Один из его инициаторов Е. В. Коган, ставший впоследствии народным депутатом СССР, отмечал: «...Национальный вопрос у нас вовсе не решен окончательно, части населения не чужды националистические настроения...Из материалов объединенного пленума творческих союзов мы узнали о недовольстве коренных жителей русскоязычными соотечественниками, их образом жизни в Эстонии. Узнали мы и о намерениях творческой интеллиген-

ции коренной национальности в отношении так называемых мигрантов. Эти намерения не могли не вызвать у нас серьезной озабоченности. Ведь «мигрант» представал некультурным, тупым, в лучшем случае серым... Уж он, некоренной, гость незваный, и не патриот родного края... Сразу наметилось противопоставление: патриот Союза ССР – не патриот Советской Эстонии, чужак, эксплуатирующий духовную культуру и материальные блага эстонской земли» [7].

Интердвижение начало борьбу против дискриминации, понимая, что Компартия Эстонии во многом встала на позиции НФЭ. (Даже первые номера «Вестника Народного фронта» печатались в типографии издательства ЦК КП Эстонии). В конце июля 1988 г. состоялась конференция Советов трудовых коллективов 42 предприятий ЭССР «с целью консолидации сил в борьбе за перестройку». Основой консолидации должна была стать платформа трудового коллектива завода «Двигатель» [8].

Одним из основных положений платформы была объявлена борьба против национализма во всех его проявлениях. На конференции был сформирован Объединенный совет трудовых коллективов (ОСТК). Характерной особенностью ОСТК явилось то, что он связывал судьбу перестройки в Эстонии, в первую очередь, с укреплением руководящей роли Коммунистической партии [4, с. 125].

Руководство компартии Эстонии в основном поддерживало Народный фронт. Верховный Совет ЭССР продолжал принимать законы, еще более нагнетавшие обстановку.

24 февраля 1989 г. по решению Верховного Совета Эстонской ССР на вершине башни «Длинный Герман» в замке Тоомпеа председатель ВС ЭССР А. Рюитель и председатель Совета Министров ЭССР И. Тооме подняли бело-голубой флаг, – флаг буржуазной Эстонской республики, существовавшей в 1918–1940 гг. По этому поводу на заводе им. М. И. Калинина в Таллине стихийно начался митинг. На митинге был создан забастовочный комитет. Позже забастовочные комитеты создавались на других предприятиях Таллина, Нарвы, Кохтла-Ярве, Силламяэ. Был избран республиканский забастовочный комитет. На заседании РЗК было принято решение: если разгул

Рис. 2. М. И. Лысенко на митинге

национализма не прекратится, если не будут отменены дискриминационные законы, — использовать такое средство борьбы за свои права, как забастовку [10, с. 228].

Требования изменения государственной символики появились в Эстонии с апреля 1988 г. Их выдвигало Эстонское движение наследия — организация, выступавшая за независимость Эстонии, за восстановление Эстонской Республики. Народный фронт Эстонии, активно действовавший под лозунгами «перестройки» и «национального возрождения» с весны 1988 г., завоевывал все больше сторонников. Давление на власти было столь велико, что уже 16 ноября 1988 г. Верховный Совет ЭССР признал приоритет законов ЭССР над общесоюзными и принял Декларацию о суверенитете [18].

21 июля в Таллине по инициативе ОСТК ЭССР, Координационного Совета Интердвижения, объединения ветеранов Вооруженных Сил СССР и воинов-интернационалистов, Республиканского совета забастовочных комитетов предприятий состоялся митинг под девизом «В защиту прав граждан СССР».

На многотысячный митинг прибыли рабочие Нарвы, Кохтла-Ярве, Силламяэ и других городов Эстонии. Выступающие обращали внимание на принятый дискриминационный закон о языке, ущемляющий политические и гражданские права граждан неэстонских национальностей. Вызывал значительные опасения проект закона о выборах в местные советы, который был включен в повестку дня сессии ВС ЭССР 24 июля [13].

24 июля мнения депутатов ВС ЭССР при обсуждении законопроекта разделились: часть настаивала на принятии этого закона, часть считала, что над законом надо еще поработать. Было принято решение провести первое слушание законопроек-

та и его обсуждение, к вопросу о принятии вернуться в течение двух недель, дав депутатам возможность посоветоваться еще раз с избирателями, а редакционной комиссии обобщить высказанные на сессии предложения и замечания. Информация по этому поводу Эстонского телеграфного агентства — ТАСС была оптимистично названа «Депутаты идут на компромисс» [14].

Однако трудовые коллективы предприятий Эстонии не были настроены столь оптимистично. Отсюда — принятые решения о начале забастовки 28 июля. Уже 29 июля бастовали полностью или частично 32 предприятия, причем не только союзного подчинения, десятки тысяч человек.

О причинах забастовки М. Лысенко (рис. 2), заместитель председателя Совета забастовочных комитетов, говорил: «Забастовочные комитеты потребовали снять с обсуждения Верховного Совета Эстонской ССР дискриминационный по отношению к русскоязычному населению проект закона о выборах в местные советы народных депутатов, кардинально переработать его в соответствии с Конституцией СССР, и лишь после этого вновь вынести на широкое народное обсуждение».

Кроме того, мы требуем распустить так называемые «комитеты граждан Эстонии», создаваемые по инициативе экстремистских организаций. Идейных вдохновителей и организаторов этих антиконституционных формирований требуем привлечь к ответственности. («Комитеты граждан Эстонии», должны были легализовать гражданство Эстонской республики (1918–1940 гг.) для ее последующего восстановления. С идеями гражданских комитетов выступали Т. Келам и Т. Веллесте). Первый из них был создан в марте 1989 г. Президиум Верховного Совета СССР осудил движение гражданских комитетов в заявлении, принятом 18 апреля 1989 г. (А. В.).

Необходимо также, на наш взгляд, дать принципиальную и правовую оценку требованию совета уполномоченных Народного фронта Эстонии об аннулировании Декларации от 22 июля 1940 г., что означает открытый призыв к непризнанию Советской власти и отделению Эстонии от СССР» [15].

Забастовщики категорически настаивали на приостановлении действия закона ЭССР о языке — до решения и реализации на правительствен-

ном уровне вопросов финансирования, подготовки преподавательских кадров, учебно-методических пособий, создания разветвленной сети государственных центров и курсов по изучению эстонского языка [15].

Высказывалось недоверие ряду местных руководителей, не способных найти пути решения ряда проблем, в том числе и в области межнациональных отношений.

Поначалу в среде забастовщиков были разные мнения по поводу того, проводить ли предупредительную забастовку или же не ограничивать ее во времени, пока не будут удовлетворены все требования. В результате забастовочный комитет принял второй вариант.

По поводу решения сессии ВС ЭССР – отложить окончательное принятие решения по закону о выборах в местные советы – М. И. Лысенко отмечал: «Мы уже ни во что не верим. Это очередной тактический ход. Республиканские власти просто решили потянуть время, дожидаться принятия закона о забастовках на сессии Верховного Совета СССР, чтобы потом на законных, якобы, основаниях отвергнуть наши требования, а затем с помощью «машины голосования» протащить все-таки нужный им дискриминационный в отношении неэстонцев проект. Такие маневры уже случались неоднократно: сначала публикуется и обсуждается явно неприемлемый закон о языке, потом на сессии как будто бы идут на уступки, вносят незначительные поправки и большинством – в Верховном Совете ЭССР оно эстоноязычное – голосуют за его утверждение. А суть-то дискриминирующего закона остается» [15].

Руководители ОСТК Эстонии (В. Яровой, С. Петинов) отмечали незаконные действия, например, Госкомтруда ЭССР, «Эстонпрофа». Так, В. Яровой, директор завода «Двигатель», народный депутат СССР, председатель президиума ОСТК, рассказал о постановлении Госкомитета по труду ЭССР и Совета профсоюзов ЭССР от 31 июля 1989 г., предусматривавшем право увольнения отдельных категорий работников, не знающих эстонского языка в требуемом объеме, как не соответствующих должности, причем, далеко не только руководящих кадров. Ценз оседлости при выборах предполагался не только для кандидатов в депутаты, но и для избирателей. Даже формиро-

вание избирательных округов планировалось так, чтобы ущемить права русскоязычного населения, трудовых коллективов. Речь шла о лишении десятков тысяч человек гражданских и политических прав.

Руководство ЭССР в этот критический момент в полном составе отбыло в Москву – обсуждать закон о концепции республиканского хозрасчета. И лишь вернувшись из Москвы, создало комиссию по рассмотрению требований бастующих. Забастовочный комитет принял решение приостановить забастовку 31 июля.

Дальнейшие события, однако, показали, что сомнения членов забастовочного комитета были вполне обоснованны. 8 августа 1989 г. ВС ЭССР принял Закон о выборах в местные советы, который, в частности, предусматривал введение ценза оседлости и тем самым лишал значительную часть граждан конституционного права избирать и быть избранными. Налицо было появление очередного дискриминационного закона.

На следующий день, 9 августа, трудовые коллективы ряда предприятий возобновили политическую забастовку.

К 13 августа в Эстонии, как сообщили в стачечном комитете, бастовали (полностью или частично) 40 предприятий – приблизительно 40 тыс. человек. «Вести какие-либо переговоры с местными властями бастующие отказываются, поскольку на попытки найти компромисс правительство и законодатели Эстонской ССР ответили, по мнению стачечного комитета, антиконституционным дискриминационным законом о выборах» [2].

Негативно восприняли бастующие появление 10 августа постановления Президиума Верховного Совета Эстонской ССР «О мерах по обеспечению законности и правопорядка в республике», в котором предусматривалось немедленное прекращение забастовок с момента его опубликования, то есть с 11 августа. Меры прокурорского реагирования предусматривались по отношению к трудовым коллективам и объединениям граждан, «которые своей деятельностью вносят напряженность в межнациональные отношения и призывают создавать альтернативные органы власти». На основе этого постановления были возбуждены уголовные дела на некоторых руководителей забастовки, что вызвало еще большее обострение обстановки. Пред-

ставителей местных властей (в том числе и партийных) не допускали на предприятия, порядок поддерживался самими бастующими.

Объединенный совет трудовых коллективов Эстонии решил поддержать бастующих как морально, так и материально. Вот как описывал М. И. Лысенко, один из руководителей забастовки, события того периода: «...И терпение у людей лопнуло. Остановились заводы, остановилась железная дорога, не работал аэропорт. Причина – рабочие хотели, чтобы их услышали, обратили на них внимание. Были созданы рабочие дружины, которые следили за порядком как на предприятиях, так и в городах. За весь период забастовок не было ни одного правонарушения, хотя отряды «Коду Кайтсе», которые подчинялись Народному фронту Эстонии, неоднократно пытались спровоцировать беспорядки, но получали отпор». (Eesti Kodukaitse – добровольческая организация военизированного характера. Была образована после восстановления некоторых дружин довоенной военизированной добровольческой организации Kaitseliit. – А. В.).

Простые люди приходили и сдавали деньги, несли продукты питания в фонд забастовочного движения...» [10].

Появление совместного заявления «О политическом положении в Эстонской ССР» Президиума Верховного Совета ЭССР, Совета Министров ЭССР и ЦК КП Эстонии, главный посыл которого – отказаться от конфронтации, от языка ультиматумов – никак не способствовало стабилизации обстановки.

15 августа в Таллин прибыла комиссия Верховного Совета СССР во главе с Г. Таразевичем. Целью прибытия комиссии были обозначены «встреча с представителями забастовочных комитетов и руководством республики, поиск выхода из тупика, возникшего в результате забастовки» [12].

Первый секретарь ЦК КП Эстонии Вайно Вяляс призвал выступающих приостановить забастовку сразу же с началом переговоров, призвал всех «к благоразумию, терпению и настойчивости в поиске компромисса».

К моменту прибытия группы депутатов Верховного Совета СССР бастовали уже свыше 50 предприятий, прямые потери составили 5 млн рублей [12].

На этом фоне передовая статья «Правды» 15 августа, озаглавленная «Остановить негативные процессы, защитить перестройку», призывала к

«неукоснительному соблюдению прав советских граждан, гарантированных Конституцией СССР», к тому, чтобы «давать решительный отпор антисоциалистическим и националистическим элементам, усиливать борьбу с экстремизмом в межнациональных отношениях». Одновременно констатировалось, что в республиках Прибалтики «активизировались откровенно антисоветские группировки. Нагнетается обстановка националистической истерии. Определенные силы ведут активную агитацию за выход республик из состава Советского Союза. Восстанавливаются буржуазные общественно-политические структуры, существовавшие до 1940 г., в том числе бывшие политические партии. Лидеры оппозиционных сил выдвигают амбициозные, жесткие предложения о перераспределении власти в республиках в свою пользу. Более того, через многочисленных эмиссаров, разъезжающих по стране, они распространяют «свой опыт перестройки в других регионах страны» [11].

Казалось бы, основные акценты расставлены верно. Но каков же рецепт выхода из кризиса? «Мобилизация всех здоровых сил и консолидация их на платформе перестройки», той самой «перестройки», которая и вызвала к жизни деятелей националистических движений.

Через несколько дней комиссии и руководству Эстонии удалось уговорить руководителей забастовочного комитета приостановить забастовку.

27 августа, выступая на митинге в Тирасполе, представители забастовочного комитета и Интердвижения Эстонии Ю. А. Стефановский и Л. Н. Полищук говорили о том, что комиссия прибыла в Эстонию без полномочий, просто как депутатская группа. Гости из Москвы говорили, что «если у вас получится решить вопрос о языке, – это ваше, не получится – тоже ваше» [3, с. 73].

Таким образом, забастовочное движение в МССР было заранее уведомлено о том, что приезд «гостей из Москвы» ни к чему не приведет.

Уже 23 августа «национальные движения» Эстонии, Латвии и Литвы провели акцию «Балтийский путь», создав живую цепь от башни «Длинного Германа» в Таллине до башни Гедимины в Вильнюсе, отметив таким образом 50-летие заключения пакта Молотова–Риббентропа.

Заявление ЦК КПСС «О положении в республиках Советской Прибалтики» («Правда», 28 ав-

густа 1989 г.), оглашенное в программе «Время» на ЦТ 26 августа, констатируя в очередной раз остроту создавшийся ситуации, опять в качестве выхода предложило «выработку национальной политики, соответствующей требованиям и духу перестройки, нового мышления». Налицо была попытка соединить несоединимое: не предпринимая никаких мер в соответствии с действующей Конституцией и законодательством к тем, кто безнаказанно занимался антигосударственной деятельностью, ограничиться призывами к «компромиссам и диалогу», к «сохранению единой семьи советских народов и единству рядов КПСС».

Слова первого секретаря ЦК КПЭ В. Вяляса на пленуме ЦК КПЭ можно считать верной оценкой ситуации и прямой программой дальнейших действий сил «национального возрождения»: «Курс на перестройку, начатый партией, открыл перед Эстонией новые возможности для осуществления

своих устремлений. Успех дела возможен лишь на пути мирных парламентских реформ» [16].

Политикам из Москвы и Таллина удалось уговорить забастовщиков Эстонии приостановить борьбу. «Парламентские реформы», как известно, закончилось выходом Эстонии из Советского Союза.

Первая политическая забастовка в СССР, однако, не прошла безрезультатно. На ее опыте, в том числе и негативном, учились в Тирасполе, где 11 августа был создан ОСТК, 16 августа прошла двухчасовая предупредительная забастовка, а с 21 августа началась политическая забастовка против принятия дискриминационных законов о языке в Молдавской ССР. Главным результатом этой забастовки для приднестровцев стало осознание того, что необходимо не прекращать борьбу за свои права под нажимом Кишинева и даже Москвы. Так появилась идея государственно-территориального образования – республики в составе СССР.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Апенченко Ю. 1989. Кузбасс. Жаркое лето // Знамя. № 10. С. 163–187.
2. А как с правами? // Правда, 13 августа 1989.
3. Волкова А. З. 2004. Горячее лето 1989 года. Тирасполь: Типар.
4. Громов А. В. Кузин О. С. 1990. Неформалы. Кто есть кто? М.: Мысль.
5. «Для шахтеров Кузбасса своим Валенсой стал Ельцин». – <https://lenta.ru/articles/2015/07/28/kislyuk/> (дата обращения 28.08.2019).
6. Левчик Д. А. 2003. Забастовочное движение шахтеров 1988–1991 гг. // Социс. Социологические исследования. № 10. С. 112.
7. Молодежь Эстонии, 11 августа, 1988.
8. Молодежь Эстонии, 9 сентября, 1988.
9. Народный конгресс. Сборник материалов конгресса Народного фронта Эстонии. 1989. Таллинн. С. 173.
10. Начало: Сборник воспоминаний. 2010. / сост. А.З. Волкова. Тирасполь: Мин-во информации и телекоммуникаций.
11. «Правда», 15 августа 1989.
12. «Правда», 16 августа 1989.
13. «Правда», 23 июля 1989.
14. «Правда», 26 июля 1989.
15. «Правда», 30 июля 1989.
16. «Правда». 6 сентября 1989.
17. Ходов А. Почему именно шахтеры? URL: http://samlib.ru/h/hodow_a/vvv.shtml (дата обращения 26.08.2019).
18. Blevaade ilmus raamatus Eesti Kongress: siis ja praegu / koostaja ja toimetaja Eve Põrnaste. Tallinn: Eesti Vabariigi Riigikantselei, 2000. 527 lk. Eesti Kongressi ajalugu // SirjeKiin.net. URL: <http://www.sirjeKiin.net/Eesti/Eesti%20Kongressi%20ajalugu.htm> (дата обращения 30.08.2019).

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЗАБАСТОВКА В МОЛДАВСКОЙ ССР (АВГУСТ–СЕНТЯБРЬ 1989 г.): ПРИЧИНЫ, ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ

А.З. Волкова,

кандидат исторических наук,

Государственный советник Президента ПМР

В ходе «перестройки» в ряде республик СССР широкое развитие получили так называемые «народные фронты», являвшиеся, по сути, националистическими организациями. Они выдвигали идеи суверенизации, экономической самостоятельности, республиканского гражданства, и все без исключения начинали с вопросов развития культуры и языка «коренных» наций.

В республиках Прибалтики эти процессы активно шли еще с 1987 г., а уже в 1988 – первой половине 1989 г. статус государственного был присвоен литовскому, латышскому и эстонскому языкам.

Свой опыт народные фронты Эстонии и Латвии, литовский «Саюдис» активно распространяли в других районах СССР, в частности, в Молдавии. «Борющиеся за перестройку» организации появились и в МССР: в апреле 1988 г. был создан литературно-музыкальный клуб им. А. Матеевича (возглавляемый А. Шалару); 29 июня в Кишиневе прошел первый митинг в поддержку перестройки, а 3 июня было организовано Демократическое движение в поддержку перестройки, в руководство которого вошли Г. Гимпу и М. Гимпу, Г. Виеру, Л. Лари, Ю. Рошка, А. Шалару, И. Хадэркэ и др. К концу 1988 г. ДДПП создало 300 групп поддержки в городах и районах, на его митинги собиралось до 10 тыс. человек.

В отличие от «народных фронтов» Прибалтики националистические организации Молдавии имели свою специфику: отказываясь от многовековой истории молдавского народа, они настоятельно советовали молдаванам впредь именоваться румынами, признать, что молдавского языка не существует, существует только румынский язык и румынская культура, что абсолютно необходимо единение Молдавии с «матерью-Румынией».

На митингах выдвигались различные лозунги: от «Врем лимбэ ши алфавет латин!» («Хотим язык и латинский алфавит!») и «Жос бюрократий!» («Долой бюрократов!») – до «Молдавия для молдаван».

20 мая 1989 г. произошло объединение националистических организаций в Народный фронт. В НФМ (с сохранением своей самостоятельности) вошли ДДПП, Клуб им. А. Матеевича, Движение зеленых, Демократическая лига студентов, Лига неподкупных журналистов.

Нажим на власти МССР со стороны данных организаций с течением времени усиливался: к требованиям введения государственного молдавского языка добавлялись требования борьбы «за суверенитет республики», против «колонизации и русификации, начатой в 1812 г.» и «оккупации 1940 г.».

Лозунги НФМ летом 1989 г. звучали уже так: «Да здравствует нация!», «Молдавии – истинные

национальные кадры в руководстве!», «Вверх – к горам, выход к морю!» (то есть возврат Северной Буковины, Измаила и т. д.), «Долой оккупантов!».

Завершая митинг 30 июля, Г. Гимпу заявил, что в случае если решения Верховного Совета не будут отвечать чаяниям молдавского народа, то НФМ объявит всеобщую забастовку, а если и эта мера не принесет положительных результатов, то Народный фронт готов и на крайнюю меру – ставить вопрос о выходе Молдавии из состава СССР [9, с. 205].

Летом 1989 г. НФМ сбросил маску и начал демонстрировать свою истинную природу. В секретной информации государственно-правового отдела ЦК КПМ о митинге 25 июня, например, давались следующие оценки: «Прошедший митинг показал, что НФМ постепенно отходит от провозглашенного им социалистического характера целей и задач движения. Делается попытка фальсифицировать историю, односторонне освещать события 1917–1918 годов, роль «Сфатул Цэрий» и положение Бессарабии в период оккупации королевской Румынией. Анализ выступлений на митинге говорит о том, что лидеры НФМ и стоящие за ним силы ведут активную борьбу за власть. Следует ожидать роста национальной напряженности, так как выдвинутые НФМ территориальные притязания к Украине могут привести к распрям между украинским и молдавским населением, обострениям между двумя союзными республиками... Ведется агитация за признание идентичности национальной принадлежности с румынами, воссоединения с матерью-родиной (Румынией), что вызовет резкие противоречия внутри молдавского населения и противодействие других народов республики... Исполком НФМ будет оказывать массированный нажим на депутатов Верховного Совета МССР, партийных и советских работников для принятия угодных им законов. На митинге впервые официально объявлено, что цель НФМ – не содействие перестройке, а постоянный контроль за деятельностью правительства республики.

...Антипартийные выступления, прозвучавшие на митинге, говорят о том, что члены НФМ постепенно начинают смыкаться с антисоветски настроенными элементами» [9, с. 139–140].

Кроме оценок в секретных записках, безусловно, всем этим событиям и высказываниям должны были быть даны соответствующие оценки на уровне партийных и государственных органов, должны были убедительно ответить историки, ученые-обществоведы и средства массовой информации, а правоохранительные органы – решительно пресечь националистические, экстремистские выступления в соответствии с действующим законодательством. Но настоящего отпора националистам и «борцам за суверенитет» из НФМ власти так и не осуществили.

К сожалению, действия созданного в МССР Интердвижения, учредительный съезд которого прошел 8 июля 1989 г., всячески тормозившиеся властями республики, не могли в полной мере противостоять агрессивной кампании НФМ.

В деле укрепления позиций НФМ большую роль сыграла замена на посту Председателя Президиума Верховного Совета МССР А. А. Мокану избранным заместителем Председателя Верховного Совета МССР М. И. Снегуром.

На сессии Верховного Совета МССР 29 июля С. К. Гроссу назвал Снегура «президентом», а с его легкой руки Н. Дабижа открыто заявил: «Мы сегодня избираем не столько Председателя Президиума Верховного Совета, сколько президента республики» [7].

Сам М. И. Снегур в своем выступлении говорил: «Необходимо больше внимания уделять изучению и решению проблем, обсуждаемых сегодня творческой интеллигенцией, всем народом. Я – за развитие культуры и приумножение исторических ценностей нашего народа, за улучшение изучения и использования молдавского языка.

На предстоящей сессии Верховного Совета мы должны принять законы о декретировании молдавского языка как государственного и о переводе его на латинскую графику. Только так мы создадим условия для защиты, процветания и сохранения национального языка и для его использования во всех областях. С этой целью мы должны принять необходимые меры для развития молдавского языка. И никто не должен опасаться, что молдавский язык будет развиваться в ущерб другим языкам, интересам других наций и народностей, проживающих на территории республики.

Эти меры принимаются с целью совершенствования и дальнейшей гармонизации взаимоотношений между нациями и народностями, а не наоборот, как понимают некоторые товарищи...» [8].

Если в вопросах о государственном языке и графике М. И. Снегур высказался вполне определенно, то на вопрос об идентичности румынского и молдавского языков он ответил туманно, говоря о том, что «надо посоветоваться со специалистами». Также туманно прозвучал его ответ на вопрос о будущем Молдавии в СССР: то ли «договор», то ли «свободное вхождение»...

Разъяснения Снегура народнофронтовцев вполне удовлетворили. Дальнейшие события показали, что он полностью поддерживает позиции НФМ. А когда в декабре 1989 г. С. К. Гроссу был заменен П. К. Лучинским, который открыто заигрывал с «неформалами», пали и последние препятствия для прихода НФМ к власти в Молдавии.

Но в августе 1989 г. первой брешью в стенах крепости под названием «Молдавская ССР» стало принятие законов о языках.

Руководство КПМ и Правительство МССР постепенно «сдавали позиции» в вопросе о развитии языков в Молдавии, отказываясь от своих собственных предложений, изложенных в ноябре 1989 г. в тезисах «Конкретными делами утверждать перестройку». Это выразилось не только в признании необходимости принятия в качестве государственного одного языка — молдавского, но и в признании необходимости «возврата» ему латинской графики, что соответствовало основным требованиям НФМ, закрепленным в варианте законопроектов Союза писателей МССР. Это «сползание» на позиции националистов, подкреплявших свои тезисы заявлениями о том, что «так хочет народ», свидетельствовало о том, что значительная часть молдавской партийно-государственной номенклатуры взяла на вооружение лозунг «возрождения национального самосознания» и «ущемления прав титульной нации». Те же, кто придерживался иных воззрений, опасаясь обвинений в «манкуртизме», постепенно также склонялись к идеям «примиренчества», диалога с неформалами и т. д.

Немаловажно и то, что НФМ постоянно апеллировал к М. С. Горбачеву, обвиняя руководство МССР в том, что оно «тормозит перестройку» бюрократическими препонами. В таких условиях партийно-государственная номенклатура, в лучшем случае, предпочитала «непротивление злу насилием».

Сохранение нормальных межнациональных отношений в Молдавии посредством введения двух государственных языков — молдавского и русского — соответствовало реальной ситуации в языковом вопросе. Именно этот путь выхода из напряженной ситуации предлагался многими трудовыми коллективами, городскими и районными Советами народных депутатов еще весной 1989 г. Однако в ЦК КПМ и в руководстве Верховного Совета предпочли встать на позиции поддержки ультимативных требований НФМ: Верховный Совет вместо законопроектов, проходивших всенародное обсуждение, вынес на сессию новые законопроекты, обсуждения не прошедшие. В них русскому языку не нашлось места даже в качестве языка межнационального общения.

Приведем высказывания С. К. Гроссу — первого секретаря ЦК КПМ на заседании Бюро ЦК КПМ 25 июля 1989 г. Стенограмма имеет гриф «Совершенно секретно»: «Конечно, в этом варианте, который мы представили, много предложений, которые совершенно неприемлемы для русскоязычного населения, и даже ни в коем случае их нельзя допускать. В новом варианте они трактуются несколько отличительно от первого варианта, который был внесен на обсуждение.

Но вместе с тем они более мягкие, больше соответствуют всей той полемике, которая ведется в стране. И они должны быть приемлемы» [9, с. 180]. [Удивительная логика: неприемлемые положения закона «должны быть приемлемы!» — А. В.].

Признав, что в новом варианте «белиберды много», Гроссу отметил, что «смотрел его от корки до корки» [9, с. 183], на что секретарь ЦК Семенов сказал: «Мы посмотреть не имели возможности». А. Цуркан предложил, чтобы члены Бюро ознакомились и высказались по основным статьям, которые носят принципиальный характер,

потому что от того проекта, который был опубликован, только середина отличалась» [9, с. 183].

Далее те, кто «не имел возможности посмотреть», приступили к обсуждению, путаясь в определениях.

Но главную точку над «і», позволяющую говорить не только о познаниях в языкознании и понимании (а вернее, полном непонимании) грядущих последствий введения одного государственного языка, но и полном отказе от своих позиций перед лицом угроз НФМ, поставил С. К. Гроссу: «Надо найти вариант, чтобы не выходить на два государственных языка, надо выйти на билингвизм» [9, с. 196].

Закончилось заседание на вопросе С. К. Гроссу: «Теперь по латинице. Видели проект?» Ответил Г. И. Еремей: «Мы получали документ за несколько часов до Бюро. Я целую ночь сидел. Разве можно так вопросы готовить?» [9].

Так решали в «Главном штабе МССР» – в Бюро ЦК КПМ вопросы с законами о языках.

Нараставшее давление НФМ на руководство Молдавской ССР не могло оставаться вне поля зрения трудовых коллективов – реальной силы, и не только производительной. Не будучи вовлеченными в политику, трудовые коллективы, тем не менее, не могли не реагировать на изменение общественно-политической обстановки, на нагнетание националистической истерии. Были в трудовых коллективах и органы, которые играли наряду с партийными, комсомольскими и профсоюзными органами предприятий, учреждений, организаций, учебных заведений значительную роль. Это были Советы трудовых коллективов – СТК, созданные в соответствии с Законом СССР «О государственных предприятиях» (1986 г.) и Положения «О Советах трудовых коллективов». СТК были выборными органами, занимавшимися главным образом производственными вопросами. Но в 1989 г. СТК уже не могли оставаться в стороне от политики, объективно оценивали ситуацию, понимая, что защита прав человека и гражданина в условиях нарастающего в МССР национализма является требованием дня. Постепенно укреплялось и понимание того, что партийные органы не реагируют адекватно

на действия националистов, не принимают мер противодействия, ограничиваясь рассуждениями об интернационализме и призывами к консолидации.

Был перед глазами опыт борьбы шахтеров за экономические права, а также начало забастовочного движения в Прибалтике, в Эстонии. Поэтому пришло осознание необходимости координировать свои действия, создать координирующие органы. Появляется Объединенный Совет трудовых коллективов г. Тирасполя (ОСТК), Союз трудящихся Молдавии (СТМ).

Ход политической забастовки трудовых коллективов Молдавской ССР в августе-сентябре 1989 г. подробно описан автором на основе исследования архивных источников, данных СМИ, а также воспоминаний участников событий [2].

Определенный научный интерес представляет периодизация политической забастовки, а также результаты, достигнутые бастовавшими трудовыми коллективами.

Непосредственным поводом к забастовке стала информация о том, что на сессию Верховного Совета МССР выносятся новые варианты законопроектов о языках, не проходившие всенародное обсуждение. 11 августа они были опубликованы в газетах «Кировец» и «Рыбницкий металлург». Забастовке предшествовали создание ОСТК г. Тирасполя 11 августа 1989 г., создание рабочего комитета г. Бендеры, «забастовочного комитета» г. Рыбницы, принятие ОСТК решения о проведении двухчасовой предварительной забастовки (14 августа).

На наш взгляд, можно выделить следующие этапы забастовочного движения:

I этап. Предупредительная забастовка в Тирасполе 16 августа 1989 г. Участвовали 28 трудовых коллективов, свыше 27 тыс. человек. 19 трудовых коллективов выразили бастующим свою поддержку, не останавливая работу. Забастовку поддержали 10 предприятий Бендер (рис. 1) и 15 предприятий Рыбницы (рис. 2).

Проведение предупредительной забастовки, все обращения и телеграммы в адрес республиканского руководства не возымели никакого эффекта. Более того, не возымели эффекта и решения

сессии местного органа власти – городского Совета народных депутатов. Официальный Кишинев их «не услышал», расценив как ультиматум и шантаж. 17 августа Президиум Верховного Совета МССР принял постановление «О забастовках, имевших место на ряде предприятий городов Тирасполь, Бендеры, Рыбница»:

1. Считать противоречащим перестроечным процессам, последним решениям Верховного Совета СССР и недопустимым решение возникающих проблемных вопросов в общественно-политической жизни путем приостановки работы промышленных предприятий, что может привести к дальнейшему усилению политической напряженности в республике.

2. Призвать местные Советы народных депутатов МССР, трудовые коллективы предприятий и организаций промышленности, транспорта, связи, всех граждан проявить взвешенный подход к оценке сложившейся политической ситуации, находить пути взаимопонимания при решении спорных проблем и принимать совместные действия по нормализации обстановки в соответствии с требованиями действующего законодательства.

18 августа 1989 г. Президиум Верховного Совета МССР одобрил проекты законов о языках: 20 августа проект законов «О статусе государственного языка в Молдавской Советской Социалистической Республике», «О функционировании языков на территории Молдавской Советской Социалистической Республики», «О возврате молдавскому языку латинской графики».

События 18–20 августа 1989 года полностью подтвердили, что партийно-государственное руководство МССР игнорирует законные требования представителей трудовых коллективов.

II этап. Возобновление забастовки в г. Тирасполе с 21 августа (рис. 3). ОСТК принимает на себя функции забастовочного комитета, расширяется его состав. 23 августа на собрании СТМ в г. Кишиневе принимается решение о поддержке забастовки и объявляется всеобщая республиканская забастовка с 24 августа. Главное требование – не проводить сессию Верховного Совета МССР 29 августа. 26 сентября создан Объединенный республиканский забастовочный комитет.

Рис. 1. Митинг в г. Бендеры

Рис. 2. Митинг в г. Рыбница

Рис. 3. Трудовые коллективы идут на митинг. Тирасполь, 22 августа 1989 г.

Рис. 4. Митинг в г. Тирасполе. 3 сентября 1989 г.

Рис. 5. Заседание забастовочного комитета. Тирасполь, сентябрь 1989 г.

III этап. Период работы XIII сессии Верховного Совета МССР (29 августа – 31 августа). Требования бастующих – предоставление статуса государственного двум языкам (молдавскому и русскому) – от имени 180 промышленных предприятий и организаций, официально подтвердивших свое участие в политической забастовке, и 400 поддерживающих – проигнорированы. Законы «О статусе государственного языка МССР», «О функционировании языков на территории МССР» приняты.

IV этап. Продолжение забастовки (рис. 4). Массовые митинги протеста. Приезд группы депутатов Верховного Совета СССР (комиссия Е. Н. Ауельбекова) и переговоры по приостановле-

нии забастовки (5–9 сентября). К 12 сентября бастовало в МССР 211 предприятий [1]. ОРЗК принимает решение приостановить забастовку с 15 сентября – на период подготовки и проведения Пленума ЦК КПСС и сессии Верховного Совета СССР.

V этап. Выход из забастовки. Рыбница, Комрат, Кишинев приступили к работе 15 сентября. 18 сентября произошло разделение функций ОРЗК и забасткома г. Тирасполя (рис. 5). 22 сентября появилось обращение коллектива «Литмаш» им. С. М. Кирова к коллективам города и всем бастующим предприятиям Молдавии с призывом приостановить забастовку [4]. 25 сентября приступили к работе трудовые коллективы Тирасполя и Бендер.

Таким образом, крайними хронологическими рамками политической забастовки в МССР являются 16 августа – 25 сентября 1989 г.

Важнейшим результатом забастовки явилось для приднестровцев осознание необходимости продолжения борьбы за свои права. При этом еще не были полностью изжиты надежды на то, что центральные власти СССР предпримут адекватные меры к сохранению СССР. Поэтому представлялась необходимой параллельная работа в двух направлениях: по линии подготовки к предстоящим выборам в местные Советы народных депутатов и в Верховный Совет МССР, а также по проведению местных референдумов по вопросу создания Приднестровской автономии в составе МССР.

Именно идея воссоздания государственности для Левобережья была воспринята с энтузиазмом и закреплена в решениях сессией Рыбницкого городского и районного Советов и Тираспольского городского Совета, прошедших 13 сентября, т. е. в период апогея забастовки [3; 5].

Важным представляется тот факт, что к левобережным городам присоединяется и правобережный город Бендеры, где сессия городского Совета объявила о начале работы по созданию национально-территориального региона [6].

В условиях продолжавшегося нажима НФМ на власти МССР (апофеозом которого стали события 7 и 10 ноября в г. Кишиневе), активно ведущейся им предвыборной кампании, в Приднестровье был

верно избран курс на создание государственности и определен метод ее обретения – через местные референдумы.

Первый из них [первый в СССР референдум – А. В.] прошел 3 декабря 1989 года в г. Рыбнице.

Активно участвовавшие в политической забастовке МССР трудовые коллективы юга Молдавии также сконцентрировались на идее государственности гагаузского народа. Их борьба увенчалась созданием Гагаузской республики 19 августа 1990 г.

Важным итогом забастовки стал накопленный опыт работы общественной организации, явившейся штабом забастовочного движения, – Объединенного Совета трудовых коллективов. ОСТК предстояла колоссальная работа по участию в выборных кампаниях, в подготовке и проведении местных референдумов и сходов граждан. Успех организационной и пропагандистской работы ОСТК был бы

невозможен, если бы в своей деятельности эта организация не опиралась на пользующиеся огромной популярностью в массе идеи борьбы против национализма, за равноправие, за национальную идентичность молдаван, за сохранение СССР.

Большую роль в донесении до граждан свободного и правдивого слова сыграли информационные бюллетени, появившиеся в период забастовки, и в первую очередь «Бастующий Тирасполь».

Нерешительность и непоследовательность партийных органов полностью показала неспособность их к противоборству с националистическими силами, а, значит, и к тому, чтобы привычно считаться «руководящей и направляющей силой». Мощной движущей силой, подлинным субъектом истории политическая забастовка сделала самих граждан. Это и стало ее главным результатом.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бастующий Тирасполь, 22 сентября 1989.
2. Волкова А. З. 2004. Горячее лето 1989 года. Тирасполь: Типар.
3. Днестровская Правда, 16 сентября 1989.
4. Кировец, 29 сентября 1989.
5. Ленинское знамя, 14 сентября 1989.
6. Победа, 13 сентября 1989.
7. Советская Молдавия, 1 августа 1989.
8. Советская Молдавия, 5 августа 1989.
9. Cașu I., Șarov I. 2004. Republica Moldova de la perestroikă la independență 1989–1991. Documente secrete din arhiva CC al PCM. Chișinău: Cartididact.

МЕСТО, ГДЕ ЖИВЕТ ИСТОРИЯ (К 190-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. Г. РУБИНШТЕЙНА И 25-летию МУЗЕЯ А. Г. РУБИНШТЕЙНА И ИСТОРИИ с. ВЫХВАТИНЦЫ)

Е. И. Бондаренко,
*заведующая Музеем А. Г. Рубинштейна
и истории с. Выхватинцы*

Мировая музыкальная культура знала немного имен, открывавших новые пути в ее развитии и обозначавших важные вехи в истории. Они навсегда сохранились в памяти человечества, среди них и имя Антона Григорьевича Рубинштейна.

Антон Григорьевич Рубинштейн – один из выдающихся русских композиторов, пианистов и общественных деятелей России (рис. 1). Творческая деятельность Рубинштейна была уникальной, он завоевал поистине мировое признание. Замечательный критик В. В. Стасов писал: «Рубинштейн был гениальнейший, глубочайший по духу и поэзии пианист – такой, выше которого никогда, конечно, не бывало (кроме его современника – Листа)» [6, с. 4].

На редкие человеческие качества Рубинштейна обращали внимание все современники. «Рубинштейн, – писал Лист, – это благородная, пылкая, чудовищно трудоспособная личность, в сильной степени возвышающаяся над большинством знаменитых и выдающихся артистов, с которыми мне приходилось когда-либо встречаться» [6, с. 5].

П. И. Чайковский говорил, что обожал в Рубинштейне «не только великого пианиста и композитора, но также человека редкого благородства, откровенного, честного, великодушного, чуждого низким чувствам, с умом ясным и с бесконечной добротой» [6, с. 5].

Село Выхватинцы – родина Антона Григорьевича Рубинштейна. Он родился 28 ноября 1829 г. Никто и не помнил о том, что барыня, проезжая через село, родила сына, за исключением старого жителя села Трофима Сербенюка, которому от роду 102 года [1, с. 672].

В Молдавии Рубинштейны прожили недолго – до 1831 г. Из-за притеснений, которым подвергались в царской России

В рубрике

ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ И РЕЛИГИИ ПРИДНЕСТРОВЬЯ

• МЕСТО, ГДЕ ЖИВЕТ
ИСТОРИЯ (К 190-летию
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
А. Г. РУБИНШТЕЙНА
и 25-летию МУЗЕЯ
А. Г. РУБИНШТЕЙНА
и ИСТОРИИ с. ВЫХВАТИНЦЫ)

• «ХОТЬ ВЗГЛЯНУТЬ
НА РОДНУЮ СТРАНУ»
(К 130-летию
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
А. Н. ВЕРТИНСКОГО)

• К СТОЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ
НАРОДНОГО АРТИСТА СССР
Т. И. ГУРТОВОГО

• ИСТОЧНИКИ
И ИСТОРИОГРАФИЯ
ИСТОРИИ ТИРАСПОЛЬСКО-
ДУБОССАРСКОЙ ЕПАРХИИ
(1995–2019 гг.)

Рис. 1. Портрет А. Г. Рубинштейна
(И. Е. Репин, 1915)

евреи, братья Рубинштейны оказались разорены. Их отец Роман Иванович за неуплату долгов был посажен в Житомирскую тюрьму. Выйдя на свободу и желая спасти своих детей и их семьи от нищеты, он вместе с многочисленной родней принял православие. После этого с них были сняты ограничения. Было решено уехать в Москву.

Григорий Романович снял на Ордынке большой каменный дом. На первом этаже открыл фабрику карандашного и булавочного производства, а второй этаж занял под жилье [6, с. 6].

Семья Григория Романовича состояла из жены Калерии Христофоровны и пятерых детей: Якова, Антона, Николая, Любви и Софии. В доме у них по вечерам собирались друзья и знакомые. Музыкальная одержимость ребенка начала проявляться рано, чуть ли не в трехлетнем возрасте. Антона очень привлекала игра на скрипке. «На шестом году мать начала обучать меня музыке, как обучала и прочих братьев, но со мной она занималась более, быть может, потому, что скоро заметила во мне понимание. Занималась она со мной серьезно, строго относясь к делу, но без предвзятой мысли. Просто так начала обучать музыке от того, что видела какие-то способности» [6, с. 7].

В школу Антон не ходил, писать и читать научился как-то сам собой. Мать вскоре поняла, что для развития исключительных музыкальных способностей сына требуется опытный педагог. Таким был в Москве А. И. Виллуан.

В воспоминаниях о своем учителе А. Г. Рубинштейн писал: «Это был замечательный учитель, и он установил известные требования и применял их ко мне, и они оказались самыми лучшими из тех, какие могли быть при преподавании игры на фортепьяно. Ему и никому другому я обязан тем прочным фундаментом в музыкальном искусстве, с какого мне уже было невозможно упасть» [6, с. 9].

Благодаря А. И. Виллуану Антон в девятилетнем возрасте с огромным успехом выступал в московских салонах. 11 июня 1839 г. состоялся его первый концерт в вокзале Петровского парка. Успех был огромным. И вот с этих пор его детство окончилось.

В сезоне 1839–1840 гг. десятилетний пианист выступал еще несколько раз, а в конце лета Виллуан отправился со своим учеником в концертное турне по Европе. Они уехали в Париж, где познакомились с Ференцем Листом, присутствовали на его концертах. С интересом слушая его выступления, А. Г. Рубинштейн однажды потерял сознание. Он был потрясен Листом.

«Рубинштейн — одно из блистательных явлений виртуозности, — заявил Лист, — он будет моим преемником» [6, с. 14].

Однажды Рубинштейн посетил Листа, он был потрясен тем, как жил Рубинштейн, и пригласил пообедать, от чего Антон не мог отказаться. «С тех пор, — вспоминал он, — я более и более сближался с Листом и впоследствии был с ним искренне в дружеских отношениях» [6, с. 21]. Антон много ездил по Германии, Франции.

В Берлине он жил до 1848 г., в это время всем русским было приказано вернуться в Россию. Переехав русскую границу, он попал в атмосферу наполеоновского режима.

На таможне у Рубинштейна потребовали паспорт, которого у него не оказалось, так как он был вписан в паспорт матери. Стали осматривать багаж, опечатали сундук с рукописью. И только через три недели ему выслали паспорт из Москвы, но сундук не был возвращен.

В период 1848–1858 гг. начинается творческая зрелость А. Г. Рубинштейна.

В 1852 г. великая княгиня Елена Павловна пригласила Антона к себе на должность придворного пианиста. В ее резиденции часто давались концерты, устраивались музыкальные вечера, на что княгиня не жалела средств.

В 1854–1858 гг. А. Г. Рубинштейн опять концертирует за границей, объездив всю Европу для того, чтобы дать о себе знать как о сочинителе музыки. «Перемена климата, обмен мыслями, новые лица, другие впечатления – все это крайне необходимо человеку, а в особенности артисту», – писал он матери о причине своей поездки [6, с. 33].

Цель, которую хотел завоевать А. Г. Рубинштейн в Европе в качестве пианиста и композитора, была достигнута. Осталось выполнить еще одну задачу. Рубинштейн хотел свой огромный талант и славу использовать для осуществления давней мечты – открыть в России консерваторию. С этой целью он возвращался на родину.

Вот что писал А. Г. Рубинштейн в одном из своих писем великой княгине Елене Павловне: «Когда подумаешь, сколь богато природа одарила славянский народ, особенно русскую нацию, в музыкальном отношении, то удивляешься тому, что музыкальное искусство здесь так мало развито, а Россия не дает больше замечательных музыкантов. Объяснение и причину этого явления можно увидеть, быть может, в том факте, что правительство не представляет гражданских прав тем, кто хотел бы заниматься исключительно этим искусством.

Музыка, как всякое другое искусство или наука, требует от того, кто ею занимается, всю его личность, все его время и всю его жизнь. И лишь тогда музыка иной раз жалует своим избранныкам пальмовую ветвь награды и славы» [5, с. 40].

В 1862 г. состоялось торжественное открытие первой русской консерватории, а в 1865 г. – первый выпуск. Выпускникам П. И. Чайковскому и Г. Г. Кроссу вручили серебряные медали.

Об А. Г. Рубинштейне говорилось, что он умеет петь как никто другой, что он открыл тайну того, как из рояля извлекать протяженные звуки.

Жизнь А. Г. Рубинштейна со всех сторон казалась блистательной. Но в одном из писем матери он писал о себе: «Живу здесь довольно спокойно: бодро принялся за работу. До сих пор еще не знаю, что со мной будет в ближайшее время, останусь ли здесь на зиму или возвращусь осенью в Россию» [4, с. 43]. Он много трудился, писал, давал концерты – физически уставал.

Живя за границей, Антон всегда испытывал тоску по родине. Вернувшись, он поселился на даче в Петергофе.

Умер А. Г. Рубинштейн 20 ноября 1894 г., похороны были назначены на 28 ноября – день, когда пианисту исполнилось бы 65 лет. Похоронили А. Г. Рубинштейна в Петербурге, на кладбище Александро-Невской лавры. Но самый великий памятник Рубинштейну – это Санкт-Петербургская консерватория.

Память о Рубинштейне бережно сохраняется на его родине. Здесь по его завещанию и на его денежные средства в 1901 г. было открыто двухклассное народное училище [6, с. 86]. Инициатором строительства был доктор П. И. Грязнов, один из землевладельцев в селе Выхватинцы [1, с. 671]. Грязнов шесть лет писал дирекции Русского музыкального общества, что он предлагает в дар участок земли, на котором еще сохранились развалины того домика, где родился А. Г. Рубинштейн.

Доктор Грязнов на протяжении двух лет никакого ответа от дирекции Русского музыкального общества не получал, после чего ученица А. Г. Рубинштейна Малоземова обратилась к содействию члена Государственного совета А. А. Собоурова, который отнесся к этому вопросу с полным сочувствием и энергично. Чтобы не тормозить дела, А. А. Собоуров предложил устроить в Одессе подготовительную комиссию, председательство которой любезно приняла на себя графиня Шувалова. Князь А. Е. Гагарин взял на себя посредничество между Петербургом и Одессой, так как он часто бывал в Петербурге и был хорошо знаком с нуждами этого края.

Вскоре комитету разрешено было воспользоваться одной из дворцовых контор для депозита принимаемых пожертвований. На постройку было собрано 12 тысяч рублей. Подготовку к откры-

Рис. 2. Почтовая марка СССР, 1954 г.

тию школы взял на себя князь Печорин, который пользовался огромной популярностью и авторитетом у сельчан [1, с. 672].

После Октябрьской революции в этом здании размещалась общеобразовательная школа, а с 1973 г. — и районная детская музыкальная школа-семилетка им. А. Г. Рубинштейна. С 1994 г. в историческом здании школы находится Музей А. Г. Рубинштейна и истории села Выхватинцы

Рис. 3. Бюст А. Г. Рубинштейна в с. Выхватинцы (Р. Э. Дербенцов, 1972 г.)

Рыбницкого района. Огромный вклад в историю села внес один из известных композиторов, музыковед, музыкальный критик и публицист, заслуженный деятель искусств Молдавской ССР Зиновий Лазаревич Столер.

В 1954 г. память о выдающемся русском пианисте была увековечена в почтовой марке (рис. 2).

В 1966 г. З. Л. Столер привез в с. Выхватинцы черный рояль А. Г. Рубинштейна и подарил его местной школе, на данном рояле по сегодняшний день прикреплен дарственная металлическая табличка с текстом: «Дар Союза композиторов Молдавии музыкальной школе им. А. Г. Рубинштейна с. Выхватинцы, 1966 г.» [8]. От этого рояля берет свое начало история районной детской музыкальной школы. Этот музыкальный инструмент стал самым ценным экспонатом музея А. Г. Рубинштейна [7].

В 1973 г. по инициативе члена Союза композиторов Молдавии З. Л. Столера и начальника Рыбницкого управления культуры С. В. Сигала была открыта музыкальная школа. Решением сессии Рыбницкого городского Совета депутатов трудящихся музыкальной школе было присвоено имя А. Г. Рубинштейна [2], а в конце 1980-х гг. было принято решение об открытии музея А. Г. Рубинштейна, за что З. Л. Столер был удостоен звания «Почетный гражданин села» [3].

Официальное открытие музея состоялось 26 ноября 1994 г. — к 165-й годовщине со дня рождения А. Г. Рубинштейна. Торжественно перерезать ленту было поручено Председателю Верховного Совета ПМР Г. С. Маракуце, композитору Молдовы З. Л. Столеру и уроженцу села Выхватинцы М. И. Плешко. За годы своего существования музей стал визитной карточкой села. Музей располагает четырьмя выставочными залами, два из которых посвящены великому композитору, дирижеру, пианисту А. Г. Рубинштейну. Это мемориальная комната и концертный зал. Особое место занимают посмертная маска и слепок правой руки, личные вещи (портмоне, портсигар, нож для резки бумаги), статуя, книги нот и другое. В концертном зале находится еще один предмет, имеющий непосредственное отношение к жизни и музыкальной деятельности А. Г. Рубинштейна,

– черный рояль. Это не просто музейный экспонат – рояль часто звучит, на нем исполняют произведения великого композитора не только начинающие музыканты, но и именитые гости. Так, например, в 2005 г. в Выхватинцах прошел финальный тур республиканского конкурса «Белая сирень», а в 2014 г. учащиеся Кишинёвского лицея им. С. В. Рахманинова выступили с концертом, приуроченным к 185-летию со дня рождения А. Г. Рубинштейна. В 2018 г. музей посетили

учащиеся Бельцкого музыкального педагогического колледжа.

К концу 1970-х гг. перед зданием музея был воздвигнут памятник великому композитору А. Г. Рубинштейну. Автором памятника является Р. Э. Дербенцов. Бронзовый бюст установлен на прямоугольном постаменте высотой 2,7 метра. Посадка головы, открытое волевое лицо с развевающимися волосами передают эмоциональность и экспрессивность А. Г. Рубинштейна (*рис. 3*).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Рассказы Марии Шталь // Нива. 1901. № 43, с. 671–673.
2. Решение Рыбницкого районного Совета депутатов трудящихся № 266 от 29 августа 1973 г. «О присвоении районной детской музыкальной школе имени А. Г. Рубинштейна» // Фонды Музея А. Г. Рубинштейна и истории с. Выхватинцы. Инв. № 298.
3. Решение схода граждан с. Выхватинцы № 28 от 24 ноября 1999 г. // Фонды музея А. Г. Рубинштейна и истории с. Выхватинцы. Инв. № 291.
4. Рубинштейн А. Г. 1954. Избранные письма. Москва: Государственное музыкальное издательство.
5. Рубинштейн А. Г. 1984. Литературное наследие. Т 2. Москва: Музыка.
6. Хопрова Т. А. 1987. А. Г. Рубинштейн. Ленинград: Музыка.
7. Челышев Б. 1993. Рояль Антона Рубинштейна // Днестровская правда. № 247 от 26 октября 1993 г.
8. Черный рояль А. Г. Рубинштейна (ксерокопия статьи) // Фонды Музея А. Г. Рубинштейна и истории с. Выхватинцы. Инв. № 297.

«ХОТЬ ВЗГЛЯНУТЬ НА РОДНУЮ СТРАНУ» (К 130-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. Н. ВЕРТИНСКОГО)

Е. Н. Ерёменко,

*заведующая научно-просветительным отделом
Историко-краеведческого музея г. Бендеры*

Александр Николаевич Вертинский был многогранен в своем творчестве – эстрадный артист, киноактер, композитор, поэт и певец, кумир эстрады первой половины XX в. (рис. 1). В своем роде новатор, он предложил эстраде авторскую художественную песню. Вертинскому удалось создать новый жанр, которого еще не было на русской эстраде. Начиная с воплощения декадентского образа Пьеро на эстраде, создавал на сцене музыкальные мини-спектакли на стихи А. Ахматовой, С. Есенина, А. Блока и свои собственные («Маленький креольчик», «Танго», «Магнолия»). Давал по 100–150 концертов в год, пользовался бешеным успехом у зарубежной публики, но в советской прессе о нем не появилось ни строчки...

В Бессарабию Вертинский приезжает за «глотком родины». «Волна первой эмиграции смыла артиста вместе с белой армией. Начались скитания по Европе, Америке, Азии» [8, с. 3]. Он провел в эмиграции долгих 24 года, исколесил с гастрольями десятки стран, но мечтал оказаться лишь в одной из них – в России, которую он покинул в 1919 г. и куда дорога была ему заказана. Поэтому с таким воодушевлением он согласился на гастрольную поездку по городам Бессарабии. В своих воспоминаниях «Четверть века без родины», которые впервые были опубликованы уже после смерти автора в журнале «Москва» в 1962 году, он пишет: «Вскоре возле меня стал тереться маленький юркий театральный человечек – русский грек, некто Кирьяков. У него родилась идея повезти меня в Бессарабию, где было коренное русское население и где можно было на мне «за-

работать». Я искренне обрадовался этому предложению и стал готовиться к отъезду» [3, с. 35]. Произошло это в начале 20-х годов XX в., почти сто лет назад, когда после концерта в Кишинёве началось турне артиста по Бессарабии.

Здесь жизнь, несмотря на присутствие румын, напоминала уклад обычного южнорусского дореволюционного городка. «Все эти Бендеры, Сороки, Оргеевы – типичные русские «местечки» с белой церквушкой, бакалейными лавочками, где пахнет хомутами и дегтем, где продают гвозди и мыло, кнутовища и квас, колбасу и веревки, –

Рис. 1. Фото А. Вертинского

так вспоминает Вертинский бессарабские города, — те же милые сердцу белые хаты, те же колодцы с жестяными распятками, те же подсолнухи, кивающие из-за тына, тот же воздух, то же солнце, те же птицы» [3, с. 39–40].

Воспоминания его проникнуты такой глубокой, бесконечной тоской по родине, что у читателя они вызывают ответные щемящие чувства: «Трудно передать чувства, которые охватили меня при виде нашей русской земли, такой знакомой, такой близкой и дорогой сердцу и в то же время такой “чужой”». (Здесь понятие «чужой» употребляется в смысле «недостижимой»). Все вызывает в нем чувство нежности — и русские вывески «Аптека», «Трактир», «Кондитерская», «Бакалейная торговля», и люди, населяющие бессарабские города. «Словно я повстречался с милыми, давно забытыми людьми моей юности. Словно я через много лет вернулся в родной город и меня встречают уже иные, незнакомые лица. Но все же это «свои» — люди моего города. Носильщики на вокзалах, извозчики, продавцы в магазинах, нищие — все говорили по-русски. Человеку, оторвавшемуся от родной почвы и живущему долго у чужих, это было ново, радостно и до слез приятно» [3, с. 39].

В Бендерах во время гастролей по Бессарабии в 1923–1931 гг. артист выступал неоднократно, по некоторым источникам — трижды. «По крайней мере трижды в нашем городе побывал Александр Вертинский», — вспоминает старожил, краевед В. В. Кучеренко [5, с. 114]. Как же выглядел тогда город? Прямые улицы пересекаются под столь же прямыми углами. Но лишь в центре Бендер они выложены брусчаткой. А уже за углом состоятельные горожане вынуждены нанимать фаэтон, чтобы не утонуть в непролазной осенней грязи. Лишь в 30-х годах решили заасфальтировать улицу Пушкина. Стоило это дорого, боялись, что не хватит городского бюджета, осилили только три квартала. Бендерские барышни бегали на гастрольные выступления летчика Уточкина и борца Заикина. Знали по именам всех местных футболистов — этот вид спорта был в большой моде. Летом ходили на пикники в Меренештский лес. Говорили в гимназиях и школах по-румынски и по-французски, а дома по-русски. Читали сохранившиеся русские журналы. Помнили наизусть стихи Пушкина и Лермонтова.

«Едва начинало смеркаться, в Аудитории собирались дамы в вечерних туалетах со спутниками во фраках. Это было любимейшее место отдыха горожан с прекрасным залом, гримерными, садом, беседкой, павильонами. Здесь звучала музыка, выступали заезжие знаменитости, разыгрывали любительские спектакли. Барышни обменивались впечатлениями о модных романах и переписывали друг у друга самые новые стихи. Некоторые из них приезжали с левого берега. Так здесь узнали песни из кинофильма «Веселые ребята», новости о совсем другой жизни там, за рекой» [1, с. 3].

На сцене Аудитории Вертинский дал несколько концертов. Пел он и в театре «Бомонд» — так громко именовалась старая деревянная постройка в центре города на углу улиц Пушкина и Харузинской (сейчас — улица Ленина), разобранный перед войной в 1939 г. При румынах здесь началось строительство банка, достроенного уже после ухода оккупантов и взорванного в начале Великой Отечественной войны советскими подрывными батальонами при отступлении Красной Армии. Сейчас на этом месте — фонтан у кинотеатра им. Горького.

Первый раз Вертинский побывал в нашем городе весной 1925 г. Александр Николаевич и его антрепренер остановились в маленькой гостинице в центре города на Константиновской улице (ныне улица Кирова), в подвале которой был небольшой ресторанчик. В послевоенные годы здесь разместился магазин, торговавший молоком и мясом. Позже, в 1950-е гг., в этом подвальчике располагалось небольшое кафе «Семь ступенек». «Так в 1950 году, — вспоминает краевед Е. А. Лобанов, — мне лично приходилось несколько раз слушать, как завсегдатаи «Семи ступенек», тыкая пальцем в потолок, утверждали, что там, наверху, при румынах помещалась маленькая гостиница, где останавливался Вертинский» [7, с. 269]. К сожалению, в 1990-х гг. здание было снесено.

Хозяин гостиницы встретил известного артиста с чисто русским радушием, принес традиционный самовар и позволил себе вдоволь наговориться на русском языке, который был под запретом во время румынской оккупации. «У окон собралось посмотреть на меня все местечко, — пишет

Вертинский в своих воспоминаниях. — Это было так по-русски» [3, с. 40].

До концерта оставалось еще полтора дня, и певец решил пойти на берег Днестра, чтобы хоть издали посмотреть на родную землю: «Было часов восемь вечера. На той стороне нежно синели маковки церквей. Тихий звон едва уловимо долетал до меня. По берегу ходил часовой. Стада мирно паслись у самой реки. Все это было невероятно, безжалостно, обидно близко, совсем рядом. Казалось, всего несколько десятков саженей отделяли меня от родины». Александр Николаевич сел на камень и не смог сдержать слез. Кирьяков увел его в гостиницу. «Не расстраивайтесь. Завтра концерт», — сказал он [3, с. 40–41].

Вернувшись в гостиницу, Вертинский закончил работу над знаменитой песней «В степи молдаванской», которую начал писать под впечатлением от поездок по бессарабским городам и которую впервые полностью он исполнил в нашем городе.

*Звону дальнему тихо я внемлю
У Днестра на зеленом лугу
И российскую милую землю
Узнаю я на том берегу...*

(В первоначальном варианте — «российскую горькую землю»).

В этих строчках — такая пронзительная тоска по родной земле, что они трогают до слез:

*А когда засыпают березы
И поля затихают ко сну,
О, как сладко, как больно сквозь слезы
Хоть взглянуть на родную страну...*

Одна из самых ностальгических, выстраданных его песен вызвала ошеломляющий успех у русской публики и неприкрытый гнев у румынских властей региона. По свидетельству старожилов Бендер, зал Аудитории не вместил всех желающих послушать русского певца-эмигранта, билеты на концерт были заранее проданы. Каждая песня заканчивалась громом рукоплесканий.

Сохранились воспоминания архитектора В. П. Меднека о выступлении артиста в театре «Бомонд», где его концерт прошел не менее успешно: «Все билеты на первый концерт Вертинского были мгновенно проданы, и мне, подростку, с трудом удалось проникнуть в переполненный зал. Вертинский вышел на сцену в черном причудливом

костюме Пьеро. На известково-белом лице были нарисованы огромные треугольные брови, и выделялся ярко накрашенный рот. Под аккомпанемент пианино он исполнял свои грустные песенки, не совсем для меня понятные, но чрезвычайно привлекательные, трогательные, имеющие юную душу: «Ваши пальцы пахнут ладаном и в ресницах спит печаль...», «Куда же вы ушли, мой маленький креольчик, мой смуглый принц с Антильских островов...», «И снится мне: в притонах Сан-Франциско лиловый негр вам подает мантию...». Каждое слово его песенок очень четко звучало и выразительно подчеркивалось изящными движениями красивых рук. Посетив еще два концерта, я запомнил их на всю жизнь» [6, с. 171–172].

В Вертинском русские зрители видели не только артиста, но и человека, который привез им частицу родного искусства. Однако после концерта Александра Николаевича вызвали в отделение местной сигуранцы. Его обвинили в пропаганде большевизма, так как он пел на русском языке. На что Вертинский ответил: «Рад быть большевиком, но в России меня таковым не признают» [10, с. 4].

Александр Николаевич вспоминает примечательный эпизод, произошедший в Аккермане: на концерте присутствовал комендант города; не понимая, за что Вертинскому так аплодируют, он побагровел, вскочил со своего места, прервал концерт и стал кричать: «Что он поет? Я требую, чтобы мне объяснили. Что он поет? Отчего здесь все с ума сходят? Голоса у него нет! В чем дело? ... Он большевик! Он вам делает митинг! Он поет про Россию. Артистам не делают таких демонстративных оваций» [6, с. 170]. «Вот тут он был прав. Овации были действительно демонстративными. И не потому, что я уж так хорошо пел, а потому что я был свой, запрещенный», — замечает в своих мемуарах А. Н. Вертинский [6, с. 170]. По прибытии в Кишинёв артиста в пять утра вызвали на допрос, после чего выслали из Бессарабии в старое королевство. На Бухарестском вокзале его арестовали, отвели в подвал, где сидели несколько воров, которые говорили по-русски и были поклонниками Вертинского; по вечерам они просили его петь...

Бессарабская пресса широко освещала гастроль певца со 2 июня по 24 июля 1929 г. Вот как

вспоминает В. П. Меднек о своей уже непосредственной встрече с Вертинским: «Второй раз он приехал в Бендеры в 1929 году. После концерта мы осмелились зайти к нему в артистическую. Сменив одежду, сняв маску, он предстал перед нами стройным, веселым и приветливым. Мы захватили с собой превосходное бессарабское вино, и скоро позабыли о разнице лет, об ореоле знаменитого артиста» [6, с. 172]. Появляется фамилия Вертинского в газетах Бессарабии и за 1931 г. Тогда турне проходило с 6 по 22 мая. В этот период он выступал с концертами и в нашем городе. Он путешествовал по городам Бессарабии, напоминая людям об их языке, об искусстве великой Родины, о том, что она есть и будет.

Трижды Александр Николаевич пытался вернуться на родину, но мечта его осуществилась лишь в 1943 г. Пьеро из «бананово-лимонного Сингапура» совсем не сочетался с советской действительностью. Из сотни песен Вертинского к исполнению разрешены были только тридцать. И все-таки на родине его узнали и полюбили. «Вертинский вернулся в Россию, когда еще шла война. Потом были концерты, обожание публики, съемки в кино, гастроли по стране» [9, с. 83]. Авторская и бардовская песня стали продолжением искусства Вертинского. На родине он снялся в пяти фильмах. За роль в фильме «Заговор обреченных» был удостоен Сталинской премии.

В России нет памятника Вертинскому, лишь у подъезда здания на Тверской улице в Москве, где он жил по возвращении на родину, установ-

лена памятная доска. В Бендерах по инициативе русской общины «Добрыня» к 120-летию великого артиста решено было создать памятное место, посвященное ему. «28 марта 2009 года в сквере Ленинского комсомола был установлен памятный знак за счет средств, выделенных правительством Москвы. Годом ранее, в 2008 году русская община «Добрыня» г. Бендеры обратилась к московским властям с инициативой установить памятник А. Вертинскому – великому русскому артисту» [2, с. 369]. Место (на углу улиц Ленина и Кирова) выбрано не случайно – совсем рядом находилась та самая гостиница, в которой останавливался знаменитый шансонье, а через дорогу, на углу улиц Пушкина и Ленина (тогда Харузинской), располагался театр «Бомонд», куда спешили бендерчане, чтобы послушать проникновенные песни русского певца-эмигранта. Здесь планировалось проводить литературно-музыкальные вечера, посвященные русским поэтам и композиторам. Однако на возведение памятника требуется внушительная сумма денег, поэтому Московский Дом соотечественников ответил отказом. Но вопреки всему бендерчане надеются, что этот замысел рано или поздно осуществится.

Последний концерт Вертинского состоялся 21 мая 1957 г. в Доме ветеранов сцены им. М. Г. Савиной в Ленинграде. В тот же день, 21 мая, Александр Николаевич скончался от острой сердечной недостаточности в гостинице «Астория». Похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Барбиер Н. 2016. Ветер в степи молдаванской (Вертинский о Бендерах) // Новое время, 24 марта 2016 г.
2. Бендеры исторические. Памятники и памятные места. Справочник. 2017. Бендеры: Полиграфист.
3. Вертинский А. Н. 1989. Четверть века без родины. Киев: Музычна Україна.
4. Вертинский А. Н. 1990. Дорогой длиною. М.: Правда.
5. Кучеренко В. В. 1998. Бендеры – жизнь тому назад. Бендеры: Полиграфист.
6. Кучеренко В. В. 2008. Бендеры – жизнь тому назад. Бендеры: Полиграфист.
7. Лобанов Е. А. 2009. Бендеры. Страницы истории. 1812–1917. Бендеры: ООО «РВТ».
8. Песни и романсы Александра Вертинского. Песенник. 1991. Ленинград: Советский композитор.
9. Худяков В. В. 1999. В цветущих акациях город. Бендеры: Полиграфист.
10. Шрайбман Г. 1967. У нас пел Вертинский // Победа, 31 августа 1967 г.

К СТОЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ НАРОДНОГО АРТИСТА СССР Т. И. ГУРТОВОГО

Д. С. Власова,

директор Школы искусств им. Т. И. Гуртового

В Григориополе 23 февраля 2019 г. Школа искусств им. Т. И. Гуртового отмечала 100-летний юбилей со дня рождения выдающегося гражданина — дирижера, народного артиста СССР, художественного руководителя и главного дирижера симфонического оркестра Молдавской филармонии, профессора Кишинёвского института искусств и кавалера ордена Ленина — Тимофея Ивановича Гуртового.

Приказом Министерства культуры МССР в 1981 г. Григориопольской детской музыкальной школе было присвоено имя Тимофея Ивановича Гуртового, уроженца города Григориополя.

Тимофей Иванович Гуртовой родился 23 февраля 1919 г. С Кишинёвом связан почти весь творческий путь музыканта. Еще в 1940 г. он стал здесь студентом консерватории. Но война прервала учебу; он с оружием в руках защищал родину от фашистских захватчиков. Рядом с наградами за заслуги перед советским искусством на груди Т. И. Гуртового — ордена и медали, полученные за героизм в борьбе с врагом. А после Победы он снова в родной Молдавии. Завершив образование в Кишинёвской консерватории (1946–1949 гг.), Т. И. Гуртовой начал работать в Молдавской филармонии и консерватории. Будучи дирижером оркестра, он занимал также пост художественного руководителя филармонии (1951–1953 гг.). С 1953 г. он возглавляет Молдавский симфонический оркестр. Под его управлением впервые прозвучали в Кишинёве многие фундаментальные творения мировой классики, а также сочинения советских авторов — Д. Д. Шостаковича, Т. Н. Хренникова, А. И. Хачатуряна, Г. В. Свиридова, А. Я. Эшпая, К. Ф. Данькевича, Э. Мир-

зо. Осуществил первую постановку оперы «Сердце Домники» Алексея Стырчи в Молдавском театре оперы и балета (1960 г.). Также деятельность Т. И. Гуртового имела огромное значение для пропаганды творчества молдавских композиторов. Он выступал совместно с крупнейшими музыкантами-исполнителями, такими как Генрих Нейгауз, Эмиль Гилельс, Яков Флиер, Леонид Коган, Сергей Лемешев, Мстислав Ростропович и многими другими. Необходимо отметить, что Т. И. Гуртовой преподавал в Кишинёвском институте искусств имени Г. Музическу. В 1958 г. Тимофею Ивановичу было присвоено звание доцента, в 1977 г. — профессора. Гастролировал в ряде городов СССР, а также в Румынии. Являлся депутатом Верховного Совета СССР 6-го созыва. Тимофей Иванович Гуртовой скончался 10 марта 1981 г. в Кишинёве и похоронен на Центральном армянском кладбище.

С 1999 г. начал свое существование районный конкурс «Юный исполнитель» им. Т. И. Гуртового, где в вокальном искусстве и искусстве игры на музыкальных инструментах соревнуются юные музыканты Григориопольского района. Многие конкурсанты неоднократно участвовали и становились призерами и лауреатами творческого конкурса.

26 февраля 2019 г. в актовом зале Школы искусств им. Т. И. Гуртового состоялся IX районный конкурс «Юный исполнитель» им. Т. И. Гуртового (номинация «Солисты»), приуроченный к 100-летию со дня рождения Тимофея Ивановича Гуртового. В составе жюри присутствовали представители Приднестровского государственного института искусств г. Тирасполя: Р. М. Громо-

ва – заслуженный деятель искусств ПМР, профессор, заведующая кафедрой «Фортепиано»; А. М. Силуков – заслуженный работник культуры ПМР, профессор, доцент кафедры «Фортепиано»; О. С. Величинская – отличный работник культуры ПМР, солистка оркестра МВД ПМР, преподаватель кафедры «Музыкальное искусство эстрады»; В. А. Гуна – преподаватель-концертмейстер кафедры «Молдавские народные инструменты»; Л. В. Гратова – заслуженная артистка ПМР, солистка Приднестровского государственного хора, преподаватель кафедры «Хоровое дирижирование и вокальное искусство»; Т. В. Татаровская – преподаватель по классу классического вокала детской школы искусств с. Кицканы.

В IX районном конкурсе «Юный исполнитель» им. Т. И. Гуртового (номинация «Солисты») приняли участие 28 вокалистов и 36 инструменталистов. Музыкальные произведения конкурсантов звучали на таких инструментах, как фортепиано, гитара, аккордеон, баян, блокфлейта, саксофон и скрипка. Конкурсанты вокального искусства выступили в секциях «Народное пение», «Вокал классический», «Музыкальное искусство эстрады». По итоговым показателям юбилейного конкурса 2019 г. учащиеся Школы искусств им. Т. И. Гуртового заняли 15 первых мест, 22 – вторых, и 17 – третьих.

ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ ТИРАСПОЛЬСКО- ДУБОССАРСКОЙ ЕПАРХИИ (1995–2019 гг.)

М. П. Заложкова,

*магистрант кафедры истории ИГУПисГН
ПГУ им. Т. Г. Шевченко*

История христианства в Приднестровье насчитывает много веков. Согласно церковному преданию, приобщал жителей этих земель к христианской вере сам святой апостол Андрей Первозванный во время своего путешествия в Малую Скифию (территорию между Херсонесом и Дунаем).

В истории Православия в Приднестровье было много не только драматических, но и трагических страниц. Однако приднестровские жители оставались оплотом Православия в условиях непрекращающейся экспансии католицизма с запада и ислама с юга.

После победоносных для России войн с Турцией земли Приднестровья отошли к России, и с этого времени начался расцвет Православия, длившийся вплоть до 1917 г. Затем был период воинствующего атеизма, когда православные храмы закрывались и уничтожались, а священнослужители подвергались массовым репрессиям. После Великой Отечественной войны были определенные послабления в религиозной политике советского государства, но затем последовали новые гонения во время руководства страной Н. С. Хрущева.

Некоторые новые веяния появляются в положении религиозных общин в период «перестройки», но о возрождении православной жизни можно говорить лишь с начала 1990-х гг. В Приднестровской Молдавской Республике, появившейся в результате местных референдумов, права и свободы человека были провозглашены в качестве

главных основ. Среди этих конституционных основ – свобода вероисповедания.

Именно с началом создания основ приднестровской государственности начинается отсчет новых взаимоотношений между верующими и государственными структурами.

Новый этап православной жизни Приднестровья связан с появлением в 1995 г. Дубоссарского викариатства, а затем, в 1998 г., и Тираспольско-Дубоссарской епархии (далее – ТДЕ). В

Рис. 1. Архиепископ Юстиниан

Рис. 2. Архиепископ Тираспольский и Дубоссарский Савва

1995 г. епископом был назначен Владыка Юстиниан (рис. 1). В марте 2010 г. правящим архиереем ТДЕ назначен епископ Савва (рис. 2). Начался новый этап в жизни епархии.

Исследование истории ТДЕ, безусловно, относится к числу актуальных тем. Это связано со значимой ролью Православия, ролью Русской Православной Церкви в современном мире. Православие было и остается одной из главных духовных скреп Приднестровья с Русским миром, с Российской Федерацией.

В Приднестровской Молдавской Республике с первых лет ее существования уделялось большое внимание взаимоотношениям государственных органов со структурами Русской Православной Церкви, с ТДЕ, которая духовно руководит тысячами православных граждан Приднестровья.

Деятельность епархии, которая начиналась с небольшого количества приходов, ныне распространяется на всю территорию республики, охватывает все города и районы ПМР.

Необходимость основываться в ходе исследования на исторических источниках велика, но, как правило, привлекается и значительный массив исследований по теме. В данном случае в связи с тем, что по данной теме специальная литература практически отсутствует, важность использования источников и их всестороннего анализа еще более возрастает.

По нашему мнению, источники по истории ТДЕ могут быть разделены на несколько групп:

I. Конституция и законодательство Приднестровской Молдавской Республики о религиозных организациях.

II. Документы Священноначалия Русской Православной Церкви.

III. Архивные материалы ТДЕ.

IV. Выступления правящего архиерея.

V. Публикации в СМИ, посвященные определенным событиям, связанным с деятельностью ТДЕ, вопросам взаимодействия с государственными структурами ПМР.

Законодательные источники

К первой группе источников относится прежде всего Конституция Приднестровской Молдавской Республики, а также законы, регулирующие вопросы деятельности религиозных организаций.

Статья 9 Конституции ПМР гласит: «Приднестровская Молдавская Республика – светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом» [7].

В Статье 30 Конституции записано: «Свобода совести гарантируется для всех. Каждый имеет право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой. Недопустимо принудительное насаждение религиозных взглядов» [7].

Таким образом, нормы, содержащиеся в данных статьях, определяют главные условия взаимодействия государства и религиозных объединений. Причем эти условия оговариваются в статьях, входящих в I и II разделы, положения которых могут быть изменены только референдумом. В преамбуле Конституции есть следующее положение: «Чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству» [7]. Это положение напрямую перекликается с положением в преамбуле к Закону ПМР «О свободе совести и о религиозных объединениях», принятом 19 февраля 2009 г., о том, что «признается особая роль Православия в истории, становлении и развитии

духовности и культуры народов Приднестровской Молдавской Республики» [3]. Так, уже в первой Конституции Приднестровской Молдавской ССР, принятой 2 сентября 1991 г., в статье 49 говорилось: «Гражданам гарантируется свобода совести и религии. В соответствии со своими убеждениями каждый имеет право свободно исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, распространять религиозные или атеистические взгляды, заниматься религиозным или атеистическим воспитанием и образованием детей. Гарантируется свобода отправления религиозных обрядов» [6].

Религиозные объединения отделены от государства и действуют независимо от его органов, самостоятельно управляют своими делами. Приднестровская Молдавская Республика поддерживает общественно полезную деятельность религиозных объединений [4]. Данный закон регулирует правоотношения в области прав человека и гражданина на свободу совести и свободу вероисповедания и правовое положение религиозных объединений. До 2009 г. в правовом поле республики действовал аналогичный закон, принятый в 1995 году.

Углубляясь в историю, нельзя не упомянуть Постановление Верховного Совета ПМР «О праздничных днях в Приднестровской Молдавской Республике» от 24 декабря 1991 г., в преамбуле которого подчеркивалось: «выражая волю населения Приднестровья и стремясь сохранить народные традиции» [М. 3.]. В постановлении в число ежегодных праздничных дней на территории ПМР были включены:

- 7 января – Рождество Христово;
- 1-й день Пасхи – по церковному календарю;
- День поминовения усопших – второй понедельник после Пасхи» [18, с. 104].

Как видно из документов, несмотря на принципы равенства перед законом всех религиозных объединений, начиная с 1991 г. приднестровское государство учитывает тот факт, что большинство приднестровских граждан относит себя к православным, что находит отражение как в материа-

лах переписей населения, так и в материалах социологических опросов.

Документы Священноначалия РПЦ

Важными источниками являются официальные документы Московского Патриархата Русской Православной Церкви и, прежде всего, документ, принятый Архиерейским Собором РПЦ в августе 2000 г., – «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви». Этот документ излагает базовые положения учения Церкви по вопросам церковно-государственных отношений и по ряду современных общественно значимых проблем, отражает официальную позицию Московского Патриархата в сфере взаимоотношений с государством и светским обществом.

«Основы социальной концепции Русской Православной Церкви» призваны служить руководством для Синодальных учреждений, епархий, монастырей, приходов в их взаимоотношениях как с государственной властью, так и с общественными объединениями и СМИ, носящими светский характер [12].

Другой документ РПЦ – это «Концепция молодежного служения Русской Православной Церкви» [9], принятая в апреле 2000 г. Священным Синодом Русской Православной Церкви. В «Концепции» обосновывается необходимость молодежного служения в Церкви, его цели, задачи, принципы и формы организации.

В марте 2007 г. Священный Синод РПЦ утвердил «Концепцию миссионерской деятельности Русской Православной Церкви» [8], а в марте 2013 г. – «Миссию тюремного служения Русской Православной Церкви и пенитенциарные учреждения» [11].

Все документы Священноначалия РПЦ содержат в себе положения, общие для всех епархий, а значит, являются руководством и для ТДЕ, выступая в качестве важного источника изучения ее истории.

Архивные материалы

Третья большая группа источников, которая является основной для работы над историей ТДЕ, – это ее архивы. В них главное место занимают ежегодные отчеты епархии перед Патриархией. Ниже приводится их общая характеристика.

Первые отчеты 1995–2000 гг., 2000 г., 2001 г. были выполнены на бумажных носителях, а информация носила достаточно пространственный характер. Так, первый отчет «О деятельности Дубоссарского викариатства – Тираспольско-Дубоссарской епархии Молдавской Митрополии» от 23 июля 2000 г., адресованный Патриарху Московскому и всея Руси Алексию и подписанный Юстинианом, епископом Тираспольским и Дубоссарским «с сыновьей преданностью», содержал всего 23 страницы. В него вошли «Административно-территориальное положение», карта епархии, краткая историческая справка об истории православных приходов Приднестровья (5 с.), «Современное положение дел в Тираспольско-Дубоссарской епархии (5 с. с фото), информация о доходах и расходах епархиального управления за 1999 г. в процентах, список приходов ТДЕ, список священнослужителей, а также список священнослужителей, запрещенных в служении. Приложениями к отчету были публикации из газеты «Православное Приднестровье» [15].

Второй отчет за 2000 г. также невелик – 21 страница текста с включением большого числа фотографий. Сам текст не разбит на параграфы, поэтому вопросы внутрицерковной жизни перемежаются информацией о концертах духовной музыки, о новом здании епархиального управления, о благотворительности и т. д.

Приложения содержат ту же информацию, что и в предыдущем отчете. Добавлены сведения о епархиальных собраниях, о предметах, утвержденных к преподаванию, о расписании занятий в епархиальной школе псаломщиков, о расписании пребывания чудотворной Киевской иконы Божией Матери, именуемой «Призри на смирение» (август – сентябрь), а также план-график лекций диакона Андрея Кураева.

Аналогичный характер носит и отчет епархии за 2001 г.

Постепенно отчеты ТДЕ становятся более структурированными, что связано, видимо, с общими требованиями Патриархии к их оформлению. Увеличивается и объем приложений.

Например, отчет ТДЕ за 2005 г. содержит следующую информацию:

- общее состояние на 31. 12. 2005 г. (количество церковных единиц; количество священнослужителей; количество монашествующих (не имеющих священного сана);
- доходы и расходы в процентном отношении;
- общие сведения;
- характеристика региона;
- главные события в жизни епархии;
- деятельность правящего архиерея;
- отчет о проведении епархиальных собраний;
- епархиальные отделы;
- о благочиниях;
- жизнедеятельность монастыря;
- план намечаемых общепархиальных мероприятий на следующий год [13].

Общее число страниц отчета – 47, приложений – 36.

Для того, чтобы оценить, какую информацию можно получить из отчета епархии, приведем расшифровку того, о чем говорится в разделе 6 «Епархиальные отделы».

Раздел 6 предоставляет информацию о руководителях отделов; о социальном служении; епархиальных и приходских социальных службах; о взаимодействии с государственными и общественными учреждениями социальной направленности; о благотворительной помощи; об образовании и религиозном просвещении (духовные школы, катехизаторская деятельность, воскресные школы, православные общеобразовательные школы, лицеи, гимназии, духовно-просветительская работа в государственных и светских общеобразовательных и детских дошкольных учреждениях, православные библиотеки, православные кон-

ференции, семинары и чтения, культурно-массовая деятельность, работа со средствами массовой информации). Здесь же освещаются работа с молодежью; информационно-издательская деятельность; миссионерская, апологетическая, противосектантская деятельность; взаимоотношения с воинскими подразделениями и правоохранительными органами (работа в воинских частях, в ИТУ, взаимоотношения с казачеством) [14, с. 24–41].

Структура отчета епархии в основном сохраняется и в последующие годы. Однако следует отметить увеличение объемов отчетов начиная с 2010 г., когда в Приднестровье был назначен новый правящий архиерей. Так, отчет за 2010 г. вместе с приложениями составил 386 страниц, за 2011 г. – 263, за 2012 г. – 299, за 2013 г. – 191, за 2014 г. – 227, за 2015 г. – 228, за 2016 г. – 216, за 2017 г. – 294, за 2018 г. – 287.

Если на момент создания Дубоссарского викариатства в Приднестровье действовало 27 храмов, в которых несли службу 35 священников, то на конец 2018 г. в штате ТДЕ насчитывалось 148 клириков, из которых 128 несли службу на 108 приходах, восемь – послушание в монастырях епархии, 12 пребывали под запретом. Кроме того, восемь клириков были выведены за штат, но их личные дела не были востребованы.

В епархии существуют три монастыря с общим числом насельников 81 человек [14].

Выступления правящего архиерея

Еще одна группа источников – доклады и выступления правящего архиерея, хранящиеся в архиве ТДЕ.

В первую очередь, это доклады на ежегодных епархиальных собраниях. В них правящий архиерей подводит итоги событий епархиальной жизни, выделяет достижения, говорит о проблемах.

Безусловный интерес вызывают выступления архиепископа на различных научных форумах –

Международных Рождественских чтениях в Москве, на Покровских и Михайло-Архангельских чтениях в Тирасполе и Рыбнице, на Республиканских августовских конференциях работников системы просвещения ПМР, на съездах православной молодежи Приднестровья и др. В них поднимаются проблемы Православной веры, духовно-нравственного воспитания молодежи, патриотизма, исторических корней народа, его культуры.

Материалы СМИ

Наконец, к источникам по истории ТДЕ, позволяющим раскрыть тему исследования, относятся материалы, размещаемые в СМИ, в первую очередь, в печатных, а также в интернете. Так, начальный период деятельности ТДЕ получил отражение в материалах газеты «Православное Приднестровье», выходившей в 1998–2014 гг. В 2019 г. выпуск «Православного Приднестровья» был возобновлен. Первый номер (№ 312) вышел в свет в январе. К настоящему моменту вышли десять номеров газеты.

Текущие события в жизни ТДЕ освещаются на сайте епархии, который существует с 2002 г. Его электронный адрес: <http://www.diocese-tiras.org/index.php>.

Таким образом, можно констатировать, что существует значительный массив источников по истории Дубоссарского викариатства и ТДЕ, т. е. за 23 года ее существования. Источники позволяют изучить историю епархии, проанализировать главные направления ее деятельности, включая вопросы социального служения, заботы о сохранении нравственности в обществе, о духовном, культурном и историческом образовании и воспитании общества; дело милосердия и благотворительности, поддержку института семьи, материнства и детства, попечение о воинах и сотрудниках правоохранительных учреждений, о лицах, находящихся в местах лишения свободы, и т. д.

Отдельный и весьма важный вопрос – вопрос взаимодействия ТДЕ и органов государственной

власти ПМР – также получает отражение в источниковой базе исследования.

Безусловно, важным и необходимым в любом историческом исследовании является изучение историографии. Состояние изученности темы можно охарактеризовать как явно недостаточное.

Прежде всего, следует отметить, что научный интерес к проблемам изучения истории Православия на нашей территории у приднестровских историков появляется именно с возникновением ТДЕ. Важным представляется, что сама ТДЕ в рамках сотрудничества с ПГУ им. Т. Г. Шевченко выдвинула идею проведения Покровских чтений – ежегодной научно-просветительской конференции, участие в которой активно принимают как ученые, так и студенты. Первые Покровские чтения прошли в 1997 г., и с тех пор их проведение стало традиционным. По результатам чтений в 2000–2008 гг. выходили сборники научных докладов. Однако в основном научные доклады были посвящены истории Православия в Приднестровье, начиная с момента появления христианства до середины 1960-х гг. [17; 23; 24; 26; 27].

Той же тематике были посвящены и статьи в Ежегодном историческом альманахе Приднестровья [10; 16; 20; 23–26].

Среди научных публикаций, по нашему мнению, следует выделить несколько статей, касающихся именно интересующей нас темы. Так, например, В. А. Содоль в статье «К вопросу о конфликте вокруг Кишинёвской семинарии» описывает конфликт, возникший в связи с назначением 3 апреля 2001 г. решением Священного Синода Русской Православной Церкви епископа Тираспольского и Дубоссарского Юстиниана ректором семинарии, находившейся тогда в Свято-Вознесенском Кицканском монастыре. В конфликт были вовлечены как преподаватели семинарии, так и насельники монастыря, а к неподчинению Священноначалию активно подстрекал епископ Единецкий и Бричанский Доримедонт. Автор статьи базировался на материалах прессы [21].

Непосредственно созданию, становлению и деятельности ТДЕ посвящено совсем немного исследований. К ним можно отнести ряд научных работ, а именно: статью «История становления Тираспольско-Дубоссарской епархии Молдавской Митрополии Московского Патриархата РПЦ» [5], а также статью О. П. Бадашко «Становление и развитие православных приходов в Приднестровской Молдавской Республике в период 1995–2000 гг.» [1]. Последняя построена на материалах газеты «Православное Приднестровье» за 1998–2001 гг. и повествует о становлении новых приходов и строительстве новых храмов, а статья «История становления Тираспольско-Дубоссарской епархии Молдавской Митрополии Московского Патриархата РПЦ» – это материал сайта епархии (diocese@tiratel.md) того периода (2003 г.). Половину его составляет перечисление храмов епархии.

На наш взгляд, интерес представляет также статья В. А. Содоль «Православная Церковь в Республике Молдова и ПМР: некоторые особенности и итоги развития в постсоветских условиях» [22]. В. А. Содоль, в частности, указывает на необходимость проанализировать процесс возрождения Православной церкви в Приднестровье в сравнении с таким же процессом в Молдове. Отмечая большое влияние церкви на умонастроения людей, В. А. Содоль обращает внимание на серьезную проблему Молдавской Митрополии Московского Патриархата в связи с деятельностью Бессарабской Митрополии, зарегистрированной молдавским правительством в 2002 г. Одновременно автор обращает внимание на позитивный пример «взаимопонимания и сотрудничества Православной Церкви как государствообразующей организации и государственных органов Приднестровской Молдавской Республики» [22].

Определенным итогом исследования начального этапа истории ТДЕ стал § 3 главы XXII многотомной «Истории Приднестровской Молдавской Республики» – «Православная церковная организация в ПМР на современном этапе», написанный В. А. Соделем. В нем на основе изучения отчетов

епархии для Патриархии (2000 г.) и других источников автор рассматривает процесс создания Бендерского викариатства (1990 г.), Дубоссарского викариатства (1995 г.) и ТДЕ Молдавской Митрополии (1998 г.), а также основные направления ее деятельности, т. е. кратко освещена история ТДЕ 1995–2000 гг. [4, с. 427–436].

Аналогичный материал можно найти в издании ТДЕ – брошюре, приуроченной к 5-й годовщине создания Дубоссарского викариатства [25]. Хронологически, кроме предваряющего, собственно, историю ТДЕ периода, охвачен период ее деятельности в 1995–2004 гг. Оба материала небольшие по объему прежде всего потому, что к моменту их появления ТДЕ существовала, соответственно, пять и девять лет.

Определенный интерес представляет монография Вячеслава Чорбы «Православная церковь Бессарабии и Транснистрии» [28], изданная в Кишинёве Ассоциацией молодых историков Молдовы в 2011 г.

Исходя из того, что временные рамки исследования ограничены 1940–2010 гг., относительно темы истории ТДЕ материал сконцентрирован в главе «Аспекты церковной жизни в Республике Молдова в 1989–2010 гг.» Здесь можно найти краткую информацию о епископе Бендерском Викентии, епископе Тираспольском и Дубоссарском Юстиниане, епископе Тираспольском и Дубоссарском (на тот момент, позже — архиепископе) Савве в разделе «Иерархи».

В разделе «Религиозная пресса» указывается, что с 1997 г. издается газета «Православное Приднестровье». Однако у автора присутствует явная тенденциозность в освещении событий. О его предубеждении свидетельствует, например,

следующая цитата: «Среди информации о жизни Тираспольско-Дубоссарской епархии публиковалась и серия тенденциозных статей, отражавших сепаратистскую политику тираспольских властей» [28, с. 259], – или же оценки, даваемые автором работы в разделе «Теологическое образование» известному конфликту 2001 г. в семинарии [28, 261–263].

Краткую историю ТДЕ можно найти также в издании «Святыни русского Православия юга Украины и Молдавии: историко-документальный фотоальбом» [19, с. 317–322].

Период истории ТДЕ с момента создания Дубоссарского викариатства до 2010 г. стал темой дипломной работы автора настоящей статьи. Позже данный материал вошел в изданную в 2018 г. книгу «Дело веры и труд любви. Страницы истории Тираспольско-Дубоссарской епархии» [2]. В данном издании охвачены все основные направления деятельности ТДЕ за 1995–2018 гг., но скрупулезного исследования всех отчетов с приложениями за 2010–2017 гг. не проводилось, были выделены лишь главные события как внутрицерковной жизни, так и основных аспектов социального служения церкви.

Историография истории ТДЕ насчитывает не так много работ, в основном, это научные статьи. Богатая событиями история Православия в Приднестровье получила определенное освещение (тоже, на наш взгляд, недостаточное). Деятельность Дубоссарского викариатства, а затем и ТДЕ нуждается в обобщении, тем более, что каждый год приносит новые примеры развития епархиальной жизни и плодотворного сотрудничества Православной Церкви с государственными структурами и общественностью Приднестровья.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бадашко О. П. 2010. Становление и развитие православных приходов в Приднестровской Молдавской Республике в период 1995–2000 гг. // Покровские чтения. Кн. 11, с. 11–13.
2. Волкова А. З., Заложкова М. П. 2018. Дело веры и труд любви. Страницы истории Тираспольско-Дубоссарской епархии. Тирасполь: Полиграфист.
3. Закон Приднестровской Молдавской Республики «О свободе совести и религиозных объединениях» от 19 февраля 2009 г. № 668-З-IV (САЗ 09-8).
4. История Приднестровской Молдавской Республики. Т 2. Вторая часть. 2001. Тирасполь: ПГУ.
5. История становления Тираспольско-Дубоссарской епархии Молдавской митрополии Московского Патриархата РПЦ. 2003. // Ежегодный исторический альманах Приднестровья. № 7, с. 85–88.
6. Конституция (Основной Закон) Приднестровской Молдавской Республики. Принята 2 сентября 1991 г. на IV съезде Советов депутатов всех уровней.
7. Конституция Приднестровской Молдавской Республики. Принята на всенародном референдуме 24 декабря 1995 г. СЗМР 96-1.
8. Концепция миссионерской деятельности Русской Православной Церкви. <http://www.patriarchia.ru/db/text/220922.html>.
9. Концепция молодежного служения Русской Православной Церкви. <https://pravoslavmolodezh.ru/wp-content/.pdf>.
10. Мельничук А. А. 1999. Из истории церковного строительства Тираспольского уезда (XVIII – начало XIX в.) // Ежегодный исторический альманах Приднестровья. № 3, с. 71–74.
11. Миссия тюремного служения Русской Православной Церкви и пенитенциарные учреждения». <http://www.patriarchia.ru/db/text/2843078.html>.
12. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html>.
13. Отчет о деятельности Дубоссарского викариатства – Тираспольско-Дубоссарской епархии Молдавской Митрополии РПЦ (1995–2000 г.) // Архив Тираспольско-Дубоссарской епархии, б. н.
14. Отчет о деятельности Тираспольско-Дубоссарской епархии Молдавской Митрополии РПЦ за 2005 год // Архив Тираспольско-Дубоссарской епархии, 2018, б. н.
15. Православное Приднестровье. <http://www.diocese-tiras.org/magazine.php>.
16. Самоний А. Г. 2000. Приднестровье и церковно-политическая история Галицко-Волынского княжества // Ежегодный исторический альманах Приднестровья. № 4, с. 23–26.
17. Самоний А. Г. 2001. Развитие православной церкви в Приднестровье в период Галицко-Волынского княжества // Покровские чтения. Кн. 2–3, с. 23–25.
18. Сборник постановлений Верховного Совета ПМР. 1992. Тирасполь.
19. Святые русского Православия юга Украины и Молдавии: историко-документальный фотоальбом. 2016. Бендеры: Полиграфист.
20. Содоль В. А. 2006. К вопросу о церковной унии в Приднестровье (XIII–XVIII вв.) // Ежегодный исторический альманах Приднестровья. № 10, с. 21–28.
21. Содоль В. А. К вопросу о конфликте вокруг Кишинёвской семинарии // Покровские чтения. Кн. 4. 2001, с. 33–35.
22. Содоль В. А. 2005. Православная Церковь в Республике Молдова и ПМР: некоторые особенности и итоги развития в постсоветских условиях // Покровские чтения. Кн. 7, с. 42–45.

-
23. Содоль В. А. 2001. Проповедь Святого апостола Андрея Первозванного и начало христианства в Приднестровье // Покровские чтения. Кн. 2–3, с. 33–34.
24. Содоль В. А. 2001. Соперничество католической и православных церквей в Днестровско-Карпатских землях в XII–XIV веках // Покровские чтения. Кн. 2–3, с. 30–32.
25. Тираспольско-Дубоссарская епархия. Страницы истории. 2005. Тирасполь: Тираспольско-Дубоссарская епархия.
26. Царан Т. И. 2003. Документы по истории РПЦ в Приднестровье послевоенных десятилетий в фондах Национального архива Республики Молдова // Покровские чтения. Кн. 6, с. 44–45.
27. Царан Т. И. 2002. Советская власть и православная церковь в Приднестровье в 20–30-е годы XX столетия // Покровские чтения. Кн. 4, с. 41–45.
28. Ciorbă V. Biserica ortodoxă din Basarabia și Transnistria (1940–2010). 2011. Chișinău: Pontos.
-

РЫБНИЦА В ГОДЫ ОБРАЗОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ МОЛДАВСКОЙ АВТОНОМНОЙ СОВЕТСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ: 1924–1940 гг.

Л. А. Мараренко,

главный хранитель фондов

Рыбницкого историко-краеведческого музея

В соответствии с принципами ленинской национальной политики, на основании волеизъявления трудящихся Молдавии, в октябре 1924 г. образовалась Молдавская Автономная Советская Социалистическая Республика.

Находясь в 1923 г. в Москве, герой гражданской войны Григорий Иванович Котовский в беседе с Михаилом Васильевичем Фрунзе говорил о всеобщем стремлении трудящихся к созданию национальной советской республики. И 4 февраля 1924 г. Г. И. Котовский с П. Д. Ткаченко при горячей поддержке М. В. Фрунзе обратились в Центральный комитет Рабоче-крестьянской партии (большевиков) и Центральный комитет Коммунистической партии (большевиков) Украины с письмом, в котором от имени народных масс ходатайствовали о необходимости создания Молдавской Автономной Советской Социалистической Республики. ЦК РКП(б), учитывая стремление молдавского народа к самоопределению, поручил ЦК Украины осуществить необходимые меры по созданию молдавского советского государства.

В марте 1924 г. при Одесском губкоме партии была создана молдавская секция, которая развернула массово-политическую работу среди молдавского населения левобережного Приднестровья, занималась подготовкой кадров из числа молдаван, издавала литературу на молдавском языке. Наблюдение за быстрее́м решением этого вопроса было поручено М. В. Фрунзе, и 29 июля 1924 г. на обсуждении в Политбюро Центральный комитет рабоче-крестьянской партии (большевиков) постановил: «Считать необходимым, прежде всего по политическим соображениям, выделение молдавского населения в специальную автономную республику в составе Украинской Советской Социалистической республики и предложить Центральному Комитету Коммунистической партии (большевиков) Украины дать соответствующие директивы украинским советским органам» [12, с. 389].

В рубрике

95 ЛЕТ ОБРАЗОВАНИЯ МАССР

• РЫБНИЦА В ГОДЫ
ОБРАЗОВАНИЯ
И РАЗВИТИЯ МАССР:
1924–1940 гг.

Главную роль в принятии этого решения сыграл М. В. Фрунзе. Его поддержали И. В. Сталин, Л. Б. Каменев и другие руководители Союза Советских Социалистических Республик.

Первоначально вся полнота власти в автономии формально концентрировалась в руках Временного Революционного комитета. В своей деятельности он руководствовался действующим законодательством и был подотчетен Всеукраинскому Центральному Исполнительному комитету.

Политбюро ЦК КП(б)У 12 августа 1924 г. решило создать в Одессе Организационную комиссию во главе с А. Л. Гринштейном. Ей поручалось предварительно определить границы автономии и проработать другие связанные с образованием новой республики вопросы. На многочисленных митингах, проведенных в молдавских селах левобережья Днестра в августе–октябре 1924 г., идея создания Молдавской республики получила массовую поддержку населения. 19 сентября после завершения основной части подготовительной работы было принято «Постановление 3-й Сессии Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета»:

«Образовать в составе Украинской Социалистической Советской Республики Автономную Молдавскую Советскую Социалистическую Республику.

Поручить образуемой президиумом ВУЦИК смешанной комиссии из представителей МАССР и губернских исполнительных комитетов Одесской и Подольской губерний точно определить границы МАССР с предоставлением их на окончательное утверждение президиума ВУЦИК.

Временное определение основ государственного устройства и конституционных взаимоотношений МАССР и УССР возложить на президиум ВУЦИК, уполномочив последний, после выработки этих основ, представить их на утверждение первого съезда советов МАССР и, по одобрении последним, представить на окончательное утверждение всеукраинского съезда советов.

Для создания органов власти на территории МАССР и для созыва всемолдавского съезда советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов организовать временный революционный

комитет, которому предоставить всю полноту власти на территории МАССР до созыва первого съезда Советов.

Утверждение личного состава Временного Ревкома поручить Президиуму ВУЦИК» [9, с. 2–3].

Юридическое оформление образования МАССР произошло 12 октября 1924 г. В автономную республику вошли 9 районов Одесской и Подольской губерний целиком, и пять районов – частично. Из них было создано 12 районов МАССР.

Республика была образована из 12 районов, полностью включенных, и части Валегоцуловского района, который был расформирован. Часть, отошедшая к АМССР, была присоединена к Ананьевскому району. От Одесского округа перешло четыре района – Тираспольский, Слободзейский, Григориопольский и Дубоссарский; от Балтского района: Балтский, Бирзульский, Ставровский, Ананьевский, Крутянский, Рыбницкий, Алексеевский; от Тульчинского округа Подольской губернии – Каменский район [5, с. 11].

Таким образом, площадь республики в 1924 г. составляла 8,1 тыс. км² [12, с. 389]. Население составляло 545 598 человек, из них городского – 53 733 человека. Национальный состав: молдаване – 32,07%; украинцы – 38,8%; русские – 11,7%; евреи – 11,3%; немцы – 3,0%, прочие – 3,0% [5, с. 13].

В апреле 1925 г. ревком провел I Всеомолдавский съезд Советов, на котором был избран Центральный Исполнительный Комитет (ЦИК) и принята Конституция автономной республики, утвержденная в мае того же года IX Всеукраинским съездом Советов. Делегатом I сессии ЦИК МАССР был избран Федор Кононович Антосяк (рис. 1), уроженец с. Мокра ныне Рыбницкого района [15, с. 96]. В годы коллективизации активно участвовал в строительстве новой жизни в деревне. Награжден орденом Трудового Красного Знамени и орденом «Знак Почета» [12, с. 20].

30 мая 1973 г. решением Исполнительного комитета Рыбницкого городского Совета народных депутатов № 9/81 «в связи с 100-летием со дня рождения и увековечения памяти организатора восстания крестьян села Мокра Рыбницкого района в 1905 году» в г. Рыбница улица Физкультур-

ная была переименована в улицу имени Федора Антосяка.

В 1927 г. председателем ЦИК МАССР стал уроженец с. Большой Молокиш Евстафий Павлович Воронович, государственный деятель МАССР, член Коммунистической партии с 1925 г. В 1920–1921 гг. был председателем Большемолокишского волостного комитета незаможных селян, заведующий сельскохозяйственным отделом Рыбницкого райисполкома с 1921 г. по 1925 г., председатель Рыбницкого райисполкома (1925–1926 гг.) [12, с. 112–113]. В 1937 г. он был репрессирован [2].

Образование Молдавской Автономной Советской Социалистической Республики явилось выдающимся событием в истории молдавского народа. Оно открыло новые горизонты для развития творческих сил трудящихся, подъема народного хозяйства и культуры республики.

Местечко Рыбница после вхождения в состав МАССР претерпело много изменений, что дало огромный толчок в развитии во всех сферах деятельности. Так, в 1924 г. Рыбница получила статус «поселок городского типа и районный центр», а в 1938 г. приобрело статус «город». В Рыбницком районе насчитывалось: населения – 41 993 человек, хозяйств – 9 864, 1 поселковый совет и 20 сельских советов [1].

XVI съезд РКП(б), провозгласивший курс на индустриализацию страны, оказал решающее влияние на создание и быстрое развитие промышленности и в ранее отсталых аграрных районах страны.

Осенью 1926 г. был отремонтирован и сдан в эксплуатацию Рыбницкий сахарный завод, одно из крупнейших предприятий Молдавии. За первый производственный сезон оно выработало 55 143 ц сахара, а в 1939 г. – 98 198 ц сахара-песка, что более чем в шесть раз превышало продукцию 1913 г. [1]. Предприятия технически перевооружались, увеличивая свои мощности.

В 1927/28 гг. почти в два раза увеличился объем продукции известкового завода, давшего стройкам 1 550 вагонов извести. Была построена узкоколейная железнодорожная линия стоимостью 34 440 рублей [1]. Качество извести было высоким, и она пользовалась большим спросом на стройках Украины и РСФСР.

Рис. 1. Делегаты I сессии ЦИК МАССР.
Ф. К. Антосяк – 4-й ряд, 4-й слева. Фонд РИКМ,
ВФ-313

Наращивал темпы Рыбницкий каменный карьер. Это производство обеспечивало камнем промышленность юга Украины. В 1925 г. оно добывало до 10 млн пудов камня в месяц [1]. В 1930 г. для каменных разработок был приобретен импортный экскаватор – тогда единственный в республике.

Громадную роль в перевыполнении производственных планов сыграло социалистическое соревнование рабочего класса.

Рабочие сахарного завода одними из первых в стране заключили «Договор о коллективном социалистическом соревновании», среди первых в МАССР откликнулись на почин Стаханова рабочие Рыбницких каменных разработок. Успешно трудились Василий Григорьевич Рыбкин, вырабатывавший за смену 54 тонны камня вместо 14 по норме, Зиновий Иванович Балан, выработка которого составила 45 тонн за смену (рис. 2). Рабочие Швеи, Орловский, Плугарь выполняли по 2–2,5 нормы за смену [1]. В 1930 г. на сахарном заводе работало 140 ударников, на известковых разработках – 117 [1].

Быстрыми темпами развивалась промышленность страны, сельское хозяйство значительно отставало. Чтобы обеспечить победу социализма, нужно было индивидуальные крестьянские хозяйства перевести на колхозные рельсы, претворяя в

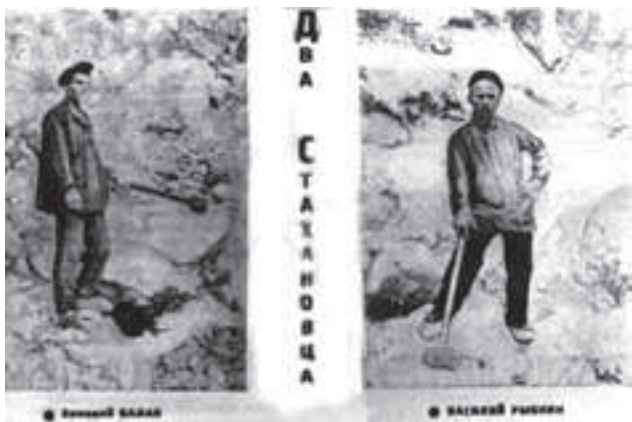

Рис. 2. Два стахановца, Василий Рыбкин и Зиновий Балан, на Рыбницких каменных разработках. Фонд РИКМ, ВФ

Рис. 3. Зинаида Гуцуленко на тракторе «Интер». Фонд РИКМ, КП-1375

жизнь ленинский кооперативный план. XV съезд партии, проходивший в декабре 1927 г., взял курс на коллективизацию сельского хозяйства.

В 1924 г. была организована одна из первых в республике коммуна им. В. И. Ленина, которая стала образцовым хозяйством. На ее примере крестьяне убеждались в преимуществе колхозного строя. Уже к марту 1931 г. в Рыбницком районе было коллективизировано 67% крестьянских хозяйств.

Появились новые предприятия: винзавод, маслозавод. Начала действовать электростанция. В

1930 г. постановлением СНХ МАССР было начато строительство Рыбницкой электрической станции (протокол № 31 от 31 августа 1930 г.) [10, с. 2].

В 1925–1926 гг. в городе и в Рыбницком районе насчитывалось 10 школ. На следующий год было построено еще две школы – в селах Колбасна и Малый Молокиш [13, с. 7–9]. В 1928–1929-е гг. в Рыбнице открыт вечерний рабочий факультет от Киевского горного института. Построена больница на 60 коек. Население обслуживали 10 врачей.

Большую роль в социалистическом переустройстве села сыграли машинно-тракторные станции. Лучшей в республике стала Воронковская МТС, которая Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 февраля 1940 г. за выдающиеся заслуги в подъеме сельского хозяйства была удостоена высшей награды Родины – ордена Ленина [3]. В фондах Рыбницкого историко-краеведческого музея хранятся воспоминания Зинаиды Николаевны Гуцуленко (рис. 3), окончившей первые курсы трактористов в с. Гидирим при Воронковской МТС и работавшей на этой МТС с 1929 г. по 1933 г.: «Я сразу села за трактор – марка трактора «Интер» (американская). Приходилось обрабатывать все культуры: сеять, пахать, косить. Работала от зари до зари» [7].

С каждым годом все больше техники приходило в колхозы. В 1935 г., при подведении итогов социалистического соревнования комбайнеров, Молдавская областная конкурсная комиссия назвала победителями соревнования комбайнеров Воронковской машинно-тракторной станции Рыбницкого района – комсомольцев Ивана Терлецкого, Максима Шойлина и Ивана Вышковского.

Начавшееся в 1935 г. стахановское движение в промышленности оказало влияние на рост трудовой активности и колхозных масс. В колхозах возникло движение передовиков производства, среди которых были звеньевая колхоза «Красный Октябрь» Рыбницкого района Евгения Евтихеевна Плацинда, звено которой при обязательстве получить в 1937 г. с каждого гектара 700 ц сахарной свеклы собрало по 719, и звеньевая колхоза «Заветы Ленина» села Плоть Мария Павловна Козубская.

Мария Павловна, узнав о трудовом подвиге двух украинских звеньевых, Марии Демченко и Марины Гнатенко, которые собрали невиданный урожай сахарной свеклы – 500 центнеров с гектара, предложила подругам поставить свой рекорд. Но мало кто поддержал тогда звеньевую. Даже председатель колхоза, и тот отмахнулся. Но Мария не сдавалась, она посетила слет сельских ударников, где ее поддержал секретарь райкома партии. Словно на крыльях, возвращалась Мария в родное село. Собрав подруг, рассказала им все как было. Цифра «500» постоянно стояла перед глазами. Девушка разверстывала ее на грядки, мысленно прикидывала корни на весах. Уже в который раз пересчитывала растения. Но год, как назло, выпал капризный. Весной ударили заморозки. Две ночи подряд девчата жгли костры. Летом началась засуха. За три месяца не выпало ни одного дождя – тысячи ведер воды перетаскали комсомолки на свое поле. С большим нетерпением ждали девчата осени. Но природу не обманешь, и до обязательства не хватило 20 центнеров. «Я же честное комсомольское давала, – сквозь слезы говорила Мария. – А оказалось, что всех обманула» [4].

В феврале 1935 г. в Москве состоялся II съезд колхозников-ударников. В число шести делегатов от Молдавской АССР входила Мария Козубская из колхоза «Заветы Ленина» села Плоть Рыбницкого района (рис. 4). Съезд запомнился ей на всю жизнь. Много полезных советов и наставлений услышала Мария из выступлений других участ-

Рис. 4. Мария Козубская на II съезде колхозников-ударников в Москве. Фонд РИКМ, ВФ-325

ников. Там же она встретила с Марией Демченко, рассказала ей о своих огорчениях, планах на будущее.

В том же сезоне Мария Козубская со своим звеном сдержали свое слово и собрали по 500 центнеров свеклы. Это был самый высокий урожай во всей Молдавии. А осенью 1936 г. каждый гектар их плантаций дал уже по 750 центнеров сахарной свеклы [6]. Сегодня именем легендарной комсомолки, стахановки-пятисотницы Марии Козубской назван переулок в родном селе Плоть Рыбницкого района [11].

В 1938 г. Рыбница приобретает статус города Указом ВУ ЦИК УССР (рис. 5) [14]. В городе действовали 5 школ, детские сады, кинотеатр на 400

34.

Указ про віднесення населених пунктів до категорії міст і селищ міського типу та поширення меж міста Тирасполя Молдавської Автономної Радянської Соціалістичної Республіки.

Затвердити постанову Президії ЦВК Молдавської Автономної Радянської Соціалістичної Республіки від 10 липня 1938 р. про віднесення населених пунктів до категорії міст і селищ міського типу та поширення меж міста Тирасполя.

1.

Віднести до категорії міст селища міського типу — Котовськ та Рибицю, з міськими радами, підпорядкованими райвиконкомам, із збереженням за ними попередніх найменувань.

1. До існуючого складу міста Котовська включити всі населені пункти Лунчанської сільської ради.

Лунчанську сільраду, Котовського району, ліквідувати.

2. Виключити з існуючого складу міста Рибиця селища Шмалене, Піскою, Бузьки, радгоспу Ульма та Мала Ульма.

Утворити в складі цих населених пунктів нову сільраду, з привласненням їй найменування — **Шмаленська**.

Рис. 5. «Указ про віднесення населених пунктів до категорії міст і селищ міського типу та поширення меж міста Тирасполя Молдавської Автономної Радянської Соціалістичної Республіки» (Фотокопія). Фонд РИКМ, ВФ

мест, несколько библиотек. Этим подчеркивались достижения тружеников в экономическом и культурном строительстве.

2 августа 1940 г. на VII сессии Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик был принят закон об образовании союзной Молдавской Советской Социалистической Республики [8, с. 135].

В состав МССР были включены: шесть из девяти уездов Бессарабской губернии (Бельцкий, Бендерский, Кагульский, Кишиневский (в том числе – город Кишинев), Оргеевский, Сорокский), и 6 из 14 районов бывшей МАССР (Григориопольский, Дубоссарский, Каменский, Рыбницкий, Слободзейский, Тираспольский (в том числе – город Тирасполь).

Образование Молдавской Советской Социалистической Республики явилось актом огромной исторической важности. Трудящиеся республики получили возможность успешно бороться за ликвидацию экономической и культурной отсталости края. Активно восстанавливалось народное хозяйство, неуклонно рос материальный и культурный уровень трудящихся. Рабочий класс стал ведущей силой строительства новой жизни. Появилась и зрелая трудовая интеллигенция, вышедшая из среды рабочих и крестьян. В МАССР успешно протекал процесс формирования молдавской социалистической нации. К сороковым годам XX века МАССР по праву считалась развитой аграрной республикой.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алексанян А.О. 2013. Историческая справка по городу Рыбница // Архивные материалы по созданию МАССР. Исследовательская работа к 385-летию основания г. Рыбница.
2. Барбиер Н. 2006. Две судьбы // Новое время. – № 140. – 1 ноября 2006.
3. Воронковская МТС // Грамоты Президиума ВС СССР о награждении: Фотокопия // Фонд РИКМ, ВФ-429.
4. Дмитриев Л. 1962. Путь пятисотницы // Советская Молдавия. – 26 августа 1962.
5. Доклад председателя Ревкома АМССР: Фотокопия // Архивные материалы по созданию МАССР // Фонд РИКМ, ВФ-5643.
6. Лемберг Д. 1958. Жизнь нужно прожить так! // Молодежь Молдавии. – № 44. – 15 апреля 1958.
7. Личное дело: Гуцуленко Зинаида Николаевна. Воспоминания // Фонд РИКМ, ВФ-8046.
8. Молдавская Советская энциклопедия. 1979. Кишинев: Главная редакция Молдавской Советской Энциклопедии.
9. Постановление III сессии ВУЦИК 8-го созыва: Об образовании МАССР. 12 октября 1924 г. // Фонд РИКМ, ВФ-3642.
10. Протокол заседания СНК МССР о проекте постройки Рыбницкой электростанции. № 31. – 31 августа 1930. // Фонд РИКМ, ВФ-640.
11. Село Плоть Рыбницкого района // Фонд РИКМ, ВФ-8047.
12. Советская Молдавия: Краткая энциклопедия. 1982. Кишинев: Главная редакция Молдавской Советской энциклопедии.
13. Тезисы докладов на Сессии ЦИК АМССР. Школьная сеть на 1926/27 учебный год: Фотокопия // Фонд РИКМ, ВФ-5643-25.
14. Указ про віднесення населених пунктів до категорії міст і селищ міського типу та поширення меж міста Тирасполя Молдавської Автономної Радянської Соціалістичної Республіки // Фонд РИКМ, ВФ 1639/1.
15. Энциклопедия Приднестровской Молдавской Республики. 2010. Тирасполь: Полиграфист.

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЛЕВОБЕРЕЖНОГО ПОДНЕСТРОВЬЯ В КОНЦЕ XVIII–XIX в.

Е. Ф. Тащи,

директор Музея археологии

Поднестровья

ПГУ им. Т. Г. Шевченко

Изучение истории археологических изысканий и сохранение информации о проводивших эти исследования ученых является важным направлением деятельности Музея археологии Поднестровья Приднестровского государственного университета им. Т. Г. Шевченко. Аккумулируемая информация позволяет не только выделять основные этапы изучения левобережного Поднестровья, но и собирать данные об археологических артефактах, обнаруженных в разное время в регионе. Кроме того, создается база данных о людях, внесших свой вклад в изучение древнейшего прошлого нашего края.

Традиционно считается, что археология Поднестровья берет свое начало с 1896 г., когда археологические памятники на левобережье Днестра впервые стали объектами научных исследований. Связана эта дата с началом деятельности смотрителя земской больницы и арестантского дома, штабс-капитана в отставке Иоила Яковлевича Стемпковского, который в окрестностях г. Тирасполя и близлежащих сел раскопал 412 курганов. Эти раскопки по своей масштабности до настоящего времени остаются наиболее значимыми из всех проведенных на территории левобережья Нижнего Днестра [10, с. 15].

Однако интерес со стороны русских и западноевропейских ученых к территории Нижнего Поднестровья начинает проявляться еще в конце XVIII в., когда территория левобережного Поднестровья после русско-турецкой войны 1789–1791 гг. вошла в состав Российской империи. Вызван этот интерес был тремя обстоятельствами. Во-первых, появилась необходимость картографирования региона. Во-вторых, были получены первые сообщения об археологических находках на берегах Днестра. В-третьих, у России в результате победоносных войн с Турцией (1768–1774 гг. и 1787–1791 гг.) и, как следствие, вхождения в состав Российской империи причерноморского побережья (Но-

В рубрике

АРХЕОЛОГИЯ ПРИДНЕСТРОВЬЯ

• АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ
ИЗУЧЕНИЕ
ЛЕВОБЕРЕЖНОГО
ПОДНЕСТРОВЬЯ В КОНЦЕ
XVIII–XIX в.

• О КИММЕРИЙСКИХ
ПЛЕМЕНАХ
В ПРИДНЕСТРОВЬЕ

• ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ
ПАМЯТНИКОВ
САРМАТСКОЙ КУЛЬТУРЫ
В ЛЕВОБЕРЕЖНОМ
ПРИДНЕСТРОВЬЕ

ПУТЕШЕСТВІЕ
ПО ВСЕМУ КРЫМУ
*
БЕССАРАБІИ
ВЪ 1799 ГОДУ,
ПАВЛОМЪ СУМАРОКОВЫМЪ.
Съ Историческимъ и Топографическимъ
описаніемъ всѣхъ мѣхъ мѣстъ.

Съ дозволенія Московской Цензуры.

МОСКВА, 1800.
Въ Университетской Типографіи,
у Ридишера и Клаудіа.

Рис. 1. Титульный лист книги П. И. Сумарокова
«Путешествие по всему Крыму и Бессарабии
в 1799 г.»

вороссии) и части Крыма, появилась «своя античность», интерес к которой в этот период значительно возрос и культивировался.

Первые данные о левобережном Поднестровье и его древностях появляются в произведении П. И. Сумарокова «Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 г.» (рис. 1).

Сумароков Павел Иванович (1767–1846 гг.). Сенатор, действительный тайный советник, губернатор Витебской губернии в 1802–1812 гг., Новгородской губернии в 1812–1813 гг., писатель, член Российской академии наук, служивший в конце XVIII – начале XIX в. судьей в Крыму. В 1799 г. по приказу Павла I ему было поручено

совершить поездку на юг и составить пространную записку относительно вновь присоединенных территорий [12, с. 9].

В этом же году Павел Иванович совершает поездку, результатом которой стала публикация через несколько месяцев его книги «Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 г.». Данный труд является одним из лучших документальных свидетельств реалий южных территорий Российской империи конца XVIII в. [7, с. 15].

Несмотря на высокопарность стиля, столь характерного для эпохи «античного эпитета», когда автору необходимо было «произвести впечатление», главным достоинством произведения П. И. Сумарокова можно признать документальность изложенного материала. В книге автор не приводит упоминаний о каких-либо археологических памятниках, но это один из первых трудов русского автора с описанием населенных пунктов левобережного Поднестровья [11, с. 227–235].

Определенным толчком к практическому изучению древностей Приднестровья стало открытие в 1825 г. по инициативе генерал-губернатора Новороссии и наместника Бессарабии графа М. С. Воронцова, а также члена Попечительного комитета Новороссии пастора Карла-Августа Беттигера Одесского городского музея древностей. Этот музей стал первым, специализировавшимся на сборе археологических памятников [13, с. 215–219].

23 апреля 1839 г. группой любителей истории и археологии (тайным советником А. С. Стурдза, действительными статскими советниками Д. М. Княжевичем и А. Я. Фабром, коллежским асессором, членом Парижского Азиатского общества М. М. Кирьяковым, адъютантом Ришельевского лицея Н. Н. Мурзакевичем) было образовано Одесское общество истории и древностей (ООИД), в 1872 г. получившее наименование Императорского [13, с. 256].

Идея создания общества была высказана еще в 1820 г. керченским градоначальником И. А. Стемповским, руководившим археологическими работами в Керчи. В 1823 г. он подал губернатору Новороссии записку, в которой были изложены требования к археологическим иссле-

дованиям (документирование и четкая фиксация проводимых работ), а также аргументировалась необходимость создания общества, которое бы могло контролировать проводимые работы. Созданное Одесское общество истории и древностей стало одним из первых научно-исторических обществ России, получившим право проводить археологические раскопки во всей Южной России [5, с. 6].

Согласно первому уставу Общества, утвержденному министром народного просвещения С. С. Уваровым 25 марта 1839 г., организация ставила своей целью «распространение исторических и археологических сведений о Южной России, преимущественно о Новороссийском крае и Бессарабии». В обязанности ООИД входили сбор, описание, хранение всех древностей на этих территориях, а также критическое изучение известий древних авторов о Северном Причерноморье и его «достопримечательностях», «отыскивание следов их в настоящем времени». Его задачей стало не только издание результатов собственных «занятий» для всеобщего сведения, но и анализ «выходящих на русском и иностранных языках сочинений, имеющих тот же предмет» для определения «степени их достоверности». Помимо археологических изысканий, ООИД должно было заниматься и чисто историческими, археографическими, географическими, этнографическими, статистическими исследованиями. Параграф 47 устава гласил: «Если общество получит сведение, что какой-либо древний памятник, находящийся в пределах Южной России, подвергается разрушению, или от небрежения, или от неимения средств к поддержанию, то оно, или само, буде иметь средства, поставит себе в обязанность принять оный под свое попечение, или будет ходатайствовать о вспоможении и содействии, где следует, чрез своих президентов» [13, с. 260–261].

Интерес к Нижнему Поднестровью активизируется в связи с находкой в 1842 г. в с. Коротное мраморной плиты с римским императорским декретом 201 г., где подтверждались таможенные льготы тирасских граждан, дарованные им «блаженной памяти Антонином» [7, с. 23]. Данное обстоятельство способствовало принятию решения о

Рис. 2. Филипп Карлович Брун

направлении одного из членов ООИД Ф. К. Бруна (рис. 2) для разведок и обследований в 1850–70-х гг. окрестностей у с. Коротное Тираспольского уезда.

Филипп Карлович Брун (1804–1880 гг.) – сын фридрихсгамского купца, в 1821 г. поступил в Дерптский университет, который закончил с ученой степенью кандидата. Пробыв непродолжительное время за границей, возвратился в Петербург, где поступил на службу в министерство финансов. С 1830 г. учитель немецкого языка в Витебской гимназии, а в апреле 1832 г. переведен библиотекарем в г. Одессу, но уже с мая – преподаватель всеобщей истории и статистики Ришельевского лицея и преподаватель Одесского девичьего института. В 1835 г. удостоен звания доктора Йенского университета. После учреждения Одесского общества любителей истории и древностей (1839 г.), с 1840 г. стал его действительным членом, выполнял различные поручения Общества и публиковал статьи по эпиграфике и исторической географии Причерноморья. В 1868 г. совет Новороссийского университета возвел Ф. К. Бруна в степень доктора всеобщей истории, а с 1869 г. – в экстраординарные профессора [13, с. 262].

Рис. 3. Виктор Иванович Григорович

После совершения поездки Ф. К. Брун публикует в «Записках Одесского общества истории и древностей» статью «О местоположении Тираса», где подробно описывает факт обнаружения мраморной плиты бывшим главой села Ильей Петровым. В этой находке он видел подтверждение своего предположения, что в окрестностях с. Коротное находился Тирас новый (Офиусса Птолемея), перенесенный из местности нынешнего Белгород-Днестровска после времен Веспасиана. Примечательно, что при описании места находки Филипп Карлович указывает также местонахождение двух курганов [1, с. 48–49].

С 1840-х гг. внимание членов общества сосредотачивается на изучении курганных древностей, но в связи с недостатком средств предпринимаются лишь попытки картографирования этих памятников. В феврале 1840 г. на торжественном собрании Одесского общества истории и древностей Д. М. Княжевич предложил приступить к составлению карты курганов юга России [18, с. 63]. Одним из первых таких экспериментов стало составление археологической карты «херсонских» побережий Днепра и Днестра В. И. Григоровичем и А. П. Чирковым [7, с. 22].

Особое внимание хотелось бы обратить на деятельность В. И. Григоровича (рис. 3), для которо-

го эта работа стала не последним знакомством с памятниками юга России.

Виктор Иванович Григорович (1815–1876 гг.) родился в 1815 г. в г. Балта Ананьевского уезда Херсонской губернии, где его отец (выходец из Подолии) служил и имел участок земли. Начальное обучение, будучи католиком, получил в Уманьском базилианском училище, затем поступил в Харьковский университет на философское отделение. После окончания университета в 1833 г. переехал в Дерпт, где занимался философией, классической филологией и совершенствовался в знании иностранных языков. В 1839 г. был приглашен в Казанский университет, где преподавал на кафедре славянских наречий и где в 1840 г. получил степень кандидата. В 1843 г. был утвержден в степени магистра Русской и Славянской словесности (переходит в православие). С 1844 г. для повышения квалификации был отправлен в командировку, в которой провел четыре с половиной года, по славянским землям, преимущественно в пределах Европейской Турции. В 1849 г. переведен по обмену в Московский университет, но довольно быстро возвращается в Казань, где в 1863 г. получает звание почетного доктора славяно-русской филологии. Выйдя в отставку, с 1865 г. поселился в Одессе и начинает работу в Новороссийском университете, а также начинает активное сотрудничество с Одесским обществом истории и древностей. В 1876 г. В. И. Григорович подал в отставку и переселился в Елизаветград, где планировал продолжить путешествия и научную работу, но в декабре этого же года внезапно скончался.

В 1874 г. в Одессе была опубликована работа В. И. Григоровича «Записки антиквара о поездке его на Калку и Калмиус, в Корсуньскую землю и южное побережье Днепра и Днестра». Несмотря на то, что автор признается: «...посещал не как археолог, а как антиктвар...», в работе содержится информация не только о найденных когда-то на левобережье Днестра древностях, но и о курганах, расположенных у ряда населенных пунктов. Подымает автор также проблему появления на этой территории славянских племен. Публикация содержит карту с указанием местонахождения па-

мятников на территории побережья Днестра и Турнчука [4].

Кроме того, Общество провело большую работу по составлению инструкций для проведения археологических работ. Интерес представляют дополнения к принятым правилам, составленные в 1851 г. Н. Н. Мурзакевичем: «Наставление, как надлежит поступать при открытии древностей». Данные наставления были специально составлены для смотрителя училищ Тираспольского уезда Титгонникова, которого обязательно просили присутствовать при поисках «клада» помещиком П. Вradiевым в урочище Гетманский колодезь близ Дубоссар [13, с. 268]. К сожалению, данные о том, проводились ли эти работы, отсутствуют.

В 1847 г. известный русский археолог, председатель Московского археологического общества граф А. С. Уваров (рис. 4) составляет программу исследования памятников побережья Черного моря от устья Дуная до Диоскуриады (Сухум).

Алексей Сергеевич Уваров (1825–1884 гг.) родился 28 февраля 1825 г. в семье министра народного просвещения и председателя Главного управления цензуры графа С. С. Уварова. Получил прекрасное домашнее образование, благодаря отцу с ранних лет общался с цветом русской интеллигенции, изучал древние и новые языки. С 1841 г. по 1845 г. проходил обучение в Петербургском университете на отделении словесности философского факультета. После окончания учебы начал службу в Министерстве иностранных дел. Поездки за границу способствовали тому, что он прослушал лекции в Берлинском и Гейдельбергских университетах. В эти же годы Алексей Сергеевич увлекается коллекционированием и входит в кружок петербургских антиквариев, который, благодаря его усилиям в 1846 г., преобразуется в Археолого-нумизматическое общество. В 1840-е гг. проявляется его стремление к проведению археологических исследований. В 1848 г. он совершает поездку по побережью Черного моря. В 1850–1857 гг. работает в комиссии по исследованию древностей России при министерстве внутренних дел, где возглавляет раскопки курганов во Владимирском и Суздальском уездах, а также проводит археологические работы в Ольвии, Херсонесе и на городище Керменчик. В

Рис. 4. Алексей Сергеевич Уваров (портрет работы И.С. Куликова. 1916 г.)

1857 г. уходит в отставку. С 1864 г. обосновывается в Москве, что способствовало открытию Московского археологического общества. С 1864 г. это общество стало выпускать свои труды («Древности»), вело активную деятельность по охране памятников культуры, проводило археологические съезды (с 1869 г.). По его инициативе в 1883 г. создается Российский исторический музей. Скончался 29 декабря 1884 г. [15, с. 8–20].

В начале 50-х гг. XIX в. за свой счет А. С. Уваров совершает поездку, в результате которой появляется книга «Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря графа Алексея Уварова», изданная в 1856 г. Во втором выпуске «Исследований» содержится информация об археологических памятниках Северо-Западного Причерноморья, в том числе устья Дуная и Молдавии. В Молдавии он, правда, в большей степени интересовался нумизматикой и древними рукописями, что, тем не менее, не умаляет значимости его исследований для истории археологии Нижнего Приднестровья [15, с. 10–11].

Во второй половине XIX в. была продолжена работа по картографированию археологических памятников, которой занимался один из лучших знатоков древностей Северного Причерноморья этого периода П. О. Бурачков (рис. 5).

Рис. 5. Платон Осипович Бурачков

Рис. 6. Владислав Норбертович Юргевич
(портрет работы Н. Х. Алексомати. 1891 г.)

Платон Осипович Бурачков (1815–1894 гг.) – сын помещика Днепровского уезда Таврической губернии. Первоначальное воспитание получил в Симферопольской гимназии, в последующем окончил Харьковский университет. Прошел службу в канцелярии таврического губернатора, был чиновником по особым поручениям и избран председателем мировых судей. Совершая рабочие поездки по Таврической губернии, заинтересовался археологией, стал собирать древности и заниматься археологическими исследованиями. Был почетным членом ООИД и действительным членом всех русских обществ археологии. Автор научных статей и заметок, опубликованных в «Известиях Русского географического общества» (1875 г.), «Журнале Министерства Народного просвещения» (1876–1877 гг.), «Трудах» IV и VI археологических съездов, «Записках Одесского общества истории и древностей» (тт. IX, X и XII) и «Киевской Старине» (1886 г.). Отдельно издал «Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря» (Одесса, 1894). Коллекционер и меценат, значительно обогативший коллекции музея Одесского общества истории и древностей, а также Одесской городской библиотеки [17, с. 16–17].

П. О. Бурачков составил «Объяснение к археологической карте Новороссийских губерний и Крыма», где содержались данные и о Херсонской губернии, к которой в этот период относился Тираспольский уезд [7, с. 22]. На карте исследователем в основном были отмечены новые находки археологических артефактов от эпохи палеолита до эпохи бронзы, ставшие известными к этому времени. Автор отмечает одну из особенностей верхнего течения Днестра (Херсонской губернии), где наблюдалось наибольшее количество орудий труда каменного века [2, с. 9].

В этот же период интерес к древностям Поднестровья проявляет профессор Новороссийского университета В. Н. Юргевич (рис. 6).

Владислав Норбертович Юргевич (1818–1898 гг.) родился в Виленском университете (его отец был секретарем Совета Виленского университета), получил образование в Ковно, высшее образование – в старом Педагогическом инсти-

туте, после чего был отправлен в Германию. В 1845 г. начал работу в Харьковском университете, где защитил магистерскую диссертацию и получил звание адъюнкт-профессора греческой и римской словесности. В 1858 г. В. Н. Юргевич был назначен профессором Ришельевского лицея и переехал в Одессу. В этом же году был избран членом Одесского общества истории и древностей. Впоследствии был избран секретарем и вице-президентом (с 1883 г.). Как отмечал Э. Р. Штерн, «здесь, на юге России, в сфере деятельности нашего общества, здесь, на месте театра важных событий из древней, византийской, генуэзской и отечественной истории зрелый ученый-классик как-бы открывает свое настоящее призвание с его богатым прошлым...». В. Н. Юргевич работал над историей генуэзских колоний на юге, греческой эпиграфикой и этнологическими вопросами, особенно о роли венгров в этнографии юга России. Результатом этих занятий являлся ряд исследований, напечатанных в «Записках Одесского общества истории и древностей» [16, с. 1–22].

На I Археологическом съезде В. Н. Юргевич выступил с сообщением о результатах раскопок в 1867 г. шести курганов у местечка Рыбница Подольской губернии [7, с. 28–29]. В конце 1880-х гг. обнаружил весьма важную тирасскую надпись, найденную в 1881 г. во дворе одного из крестьян с. Чобручи (в 9 км от места обнаружения первой тирасской надписи). Мраморная плита с декретом г. Тиры, изданном при римском императоре Коммод в 181 г., привлекла к себе внимание со стороны ученых и вновь подняла вопрос о местонахождении г. Офиуссы Птолемея [6, с. 20; 14, с. 15].

Обратил внимание на наш край и выдающийся исследователь, профессор Московского университета, юрист и археолог Д. Я. Самоквасов (рис. 7).

Дмитрий Яковлевич Самоквасов (1843–1911 гг.) родился в 1843 г. в Новгород-Северском уезде Черниговской области в обедневшей дворянской семье. Здесь же закончил гимназию. В 1863 г. был зачислен в Санкт-Петербургский университет, где прошел обучение на юридическом факультете. В 1868 г. заканчивает курс кандидатом права и поступает в магистратуру. В

Рис. 7. Дмитрий Яковлевич Самоквасов

1873 г. был утвержден на должность доцента, а потом и профессора истории русского права в Варшавском университете, становится первым русским деканом этого университета. С 1891 г., после выхода на пенсию, был назначен управляющим Московским архивом Министерства юстиции и экстраординарным профессором истории русского права в Московском университете. Административной и учебной деятельности сопутствовала активная научная работа. В течение многих лет Д. Я. Самоквасов производил археологические раскопки в разных местах России. Помимо археологии, исследователь оставил заметный след и в других областях, состоял во многих ученых обществах и организациях – Императорском обществе любителей естествознания, антропологии и этнографии, Императорском Русском географическом обществе, Императорском Московском археологическом обществе (ИМАО), Императорском Русском археологическом обществе и др. Особенно активно Д. Я. Самоквасов сотрудничал с ИМАО. Он выступал с докладами на Археологических съездах (III–XIV) и заседаниях Общества, принимал участие в обсуждении разнообразных вопросов, разработке правил и программ, на собственные средства организовывал

вал раскопки и издавал труды, выступал с публичными лекциями [3, с. 7–10].

В 1879 г. Д. Я. Самоквасов провел тщательную археологическую разведку в низовьях Днестра с целью поиска могил киммерийских царей [9, с. 21–22]. Богатая коллекция археологических предметов, собранных ученым, была передана им в 1891 г. в Императорский Русский исторический музей (Москва).

В 1880-е гг. учитель из с. Слободзея Тираспольского уезда П. Волохин представил Одесскому обществу истории и древностей большую коллекцию археологических находок, состоявшую из наконечников копий и стрел, керамики и монет, собранную в окрестностях села. Он также сообщил, что значительная площадь села располагается на древнем кладбище и что еще один древний могильник находился южнее села, на возвышенности, именуемой «Кременчуг». Кроме того, им были представлены предметы из кургана, находившегося в окрестностях с. Чобручи [7, с. 24; 18, с. 87, 92].

Одной из самых интересных и значимых работ о памятниках древностей Херсонской губернии в конце XIX в. стала работа В. Н. Ястребова «Опыт топографического обозрения древностей Херсонской губернии».

Владимир Николаевич Ястребов (1855–1898 гг.) родился 6 июля 1855 г. в с. Кривые Луки Самарской губернии в семье священника. В 1872 г. после окончания гимназии поступил на исторический отдел историко-филологического факультета Новороссийского университета в Одессе. В 1876 г. окончил университет и получил назначение на должность преподавателя истории в Елизаветградскую общественную гимназию. В 1877 г. в Новороссийском университете защитил кандидатскую диссертацию и перешел в качестве преподавателя истории в Елизаветградское земское училище, где преподавал до конца своей жизни. Активно занимался историческими исследованиями, археологией и этнографией, что в последующем привело к его назначению заведующим историко-географическим музеем. В 1884 г. с разрешения правления училища В. Н. Ястребов экспонировал коллекцию на IV Археологическом съезде, проходившем в Одессе. Был избран

членом-корреспондентом Московского археологического общества (1885 г.), Одесского общества истории и древностей (1887 г., с 1893 – действительным членом), Историко-филологического общества Новороссийского университета (1892 г.), Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии (1894 г.), сотрудником Петербургской археологической комиссии и т. п. [8, с. 43–48].

Авторитет В. Н. Ястребова в археологии был значительным. С начала 1887 г. он провел большое количество археологических раскопок, постоянно сотрудничал с комиссией и был командирован на раскопки в Херсонскую и Екатеринославскую губернии, и даже в область Войска Донского. Результаты этой работы отразились в научных отчетах и статьях, опубликованных в Москве, Петербурге, Киеве, Херсоне, Одессе, Елизаветграде, Львове, Париже.

Ему удалось систематизировать собранный в Херсонской губернии материал и подготовить большую работу «Опыт топографического исследования древностей Херсонской губернии», опубликованную в 1894 г. в XVII томе «Записок Одесского общества истории и древностей». В работе автор подробным образом описывает расположение археологических памятников на территории Тираспольского уезда, содержится также информация об археологических предметах, обнаруженных местными жителями сел Слободзея, Чобручи, Коротное, Суклея, Ташлык и других [18, с. 63–176]. Данная публикация до сих пор является востребованной современными исследователями, занимающимися как изучением археологических памятников, так и составлением археологических карт.

В завершение следует отметить, что период с конца XVII в. и до конца XIX в. для русской археологии являлся временем становления и развития науки. На этом этапе происходит своеобразный переход от коллекционирования и бессистемного сбора материалов к формированию основных принципов методики проведения раскопок. Увлеченность античностью, появившаяся в период правления Екатерины II, способствовала началу изучения археологических памятников территории Поднестровья. С нашим краем оказалась свя-

зана деятельность многих выдающихся русских ученых, каждый из которых внес свой вклад не только в практическое изучение края (проведение раскопок, картографирование региона, сбор артефактов), но и в научное осмысление тех ма-

териалов, которые были им доступны. В это время были предприняты первые попытки описания древнейшей истории края на основании изучения как письменных источников, так и археологических материалов.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Брун Ф. К. 1853. О местоположении Тираса // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. III, с. 47–66.
2. Бурачков П. О. 1888. Объяснение к археологической карте Новороссийских губерний и Крыма // Древности. Труды императорского Московского археологического общества. Т. 12, с. 7–17.
3. Голотвин А. Н. 2014. Д. Я. Самоквасов и изучение славяно-русских древностей. Воронеж: Научная книга.
4. Григорович В. 1874. Записка антиквара о поездке его на Калку и Калмиус, в Корсунскую землю и южные побережья Днепра и Днестра. Одесса: Типография П. Вранцова.
5. Дзис-Райко Г. А. 1976. 150 лет Одесскому археологическому музею // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Вып. 8. Киев: Наукова Думка, с. 5–15.
6. Карышковский П. О., Клейман И. Б. 1985. Древний город Тира. Киев: Наукова Думка.
7. Кетрару Н. А. 2015. Очерки истории археологии Молдовы. Кишинев: Tyragetia.
8. Маркевич А. 1900. В. Н. Ястребов (некролог) // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. XXII, С. 43–48.
9. Самоквасов Д. Я. 1908. Могилы русской земли. М.: Синодальная типография.
10. Синика В. С., Разумов С. Н., Тельнов Н. П. 2016. Археологическое наследие Приднестровья. Тирасполь: Полиграфист.
11. Сумароков П. И. 1800. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году, Павлом Сумароковым. С историческим и топографическим описанием всех тех мест. М.: Университетская типография у Ридигера и Клаудия.
12. Третьяк А. И. 2012. Книга, ставшая документом // Вісник Одеського історико-краєзнавчого музею. № 11, с. 9–11.
13. Тункина И. В. 2002. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб.: Наука.
14. Фабрициус И. В. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. Киев: Издательство АН УССР.
15. Формозов А. А. 1994. А. С. Уваров и его место в истории русской археологии // Уваровские чтения-II. М.: Антал.
16. Штерн Э. Р. Владислав Норбертович Юргевич (некролог) // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. XXII, с. 1–22.
17. Яковлев В. А. 1895. Платон Осипович Бурачков (некролог) // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. XVIII, с. 16–17.
18. Ястребов В. Н. 1894. Опыт топографического исследования древностей Херсонской губернии // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. XVII, с. 63–176.

О КИММЕРИЙСКИХ ПЛЕМЕНАХ В ПРИДНЕСТРОВЬЕ

С. А. Фидельский,

*кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник*

НИЛ «Археология»

ПГУ им. Т. Г. Шевченко

Завершение эпохи бронзы и начало раннего железного века в Северо-Западном Причерноморье связано с появлением новых племенных образований и народов. Аналогичные изменения коснулись и приднестровского региона, где, главным образом в степной зоне, начиная с IX в. и до середины/второй половины VIII в. до н. э., обосновались киммерийские племена. С приходом киммерийцев в Северо-Западное Причерноморье происходят значительные изменения в экономической, общественной и духовной жизни региона.

Известно, что киммерийцы являлись древнейшим народом на территории Северо-Западного Причерноморья, упомянутым в различных письменных источниках [1, с. 7]. Они были первыми представителями кочевников раннего железного века причерноморских степей. Самые ранние сведения о киммерийских племенах зафиксированы в ассирийских клинописных текстах, а также в поэмах Гомера [3, с. 18–20]. Больше всего информации о киммерийцах содержится в трудах древнегреческих (Аристей, Гесиод, Геродот, Фукидид, Гекатей) и древнеримских (Страбон) историков. Однако письменные свидетельства о киммерийских племенах крайне скупы. Тем не менее, по сообщениям древних авторов, киммерийцы оставили значимый след в древней истории Северо-Западного Причерноморья, в том числе и Приднестровья.

Известно, что в IX–VIII вв. до н. э. территорией обитания киммерийских племен являлись степные пространства Северного Причерноморья от Нижнего Дуная до Приазовья и Нижнего

Дона, включая Крым, Прикубанье и Кавказский регион. По мнению ряда исследователей, самой восточной периферией киммерийских древностей считается Поволжье [12, с. 25]. Расположение киммерийских памятников в бассейнах крупных рек позволило исследователям выделить несколько локальных зон. В настоящее время зафиксировано шесть территориальных групп: Южнобугская, Приднепровская, Крымская, Восточноукраинская, Самарско-Орельская и Дунайско-Днепровская, куда был включен и приднестровский регион [4, с. 29–31].

О присутствии киммерийцев в приднестровских степях косвенно свидетельствуют указания Геродота на существование могилы «киммерийских царей» в устье Днестра, а также греческие предания о близости киммерийцев к фракийцам [5, с. 13–14, 46].

Однако наиболее достоверным фактом присутствия киммерийских племен в Приднестровье являются археологические памятники. На сегодняшний день на левом берегу Днестра известно десять населенных пунктов, в окрестностях которых были обнаружены и археологически исследованы киммерийские погребения (*рис. 1*). Основная часть памятников располагалась в степной зоне у сел Буторы, Красное (Григориопольский район), Глиное, Ново-Котовск, Парканы, Суклея (Слободзейский район), а также у г. Тирасполь и Слободзея. В лесостепной части Приднестровья киммерийские памятники известны у сел Владимировка и Мокра Рыбницкого района.

Первые археологические исследования в Приднестровье, а вместе с тем и открытие киммерий-

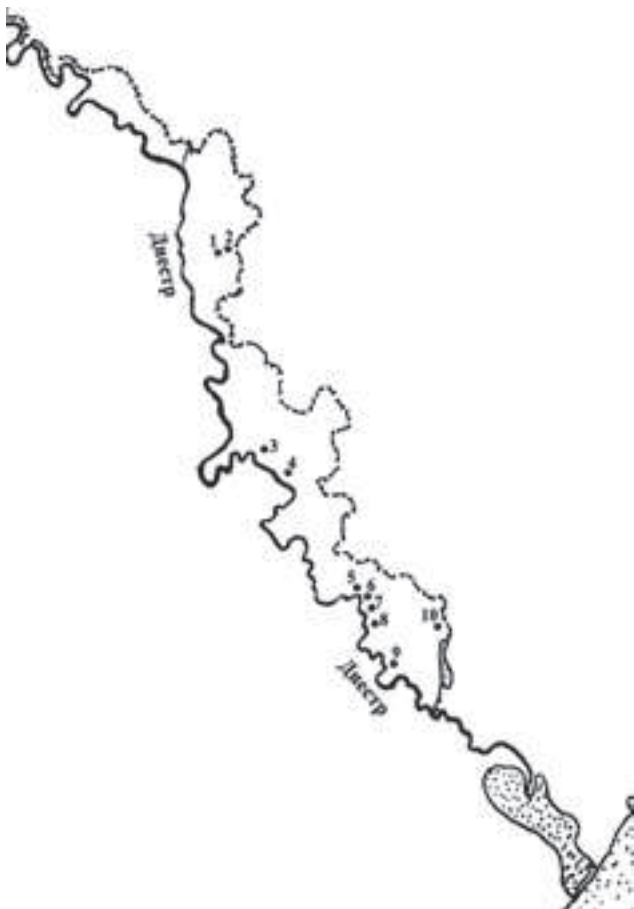

Рис. 1. Карта киммерийских памятников Приднестровья: 1 – Владимировка; 2 – Мокра; 3 – Красное; 4 – Буторы; 5 – Парканы; 6 – Тирасполь; 7 – Суклея; 8 – Слободзея; 9 – Глиное; 10 – Ново-Котовск

ских памятников, связаны с именами супругов И. Я. и Л. П. Стемпковских. Исследователями с 1896 по 1910 гг. на левом берегу Днестра от Красногогорки и до Коротного были раскопаны 412 курганов. Среди множества разновременных комплексов было изучено пять киммерийских погребений: три у с. Парканы, и по одному – у с. Суклея и г. Тирасполь [6, с. 116–117, табл. 1: 1–5].

Основная часть киммерийских захоронений была исследована в 1970–80-е гг. работами новостроечных экспедиций. В 1972 г. А. И. Мелюковой, а в 1978 г. Н. А. Кетрару и Н. Л. Серовой у с. Буторы были раскопаны пять киммерийских погребений [7, с. 79–80, рис. 1, 2: 1; 8, с. 114,

117–119, 135–136; 9, с. 95–100]. В 1979 г. у с. Красное Григориопольского района были изучены три предскифских захоронения [8, с. 13–15, 20–21, 33–35]. В 1986 г. экспедиция Т. И. Демченко у с. Владимировка обнаружила захоронение раннего железного века, которое следует связывать с киммерийскими древностями [2, с. 2, рис. 9]. В 1987–1989 гг. археологическими раскопками на левобережье Нижнего Днестра в одном из курганов у с. Ново-Котовск было изучено погребение раннего железного века, которое впоследствии было отнесено к древностям киммерийской культуры [4, с. 347].

Очередной этап исследования киммерийских памятников в Приднестровье относится к 1990-м гг. В 1992 г. начала свою работу первая в Приднестровье археологическая экспедиция, и в этом году у пгт. Слободзея был исследован курган, содержащий два киммерийских комплекса [16, с. 280–343]. Один из них (центральное погребение) с богатым и уникальным набором инвентаря стал эталонным памятником киммерийской культуры для всего Северного Причерноморья. Через три года при раскопках одного из курганов у с. Глиное Слободзейского района было исследовано одно киммерийское захоронение [14, с. 164–170].

Начатые в 1992 г. археологические раскопки в Приднестровье продолжаются и в настоящее время. Ежегодно на протяжении 28 лет проводит свои исследования Днестровская археологическая экспедиция. За это время было изучено большое количество археологических комплексов. Своеобразным достижением приднестровских археологов становится открытие и исследование скифского могильника III–II вв. до н. э. у с. Глиное [11], а также археологическое изучение многослойного поселения у с. Чобручи, расположенных в Слободзейском районе [13, с. 16–20].

Продолжая археологические исследования в окрестностях с. Глиное, в 2013–2019 гг. приднестровские археологи раскопали десятки курганов, содержащих погребальные комплексы различных культурно-хронологических горизонтов. Среди множества погребений были изучены и семь киммерийских. Три из них были исследованы в 2015 г. в одном из курганов группы «Сад»

[10, с. 73–74]. Еще четыре киммерийских могилы были раскопаны в 2019 г. в курганах группы «Рыбхоз» (два захоронения) и «Плавни» (два захоронения).¹

Таким образом, за все время археологических исследований памятников в Приднестровье было раскопано 25 погребальных комплексов киммерийской культуры. Все они были впущены в курганы, сооруженные в раннем бронзовом веке. Исключением является центральное (основное) погребение, обнаруженное в кургане у г. Слободзея.

В качестве погребальных сооружений использовались прямоугольные или овальные ямы различных размеров. Встречаются и ямы с подбоями. Конструктивными особенностями погребальных сооружений киммерийцев является использование дерева и камня. Деревянные конструкции в основном предназначались для перекрытия погребений, а камни использовали для их заполнения. Раскопки кургана у Слободзеи показали, что дерево предназначалось не для перекрытия погребения, а для возведения над ним огромной шатровой конструкции, которая имела округлую форму диаметром 9–9,5 м и высотой 1,5 м [15, с. 155].

Погребальный инвентарь киммерийских погребений разнообразен и представлен различными категориями находок. К основной и самой распространенной относится лепная посуда (рис. 2). Она подразделяется на кухонную и столовую. Последняя отличается хорошим качеством изготовления и тщательным лощением внешней поверхности сосудов. Самыми распространенными видами столовой посуды являются кубки, черпаки и корчаги. Характерной их особенностью является разнообразная орнаментация. Господствующим декором являлся геометрический узор, выполненный техникой резьбы или штампа, который иногда заполнялся белой пастой. Наряду с орнаментированной посудой встречаются сосуды и без орнамента.

Кроме лепных сосудов, в погребениях находилась и деревянная посуда, в которой отмечены остатки напуганной пищи, главным образом кости мелкого рогатого скота, а иногда – лошади.

Оружие киммерийцев, найденное в погребениях, представлено всеми основными видами наступательного вооружения. Это наконечники копий, железные мечи (рис. 3: 11) и кинжалы. Предметы вооружения также представлены бронзовыми и костяными наконечниками стрел (рис. 3: 4, 5). В качестве оборонительного вооружения киммерийцами использовались деревянные щиты прямоугольной формы (45 x 34 см). Остатки такого щита были обнаружены в Слободзейском кургане [16, с. 300].

Киммерийские погребения также содержат различные предметы конского снаряжения. К ним относятся бронзовые удила и костяные пса́ли (рис. 3: 9), бронзовые бляшки-разделители (рис. 3: 8), пронизи, застежки. Среди украшений следует выделить височные кольца (рис. 3: 10), серьги, браслеты, подвески, бусы и др. Орудия труда представлены железными ножами (рис. 3: 3) и каменными оселками (рис. 3: 7). Для киммерийских погребений характерны находки монументальной скульптуры – антропоморфные каменные изваяния (рис. 3: 1). Крайне редко в комплексах встречаются ритуальные предметы – железные конусы (рис. 3: 2, 6).

Таким образом, анализ археологических источников указывает на то, что киммерийцы были кочевым народом, мобильным и сильным в военном отношении. Главным занятием киммерийцев являлось кочевое скотоводство. В основном они занимались разведением лошадей, которых использовали для верховой езды. Кроме того, у киммерийских племен развивались и некоторые виды ремесел, главным образом железоделательное производство. Общественный строй киммерийцев характеризовался патриархальными отношениями, где рода объединялись в племена, а затем в

¹ Информация о четырех киммерийских захоронениях, исследованных в 2019 г., предоставлена начальником Днестровской археологической экспедиции канд. ист. наук В. С. Сеникой.

Рис. 2. Лепная посуда из киммерийских погребений Приднестровья

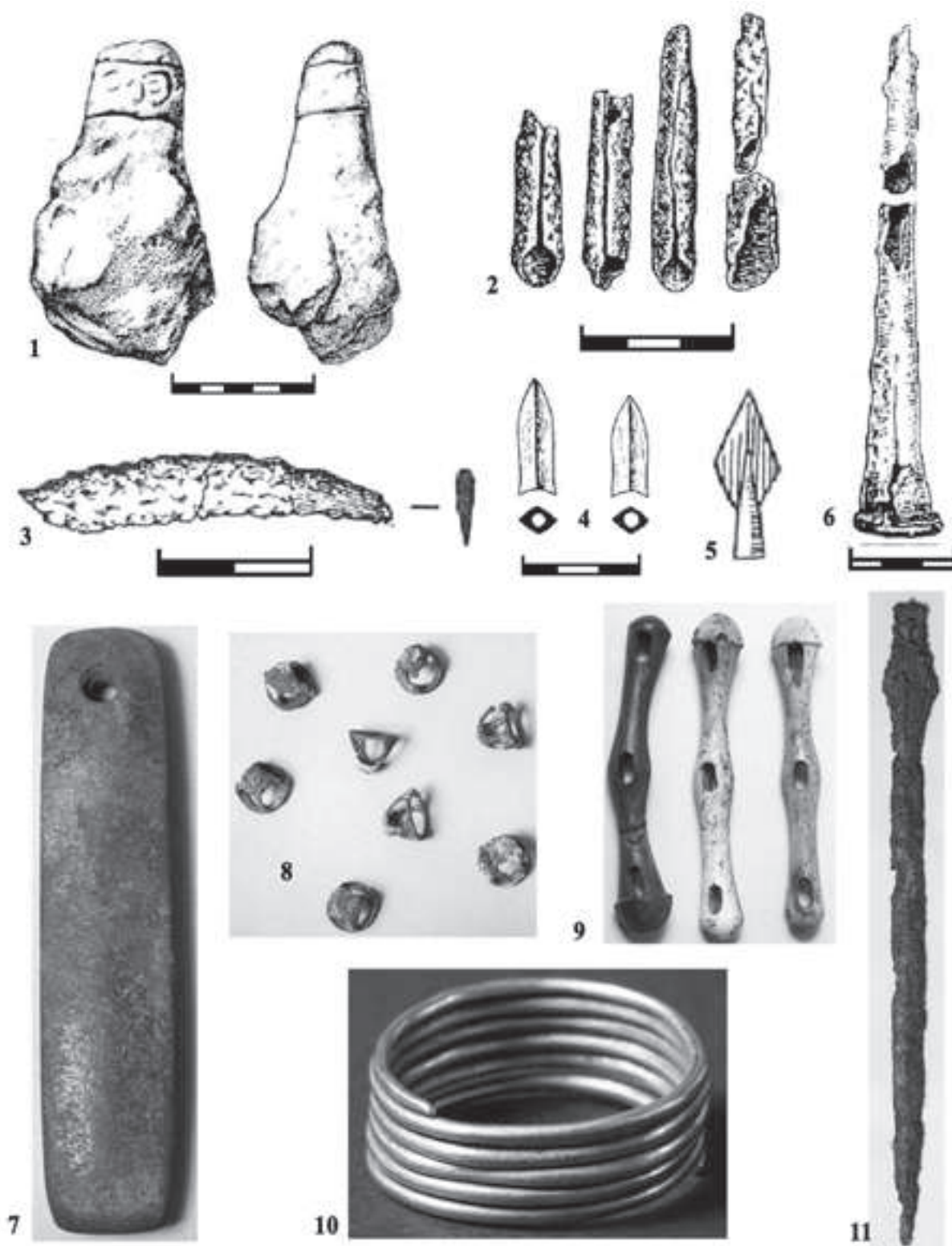

Рис. 3. Каменные, костяные и металлические предметы из киммерийских захоронений Приднестровья

племенные союзы во главе с наиболее сильными царями. В своей основе киммерийцы относились к иранской языковой группе.

Относительно происхождения и этнической принадлежности киммерийцев существуют различные точки зрения. В разное время предпринимались попытки для выявления основ сложения киммерийской культуры. Среди различных точек зрения господствовала фракийская теория происхождения киммерийских племен [5, с. 13–26]. Однако наиболее распространенной версией генезиса киммерийцев в Северо-Западном Причерноморье является их непосредственная связь с но-

сителями белозерской культуры позднебронзового века [5, с. 37–39, 303].

Появление киммерийских племен в Северо-Западном Причерноморье приводит к взаимодействию с местным населением, прежде всего, с фракийскими племенами. Это наглядно отразилось на материальной культуре обоих этносов. Установившиеся контакты между киммерийцами и фракийцами приводят к формированию фрако-киммерийской общности. Территория Приднестровья в этом процессе становится пограничной территорией, где были отражены влияния Запада (Центральная Европа) и Востока (Северный Кавказ).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Артамонов М. И. 1974. Киммерийцы и скифы. Л.: Ленинградский университет.
2. Демченко Т. И. 1987. Отчет о работе Рыбницкой новостроечной экспедиции и Единецкого отряда Северо-Молдавской экспедиции в 1986 г. // Архив Национального музея истории Молдовы. № 244.
3. Ильинская В. А., Тереножкин А. И. 1986. Киммерийское время (IX – первая половина VII в. до н.э.). Культура киммерийцев // Археология Украинской ССР. Т. 2, с. 18–29.
4. Махортых С. В. 2005. Киммерийцы Северного Причерноморья. Киев: Шлях.
5. Махортых С. В. 2008. Культура и история киммерийцев Северного Причерноморья. Дисс. на соискание уч. степени. докт. ист. наук. Киев.
6. Мелюкова А. И. 1962. Скифские курганы Тираспольщины (по материалам И. Я. и Л. П. Стемпковских) // Материалы и исследования по археологии СССР. № 115, с. 114–166.
7. Мелюкова А. И. 1974. Раскопки курганов у с. Буторы Григориопольского района // Археологические исследования в Молдавии 1972 г., Кишинев: Штиинца, с. 77–95.
8. Серова Л. Н., Яровой Е. В. 1987. Григориопольские курганы. Кишинев: Штиинца.
9. Синика В. С., Разумов С. Н., Тельнов Н. П. 2013. Курганы у села Буторы. Тирасполь: Полиграфист.
10. Синика В. С., Разумов С. Н., Тельнов Н. П. 2016. Археологическое наследие Приднестровья. Тирасполь: Полиграфист.
11. Тельнов Н. П., Четвериков И. А., Синика В. С. 2016. Скифский могильник III–II вв. до н.э. у с. Глиное. Тирасполь: Stratum plus.
12. Тереножкин А. И. 1976. Киммерийцы. Киев: Наукова думка.
13. Фидельский С. А. 2012. Поселение Чобручи на Нижнем Днестре в III–II вв. до н. э. // Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н. э. Тирасполь, Приднестровский государственный университет, с. 16–20.
14. Фидельский С. А., Синика В. С. 2010. Два новых степных киммерийских погребения (к вопросу о северо-кавказских влияниях на юго-восточную Европу в предскифское время) // Revista arheologică. S. n. Vol. VI. № 1, с. 164–170.
15. Яровой Е. В., Кашуба М. Т. 1994. Курганы предскифского времени у пгт. Слободзея // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н. э. – V в. н. э. Тирасполь: Типар, с. 155–156.
16. Яровой Е. В., Кашуба М. Т., Махортых С. В. 2002. Киммерийский курган у пгт. Слободзея // Северное Причерноморье: от энеолита к античности. Тирасполь: Типар, с. 279–343.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ САРМАТСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ЛЕВОБЕРЕЖНОМ ПРИДНЕСТРОВЬЕ

С. О. Симоненко,
научный сотрудник
НИИ «Археология»
ПГУ им. Т. Г. Шевченко

На рубеже эр (I в. до н. э. – I в. н. э.) юг Восточной Европы становится ареной сложных и бурных исторических событий, связанных с пересечением интересов набирающей силы Римской империи и сарматских племен, игравших ведущую роль в жизни Барбарикума.

Сарматские племена, объединенные в военно-политические союзы, в конце IV в. до н. э. начинают движение на запад. Уже во второй половине I в. до н. э., продвигаясь к границам Римской империи, сарматы появляются на берегах Днестра, где становятся частью сложного и динамичного социально-этнического организма – населения территорий, примыкавших к дунайским границам Римской империи.

История сарматов на территории Северного Причерноморья в целом и левобережья Днестра – в частности нашла свое отражение в произведениях античных авторов, а также в археологических источниках.

Начало археологических раскопок на Нижнем Днестре связано с деятельностью супругов И. Я. и Л. П. Стемпковских, проводивших исследования в 1896–1911 гг. В результате были раскопаны свыше 400 курганов в окрестностях г. Тирасполя, сел Парканы, Терновка, Суклея, Карагаш, Слободзея, Глиное, Красногорка, Коротное, Тея, Токмазея, Спея. Обнаруженные погребения

относились к разным культурно-историческим горизонтам – от позднего энеолита до позднего средневековья. Научные предпочтения супругов-исследователей ограничивались исключительно полевыми исследованиями, однако, благодаря усилиям И. Ф. Фабрициус, большая часть данных из этих раскопок была обработана и опубликована. Среди этих материалов выделяются находки, связанные с сарматами [16, с. 15–31].

В 1899–1900 гг. в окрестностях Каменки и близ с. Кузьмин (рис. 1: 1) Н. Е. Бранденбург провел раскопки более двух десятков курганов. Среди обнаруженных погребений были и сарматские [5, с. 50–53].

Наиболее интенсивные археологические исследования были проведены в советское время, после Великой Отечественной войны. В этот период изучению подверглись, в основном, курганные древности на территории юга и севера МССР, в том числе Среднее и Нижнее Поднестровье. В 1950-е гг. здесь были выявлены памятники сарматской культуры.

Так, в 1952 г. у с. Михайловка Рыбницкого района (рис. 1: 2) М. А. Тихановой были открыты могильник и селище сарматского времени [8, с. 13].

В 1958 г. Н. А. Кетрару обнаружен сарматский могильник на северо-западной окраине с. Токмазея Григориопольского района (рис. 1: 3). Уже в

Рис. 1. Географическое положение сарматских памятников, исследованных на территории ПМР

1960–1961 гг. на этом памятнике Э. А. Рикман провел раскопки пяти погребений с инвентарем сарматского времени [8, с. 20]. Спустя полвека, в 2015–2016 гг., благодаря случайным находкам у с. Токмазея удалось выделить отдельный поселенческий памятник (Токмазея II). Фрагменты римских амфор и бронзовая фибула позволили датировать памятник I–III вв. н. э. и соотнести его с ранее открытым могильником [10, с. 624].

В том же, 1958, году Г. Ф. Чеботаренко зафиксировал сарматский могильник у с. Красногорка Григориопольского района (рис. 1: 4). Череп погребенного носил следы прижизненной деформации, что считается отличительным признаком принадлежности к сарматской культуре [8, с. 20].

Спустя десять лет, в 1968 г., у с. Чобручи Слободзейского района (рис. 1: 5) В. А. Дергачёвым в кургане 1 было обнаружено впускное сарматское захоронение, совершенное в яме прямоугольной формы: погребенный лежал вытянуто на спине, головой на запад. Сопровождающий инвентарь представлен гончарным кувшином и бронзовым зеркалом [2, с. 41–42]. Согласно классификации А. Н. Хазанова, аналогичные зеркала появляются в Северном Причерноморье в III–IV в. н. э. [18, с. 65, 68].

В 1973 г. Скифской экспедицией Института археологии Академии наук СССР совместно с Гальштатской экспедицией Сектора археологии Академии наук Молдавской ССР под общим руководством А. И. Мелюковой проводились исследования могильника Буторы I (рис. 1: 6). В результате в одном из курганов (№ 11) было обнаружено погребение, предположительно отнесенное исследователями к сарматской культуре. За основу были взяты поза – вытянуто на спине, и ориентировка – головой на север. Дополнительным аргументом в пользу сарматской принадлежности данного погребения является наличие остатков тризны в виде фрагментов римских амфор и сероглиняного гончарного кувшинчика черняховского типа [13, с. 129].

В конце 1970-х гг. в г. Тирасполь (рис. 1: 7) при закладке фундамента многоэтажного дома было разрушено сарматское погребение, из инвентаря которого сохранился небольшой одноручный круговой кувшин на кольцевом поддоне. Аналогичные сосуды известны в могильниках Пруто-Днестровского междуречья и на территории Румынии, которые датируются I–II вв. н. э. [2, с. 38].

В 1983 г. Е. Н. Савва и В. И. Гроссу в черте г. Тирасполя (рис. 1: 7) исследовали группу курганов. В кургане 3 (сооруженном в раннем бронзовом веке) было обнаружено впускное сарматское погребение в яме прямоугольной формы, ориентированной по линии север–юг. Костяк был разрушен, но, судя по расположению сохранившихся костей, погребенный лежал вытянуто на спине. Среди остатков инвентаря были зафиксированы фрагменты сероглиняного сосуда, а так-

же множество бусин [9, с. 56]. На основании этих бусин погребение было датировано I–II вв. н. э. [1, с. 32].

В 1986 г. В. Я. Гроссу опубликовал материалы из одиночного сарматского погребения, обнаруженного у с. Грушка Каменского района (*рис. 1: 8*). Инвентарь из женского погребения был довольно богатым: бронзовая фибула, сердоликовая бусина, золотая подвеска-амулетница, 20 золотых бляшек и серебряный фалар с тамгообразным знаком. Эти находки определили время совершения погребения второй половиной I – началом II в. н. э. [3, с. 258–261].

В 1988–1989 гг. Каменская новостроечная экспедиция АН МССР исследовала курганы у с. Подойма, Кузмин и Окница Каменского района (*рис. 1: 1, 9, 10*). В ходе раскопок было обнаружено восемь впускных погребений сарматской культуры [7, с. 217–218]. Ориентировка костяков практически во всех погребениях – меридиональная (северная). В отдельных случаях прослеживались ямы неправильной прямоугольной формы (возможно, результат ограбления). В кургане у с. Кузьмин захоронение было совершено в деревянной колоде. Был найден разнообразный инвентарь. Особый интерес вызывает железный меч длиной 40 см с кольцевым навершием, датируемый I–IV вв. н. э. [14, с. 33]. Шесть погребений датируются I–II вв. н. э., еще два – II–III вв. н. э.

В 1991 г. экспедиция АН МССР под руководством Т. А. Щербаковой исследовала два кургана у с. Мокра Рыбницкого района (*рис. 1: 11*), в которых были обнаружены два впускных и одно основное сарматские захоронения.

Особого внимания заслуживает основное погребение, богатый инвентарь которого указывает на знатное происхождение умершего. Несмотря на то, что погребение было ограблено в древности, выразительный инвентарь (бронзовый котел и другая бронзовая посуда, элементы шкатулки из слоновой кости, золотые украшения и др.) позволил датировать комплекс первой четвертью II в. н. э. [4, с. 227–242].

Не менее интересным является погребение 10 кургана 1, где были обнаружены украше-

ния из золота и бронзы, гончарная керамика, браслет из пронизей египетского фаянса в виде жуков-скарабеев. В совокупности эти находки позволили датировать погребение второй половиной I в. н. э. – последней четвертью II в. н. э. [4, с. 226–227].

С 1992 г. археологические исследования в Приднестровье проводятся сотрудниками научно-исследовательской лаборатории «Археология» Приднестровского государственного университета им. Т. Г. Шевченко. В процессе раскопок курганов были обнаружены погребения, относящиеся к сарматской культуре.

Так, в 1995 г. в ходе раскопок скифского кургана 2 у с. Глиное Слободзейского района (*рис. 1: 12*) было обнаружено впускное сарматское погребение. Гончарная и лепная посуда, фибула и роговой гребень позволили датировать комплекс III–IV вв. н. э. [15, с. 74–77].

В 2000 г. у с. Чобручи Слободзейского района (*рис. 1: 5*) раскопан курган сарматского времени. Несмотря на ограбление в древности, сохранившиеся фрагменты римской амфоры и двух стеклянных сосудов указывают на дату сооружения насыпи в пределах II–III вв. н. э. [17, с. 272–277]. В этом же году в ходе раскопок скифского кургана 38 у с. Глиное Слободзейского района было изучено впускное сарматское погребение, датированное на основании бронзовой профилированной фибулы II в. н. э. [15, с. 257, 263].

В 2007 г. в ходе спасательных раскопок у с. Дойбаны-2 Дубоссарского района (*рис. 1: 13*) были раскопаны два кургана, основные погребения которых на основании ориентировки погребенных и обнаруженных фрагментов красноглиняных амфор были датированы концом I в. до н. э. – II в. н. э. [6, с. 133–142, 217].

В 2014 г. были изучены курганы группы «Спутник» в окрестностях г. Тирасполь (*рис. 1: 7*). Среди них оказалась насыпь, сооруженная над единственным сарматским захоронением. Несмотря на ограбление, сохранился выразительный материал: сосуд карпского производства, серебряная пряжка и фрагменты амфор. Погребение датировано второй половиной II в. н. э. [12, с. 101–113].

Спустя четыре года, в 2018 г., в курганной группе «Сад» у с. Глиное Слободзейского района (рис. 1: 12) было обнаружено впущенное в скифский курган 12 сарматское погребение. Анализ инвентаря, представленного лепным горшком, гончарным кувшином, серебряной серьгой, ожерельем из пронизей и бусин, позволил датировать комплекс II в. н. э. [11, с. 173–178].

Таким образом, на сегодняшний день на территории Приднестровской Молдавской Республики достоверно исследовано около 30 погребений сарматской культуры. Данные захоронения были

совершены с конца I в. до н. э. по IV в. н. э. При этом большая часть погребений датируется II в. н. э. Это неудивительно, поскольку именно на данный период приходится пик активности сарматских племен не только в левобережном Поднестровье, но во всем Северном Причерноморье.

Безусловно, картина исторических событий, связанных с пребыванием сарматских племен на берегах Днестра, будет еще неоднократно уточняться и дополняться в результате анализа материалов дальнейших археологических исследований.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алексеева Е. М. 1975. Античные бусы Северного Причерноморья (Свод археологических источников. Г1–12). М.: Наука.
2. Гроссу В. И. 1983. Новые сарматские памятники на территории Молдавии // Археологические исследования в Молдавии в 1979–1980 гг. Кишинев: Штиинца, с. 28–52.
3. Гросу В. И. 1986. Сарматское погребение в Поднестровье // Советская археология. № 1, с. 258–261.
4. Кашуба М. Т., Курчатова С. И., Щербакова Т. А. 2001–2002. Кочевники на западной границе Великой степи (по материалам кургана у с. Мокра) // Stratum plus, № 4, с. 180–252.
5. Кетрару Н. А. 2005. Очерки истории археологии Молдовы (1715–1945). Кишинев: Tyragetia.
6. Кетрару Н. А., Синика В. С., Разумов С. Н., Тельнов Н. П. 2014. Дубоссарские курганы (Археологические памятники Приднестровья. II). Тирасполь: Stratum plus.
7. Ключко Е. О., Хахеев В. П. 1991. Новые сарматские погребения левобережья Среднего Днестра // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. – V в. н. э.) Киев: ККТНУ, с. 217–218.
8. Рикман Э. А. 1975. Памятники сарматов и племена черняховской культуры (Археологическая Карта Молдавской ССР. Вып. 5). Кишинев: Штиинца.
9. Савва Е. Н. 1988. Исследования кургана у Тирасполя // Археологические исследования в Молдавии в 1983 г. Кишинев: Штиинца, с. 44–59.
10. Симоненко С. О. 2018. Находки римского времени у с. Токмазея на левобережье Нижнего Днестра // Научные ведомости Белгородского Государственного университета. Серия: История, политология. Т. 45, № 4, с. 621–628.
11. Симоненко С. О. 2019. Новое сарматское погребение на левобережье Нижнего Днестра // Самарский научный вестник. Т. 3. № 3 (28), с. 173–178.
12. Синика В. С., Разумов С. Н., Лысенко С. Д., Тельнов Н. П. 2015. Неординарный сарматский комплекс из окрестностей Тирасполя на левобережье Нижнего Днестра // Stratum plus, № 4, с. 101–113.
13. Синика В. С., Разумов С. Н., Тельнов Н. П. 2013. Курганы у с. Буторы (Археологические памятники Приднестровья. I). Тирасполь: Полиграфист.
14. Сокольский Н. И. 1954. Боспорские мечи // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 33, с. 123–196.

-
15. Тельнов Н. П., Четвериков И. А., Синика В. С. 2016. Скифский могильник III–II вв. до н. э. у с. Глиное (Археологические памятники Приднестровья. III). Тирасполь: Stratum plus.
 16. Фабрициус И. Ф. 1951. Археологическая карта Причерноморья УССР. Вып. I. Киев: АН УССР.
 17. Фидельский С. А. 2004. Сарматский курган у с. Чобручи на Нижнем Днестре // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. Т. IX, с. 272–277.
 18. Хазанов А. М. 1963. Генезис сарматских бронзовых зеркал // Советская археология. № 4, с. 58–71.
-

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ И ОСОБЕННОСТИ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ПРИДНЕСТРОВСКОЙ МОЛДАВСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Р. А. Татаров,

*аспирант кафедры политологии
и государственного управления*

ИГУПиСГН ПГУ им. Т. Г. Шевченко

Приднестровская Молдавская Республика обладает развитой системой национальных интересов, инструментами их достижения и механизмами обеспечения. Появившаяся в период краха Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений, в период образования новой реальности, характеризующейся становлением новой системы международных отношений после 1991 г., Приднестровская Молдавская Республика в процессе стратегического планирования приоритетов внутренней и внешней политики, отражающих основы национальных интересов приднестровского государства, стала активным участником международных и региональных процессов. Понимание структуры национальных интересов Приднестровья строится на классических подходах к интерпретации феномена национальных интересов.

Обоснование и трактовка национальных интересов в качестве категории политической науки принадлежит американскому политологу Г. Моргентау, который утверждал, что национальные интересы являются основой внешней политики любого государства. По мнению Моргентау, «внешнеполитические цели должны формулироваться через призму национального интереса и быть поддержаны адекватной мощью» [7, с. 505].

Традиционная модель национальных интересов в процессе реализации приоритетов внутренней и внешней политики государства может быть представлена следующими компонентами:

- государственный суверенитет, который представляет собой способность государства осуществлять право легитимного насилия на определенной территории, которая находится под контролем. В соответствии с Конвенцией о правах и обязанностях

В рубрике

ПРИДНЕСТРОВЬЕ В СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЯХ

• НАЦИОНАЛЬНЫЕ
ИНТЕРЕСЫ И ОСОБЕННОСТИ
ИХ РЕАЛИЗАЦИИ
ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ
ПРИДНЕСТРОВСКОЙ
МОЛДАВСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

• ИМПЕРАТОРСКОЕ
ПРАВОСЛАВНОЕ
ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО:
ОТ ИСТОРИИ
К СОВРЕМЕННОСТИ

• ФИЗКУЛЬТУРА И СПОРТ
В ПРИДНЕСТРОВСКОЙ
МОЛДАВСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ:
ОРГАНИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ
И ПОДГОТОВКИ КАДРОВ

государств (Конвенцией Монтевидео) государство как субъект международного права должно обладать следующими признаками: а) постоянное население; б) определенная территория; в) правительство; г) способность вступать в отношения с другими государствами [4];

- экономическое развитие и способность государства к обеспечению эффективного функционирования экономики;

- обеспечение безопасности личности, общества и государства.

Российский политолог М. А. Молчанов к указанным элементам относит еще и такие компоненты, как способность к расширению влияния в мировой политике, рост благосостояния населения и способность эффективной защиты интересов государства экономического и торгового характера на международной арене [6, с. 11].

В рамках российского политического процесса национальные интересы представляют собой совокупность сбалансированных интересов личности, общества и государства в экономической, внутриполитической, социальной, международной, информационной, военной, пограничной, экологической и других сферах. Они носят долгосрочный характер и определяют основные цели, стратегические и текущие задачи внутренней и внешней политики государства [11]. Учитывая тенденцию приднестровского политического процесса, связанную с принятием документов, направленных на гармонизацию с российским законодательством, в Приднестровье формируется двухуровневая система национальных интересов, которая отражает приднестровские и российские национальные интересы.

Приднестровская система национальных интересов отражает сложившиеся военно-политическое положение и геополитическую конфигурацию региона в урегулировании молдо-приднестровских отношений.

Необходимо отметить, что Приднестровье граничит с Украиной и Молдовой, которые в своих внешнеполитических устремлениях ориентированы в сторону североатлантического альянса НАТО, что предопределяет специфику построения приднестровских национальных интересов с уче-

том складывающегося окружения вдоль государственных границ республики.

Кроме того, регион урегулирования молдо-приднестровских отношений характеризуется замороженной стадией конфликта с 1992 г., что отражает условия реализации приднестровских национальных интересов.

Представленная геополитическая конфигурация не может быть полной без учета геоэкономического измерения системы приднестровских национальных интересов.

Во-первых, Приднестровская Молдавская Республика обладает разветвленной системой торгово-экономических связей с Россией, ЕС, Украиной и Молдовой. Экспорт в ЕС сегодня составляет 36,75% от общего объема, в Молдову – 26,88%, в Украину – 23,07%, в Румынию – 16,77%, в Россию – 10,29%, в ЕАЭС – 10,79%. Импорт из ЕС сегодня составляет 13,41% от общего объема, из России – 38,37%, из Республики Молдова – 9,10%, из Украины – 27,17%, из ЕАЭС – 44,50% [1].

Во-вторых, через Приднестровье проходят торговые, сухопутные пути, соединяющие в основном Россию и Украину со странами ЕС.

В-третьих, через территорию Приднестровья проходит газовый трубопровод, соединяющий Россию и государства Европейского Союза.

В-четвертых, на территории Приднестровья работает Молдавская ГРЭС, которая является региональным поставщиком электроэнергии за пределы республики.

Использование понятия «национальные интересы» в политической риторике официальных лиц Приднестровья наблюдается уже с 2002 г., когда Президентом ПМР И. Н. Смирновым по случаю десятилетия Приднестровской Молдавской Республики был представлен доклад на тему «Приднестровская Молдавская Республика состоялась», в котором было указано, что главными целями приднестровской внешней политики будет отстаивание национальных интересов республики на международной арене.

Ключевым событием указанного периода является проведение референдума по вопросам взаимоотношений с Российской Федерацией и Респуб-

кой Молдова в 2006 г. За независимость Приднестровской Молдавской Республики и последующее свободное присоединение Приднестровья к Российской Федерации высказались 97,2% принявших участие в референдуме граждан. Против вхождения Приднестровья в состав Молдовы высказались 94,9% [2, с. 209].

После проведения референдума в Приднестровье последовала реакция Российской Федерации. 6 октября 2006 г. Государственная Дума РФ приняла Постановление № 3560-4 ГД «О Заявлении Государственной Думы Федерального Собрания «Об итогах референдума в Приднестровье 17 сентября 2006 года», призвав мировое сообщество учесть итоги референдума «ради обеспечения прав человека, мира и безопасности в данном регионе и справедливого разрешения приднестровского конфликта» [12]. Постановление было принято единогласно всеми 419 депутатами, присутствовавшими на заседании.

Период 2012–2018 гг. характеризуется закреплением национальных интересов Приднестровья в ранг неотъемлемой части актуальной приднестровской внешней политики, их закреплением в документах доктринального и концептологического характера.

Указом Президента ПМР от 20 ноября 2012 г. была утверждена Концепция внешней политики Приднестровской Молдавской Республики, в которой закреплено положение о том, что «участие Приднестровской Молдавской Республики в евразийских интеграционных проектах является одной из прочных основ современной национальной идеи Приднестровья». Таким образом, произошло закрепление основ приднестровских национальных интересов. При этом стоит отметить, что Концепция, принятая в 2012 г., действовала наряду с Концепцией 2005 г., что характеризует уникальность приднестровских реалий, в политическом спектре Приднестровья действовали одновременно два концептологических документа. Так, в Концепции внешней политики Приднестровья закреплялось положение о том, что «настоящая Концепция дополняет и развивает положения Концепции внешней политики Приднестровской Молдавской Республики, утвержденной Верхов-

ным Советом Приднестровской Молдавской Республики 26 мая 2005 года» [5].

17 февраля 2016 г. Президентом ПМР был подписан Указ «Об утверждении Военной доктрины Приднестровской Молдавской Республики». Указ начинался со слов: «В соответствии со статьями 59, 65, подпунктом «к» пункта 1 статьи 66 Конституции Приднестровской Молдавской Республики, отражая совокупность взглядов, определяющих военно-политические, военно-стратегические и военно-экономические основы обеспечения военной безопасности, выражая приверженность миру, с твердой решимостью защищать национальные интересы, гарантировать военную безопасность Приднестровской Молдавской Республики» [3]. В Военной доктрине закрепляется положение о том, что независимость Приднестровья, защита государственного суверенитета, обеспечение территориальной целостности и неприкосновенности границ Приднестровской Молдавской Республики являются приоритетными задачами приднестровского государства. Таким образом, в области оборонной политики Приднестровья национальные интересы сосредоточены на оборонительном характере приднестровской военной политики, определяя для их реализации задачи, которые носят приоритетный характер.

12 декабря 2018 г. Президентом ПМР был подписан Указ «Об утверждении Стратегии развития Приднестровской Молдавской Республики на 2019–2026 годы», которая стала документом стратегического характера в процессе реализации приднестровских национальных интересов и по сути открыла новую страницу в нем путем их прочного закрепления в законодательной базе республики. По своей природе этот документ вобрал в себя весь комплекс национальных интересов Приднестровья, формируя условия для планирования приднестровской государственной политики. В вводной части документа говорится, что Стратегия является основным документом стратегического планирования, определяющим национальные интересы и приоритеты Приднестровской Молдавской Республики, цели, задачи и меры в области внутренней и внешней политики, направленные на развитие страны на долгосроч-

ную перспективу. В Стратегии определены приоритеты приднестровской государственной политики, выражающиеся в политической стабильности, экономической самодостаточности и социальной справедливости. Достижение поставленных целей предполагает решение следующих задач, которые на сегодняшний день представляют собой структурированную систему приднестровских национальных интересов.

Первую группу приднестровских национальных интересов в соответствии с концептуальными и доктринальными документами составляют вопросы безопасности, которые выражаются в обеспечении территориальной целостности, суверенитета и независимости Приднестровской Молдавской Республики посредством прогнозирования военных угроз и решения существующих вызовов и потребностей приднестровских граждан и государства.

Дальнейшее развитие по пути к достижению национальных интересов во внешнем периметре вплотную упирается в торговые отношения, которые также формируют приднестровские национальные интересы, составляя вторую их группу. Основная цель государственной политики в рамках внешнеэкономической деятельности — это формирование условий, обеспечивающих государственную безопасность Приднестровской Молдавской Республики в сфере внешнеэкономических операций, поэтому вторую группу приднестровских национальных интересов формирует экономическое измерение государственной политики Приднестровья.

Формирующая третью группу национальных интересов Приднестровской Молдавской Республики социальная справедливость направлена на улучшение благосостояния приднестровцев. В Стратегии развития Приднестровья (2019–2026) сказано, что главной целью государственной политики в социальной сфере является создание комфортных и качественных условий для жизни граждан Приднестровской Молдавской Республики [8].

Стратегические цели в области обеспечения социальной справедливости на период 2019–2026 годов заключены в создании возможностей обе-

спечения получения качественных и доступных услуг в области социальной защиты населения, в области здравоохранения, в системе науки и просвещения, в области культуры, физической культуры и спорта.

Особое место следует отвести запущенному в 2006 г. в Приднестровье процессу гармонизации российского законодательства с приднестровским, поскольку оно отражает специфику построения приднестровской модели национальных интересов. Указом Президента ПМР от 10 августа 2006 г. была создана межведомственная комиссия по вопросам гармонизации законодательства Приднестровской Молдавской Республики с законодательством Российской Федерации. Главной целью комиссии стала работа по подготовке предложений по гармонизации законодательства Приднестровской Молдавской Республики с законодательством Российской Федерации, деятельности органов государственной власти в данном направлении [9]. Результатом работы комиссии стала разработка и утверждение Концепции и Единого плана по гармонизации законодательства Приднестровской Молдавской Республики с законодательством Российской Федерации, подписанного 26 июня 2007 г.

Обеспечение российского присутствия на территории Приднестровья в процессе гармонизации законодательства ПМР с законодательством РФ находит свое проявление еще и в использовании флага России наряду с Приднестровским в качестве официального. 12 апреля 2017 г. был подписан Закон «О порядке использования на территории Приднестровской Молдавской Республики Государственного флага Российской Федерации». В статье 3 Закона говорится: «Одновременное использование Государственного флага Российской Федерации и Государственного флага Приднестровской Молдавской Республики осуществляется в порядке и случаях официального использования Государственного флага Приднестровской Молдавской Республики, предусмотренных Законом Приднестровской Молдавской Республики «О Государственном флаге Приднестровской Молдавской Республики» с учетом положений настоящего Закона» [10]. В качестве

обоснования принятия этого закона в пояснительной записке сказано, что «государственный флаг России вызывает у приднестровского народа стойкую ассоциацию с российским государством, многонациональным народом России, частью которого ощущает себя многонациональный народ Приднестровья».

Российское присутствие на берегах Днестра не прекращается еще с 1792 г., когда по условиям Ясского мирного договора территория Приднестровья была включена в состав Российской империи. Прочные исторические связи, единые культурные и ментальные основы дают основания полагать, что Приднестровье является частью

Русского мира. В этом направлении и продолжают строиться стратегические приоритеты Приднестровской Молдавской Республики, отражающие национальные интересы приднестровского государства и национальные интересы Российской Федерации.

Таким образом, за 29 лет существования Приднестровской Молдавской Республики национальные интересы прошли полный цикл своего формирования и дальнейшего развития. Группы приднестровских национальных интересов образуют приоритеты и основные направления внутренней и внешней политики Приднестровской Молдавской Республики.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Внешняя торговля ПМР по основным странам и группам за январь–июнь 2019 г. // Официальный сайт Государственного таможенного комитета Приднестровской Молдавской Республики. <http://customs.gospmr.org/2014-3.html> (дата обращения 17.08.2019).
2. Волкова А. З. 2006. Референдумы в Приднестровской Молдавской Республике (1989–2006). Тирасполь: Типар.
3. В Приднестровье утверждена военная доктрина // Point.md. <https://point.md/ru/novosti/obschestvo/v-pridnestrovje-utverzhdена-voennaya-doktrina> (дата обращения 18.08.2019).
4. Конвенция о правах и обязанностях государств (Межамериканский), 26 декабря 1933 года (Конвенция Монтевидео) // Национальное собрание Западной Армении. <http://parliament-wa.info/ru/archives/1719> (дата обращения 16.08.2019).
5. Концепция внешней политики Приднестровской Молдавской Республики: приложение к указу Президента Приднестровской Молдавской Республики от 20 ноября 2012 года // Официальный сайт Министерства иностранных дел Приднестровской Молдавской Республики. <http://mfa-pmr.org/ru/Qpj> (дата обращения 18.08.2019).
6. Молчанов М. А. 2000. Дискуссионные аспекты проблемы «национальный интерес» // Полис. № 1. С. 7–22.
7. Моргентхау Г. 1997. Политика среди наций // Антология мировой политической мысли в 5 т. Т. 2. М.: Мысль, с. 501–507.
8. Об утверждении Стратегии развития Приднестровской Молдавской Республики на 2019–2026 годы: указ Президента Приднестровской Молдавской Республики от 12 декабря 2018 года // Официальный сайт Президента Приднестровской Молдавской Республики. <http://president.gospmr.org/pravovye-akty/ukazi/ob-utverzdenii-strategii-razvitiya-pridnestrovskoy-moldavskoy-respubliki-na-2019-2026-godi.html> (дата обращения 19.08.2019).
9. Об утверждении Положения о межведомственной рабочей группе по вопросам гармонизации законодательства Приднестровской Молдавской Республики с законодательством Российской Федерации: указ Президента Приднестровской Молдавской Республики от 10 августа 2006 г., № 431 // Закон ПМР. <http://zakon-pmr.com/DetailDoc.aspx?document=49209> (дата обращения 19.08.2019).

10. О порядке использования на территории Приднестровской Молдавской Республики Государственного флага Российской Федерации: Закон Приднестровской Молдавской Республики от 27 апреля 2017 года // Официальный сайт Президента Приднестровской Молдавской Республики <http://president.gospmr.org/pravovye-akty/zakoni/zakon-pmr-o-poryadke-ispoljzovaniya-na-territorii-pridnestrovskoy-moldavskoy-respubliki-gosudarstvennogo-flaga-rossiyskoy-federatsii-.html> (дата обращения 20.08.2019).

11. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года N 683 // Российская газета (дата обращения 16.08.2019).

12. Референдум в Приднестровье. Все только начинается // Новости Приднестровья. <https://novostipmr.com/old/2006/ol56-10-06.html> (дата обращения 18.08.2019).

ИМПЕРАТОРСКОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ОТ ИСТОРИИ К СОВРЕМЕННОСТИ

П. А. Заложков,
*советник Президента ПМР
по делам религии и культов*

С древних времен контакты со Святой Землей были постоянным фактором духовной жизни русского народа. Огромный пласт мировой истории и культуры не может быть правильно осмыслен и творчески освоен вне связи с ее культурным, библейским и христианским наследием.

Исследование, укрепление и расширение этой связи, этих контактов являлись и являются главной задачей Императорского Православного Палестинского Общества (ИППО) с момента его создания.

Императорское Православное Палестинское Общество, созданное Указом Императора Алек-

сандра III и общественной инициативой выдающихся русских людей того времени, ведет отчет своей истории с 1882 г.

Православное Палестинское Общество было создано волей императора Александра III (*рис. 1*), утвердившего его устав 3 июня 1882 г., в день памяти Святой Елены, покровительницы ИППО, которая многое сделала для обретения христианских святынь на Востоке.

Первым Председателем общества стал великий князь Сергей Александрович (*рис. 2*), возглавлявший его на протяжении 23 лет, вплоть до своей трагической гибели от рук большевистского тер-

Рис. 1. Российский император Александр III, утвердивший Устав Православного Палестинского Общества 3 июня 1882 г.

Рис. 2. Великий князь Сергей Александрович Романов – первый Председатель Императорского Православного Палестинского Общества (1889–1905 гг.)

рориста в 1905 г. Это был один из ярких представителей Царского Дома Романовых.

В качестве председателя ИППО Сергей Александрович не жалел средств на осуществление научных исследований, строительство храмов и подворий. На его деньги были проведены раскопки Порога Судных Врат близ храма Гроба Господня, через которые Спаситель шел на Голгофу. При его содействии были воздвигнуты в Иерусалиме храмы Святой равноапостольной Марии Магдалины и Святого князя Александра Невского, Сергиевское и Николаевское подворья для паломников.

Императорское Православное Палестинское Общество – старейшая в России научная и благотворительная неправительственная организация, уникальная по своему значению в истории национальной культуры. Название организации, которое сегодня для некоторых может прозвучать анахронизмом, говорит о преемственности традиций, заложенных более 130 лет назад членами русской императорской семьи.

Итак, почему Императорское? Это наименование было дано Обществу российским императором Александром III в 1889 г., спустя 7 лет после его учреждения, в знак высочайшего признания заслуг этой организации перед народом и государством.

Почему Православное? ИППО всегда было светской организацией, содействующей распространению и укреплению общечеловеческих моральных ценностей. Фундамент для деятельности Общества закладывали православные верующие люди.

Почему Палестинское? В память о той Палестине, которой уже нет на карте, но она жива в многочисленных объектах, расположенных в Иерусалиме, Назарете, Вифлееме и других городах. В русском языке и в сознании народов Ближнего Востока она до сих пор живет в устойчивом понятии «Русская Палестина». Это понятие, сформированное благодаря деятельности подвижников ИППО в конце XIX в., ныне имеет отношение больше к духовной культуре, нежели к географии.

Почему Общество? Международная неправительственная организация объединяет людей по

всему миру, независимо от государственной или конфессиональной принадлежности. Это прежде всего союз единомышленников.

Когда Общество было основано, в первый же год в него вошло 13 членов царской фамилии во главе с Александром III и императрицей Марией Федоровной. Все премьер-министры, министры иностранных дел Российской империи, обер-прокуроры Священного Синода в разные годы состояли в этой организации.

Успешными строительными и научно-археологическими проектами Общество быстро смогло завоевать общественное и государственное признание. Высочайшим Указом от 24 марта 1889 г. ему были переданы все полномочия, имущество и капиталы, связанные с русским присутствием в Святой Земле, и оно получило почетное именование Императорского Православного Палестинского Общества.

Результатом работы Общества в Святой Земле стало формирование уникального культурного и исторического феномена – Русской Палестины. Архитектурные памятники, связанные с деятельностью общества, являются неотъемлемой частью исторического облика Иерусалима, Назарета, Хайфы и Тель-Авива-Яффо. Неповторимый торжественный облик придает Иерусалиму расположенный в его центре ансамбль Русских построек. Он включал Троицкий собор, здание Русской Духовной Миссии, консульство, Елизаветское и Мариинское подворья и Русскую больницу. По всему Иерусалиму возвышались храмы с золотыми куполами, строения многочисленных подворий, амбулаторий и школ.

Перед катастрофой 1917 г. в отчете ИППО, посвященном 25-летию юбилею общества, был подведен итог четверти века работы: «Ныне, обладая в Палестине владениями ценностью почти в два миллиона золотых рублей, ИППО имеет 8 подворий, где находят приют до 10 тысяч паломников, больницу, шесть лечебниц для приходящих больных и 101 учебное заведение с 10 400 учащимися; за 25 лет им выпущено в свет 347 изданий по палестиноведению» [1, с. 6]. В Обществе состояло к этому времени более 3 тыс. членов, недвижимое имущество Общества составляли 28

земельных участков (26 в Палестине и по одному в Ливане и в Сирии) общей площадью более 23,5 га.

Большевикам-безбожникам после 1917 г. хватило ума не продавать и не отказываться от не поддающихся материальной оценке государственных, имущественных и духовных ценностей, связанных с российским наследием на Ближнем Востоке.

Однако в 1964 г. Н. С. Хрущев в подтверждение своей антицерковной политики, после заявления, что «покажет последнего попа по телевидению», продал львиную долю российской церковной недвижимости и земли правительству Израиля за 4,5 млн долларов, практически даром [1, с. 8].

Что характерно, на эту сумму Израиль должен был поставить апельсины и текстиль. Но грянула «шестидневная война», дипломатические отношения между Израилем и СССР были прерваны, и так называемая «апельсиновая сделка» канула в Лету.

На рубеже 1980–1990 гг. Общество вернуло свое историческое название, восстановило свои основные функции, главная из которых – функция оказания содействия православному паломничеству.

«Императорское Православное Палестинское Общество» является Международной общественной организацией под юрисдикцией Российской Федерации. С 2005 г. Обществу присвоен специальный консультативный статус при Экономическом и Социальном Совете ООН (ЭКОСОС).

ИППО имеет разветвленную сеть отделений в России и за рубежом.

Основные задачи представительства ИППО в Святой Земле заключаются в следующем:

- создание паломнической инфраструктуры, содействие развитию паломничества и просветительского туризма;
- восстановление паломнических, культурных, научных и информационных объектов;
- благотворительная деятельность, изучение и сохранение исторического и культурного наследия;
- установление и развитие культурных, научных, духовных и иных связей с народами Ближнего Востока.

Рис. 3. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл – Председатель Комитета Почетных членов ИППО

Среди членов ИППО, как и сто лет назад, – дипломаты, ученые, священники, предприниматели, видные общественные деятели.

Ныне среди Почетных членов Императорского Православного Палестинского Общества – министр иностранных дел Российской Федерации Сергей Лавров. Председателем Комитета Почетных членов ИППО является Святейший Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси (рис. 3).

Возглавляет Общество экс-премьер-министр Российской Федерации Сергей Степашин (рис. 4).

Директор ИППО в Израиле – известный предприниматель, общественный деятель и благотворитель Игорь Ашурбейли.

Администрация Президента Российской Федерации, МИД, Палестинское общество совместными усилиями верующих России вернули Сергиево подворье в собственность РПЦ.

Продолжается работа и по другим объектам Российской собственности в Израиле. Следует отметить особую роль Президента Российской Федерации В. В. Путина, который самым ответственным

Рис. 4. Сергей Степашин, ныне действующий
Председатель ИППО

ным образом содействует возвращению России ее собственности.

В возвращенном России Сергиевском подворье действует клуб гидов, организован музей. Открыты библиотека русской литературы, большой магазин православных икон, ювелирных изделий и сувениров, а также ресторан. Ежемесячно проводятся классические концерты, выставки и другие мероприятия. В скором времени планируется открытие офисного центра, включающего в себя консульский отдел Посольства РФ.

25 декабря 2014 г. в Центре Императорского Православного Палестинского Общества в Москве состоялось заседание Совета ИППО для подведения итогов года и планирования работы на 2015 г. В заседании принял участие архиепископ Тираспольский и Дубоссарский Владыка Савва. В ряды ИППО было принято 74 новых члена, из них в статус действительного члена – 71 человек. Среди новоизбранных членов ИППО – Архиепископ Тираспольский и Дубоссарский Савва. Усилиями Владыки Саввы было получено разрешение учре-

дить Приднестровское представительство ИППО как зарубежную организацию. Вскоре в число действительных членов ИППО были включены Н. В. Дымченко и В. В. Тобух.

15 января 2018 г. в епархиальном управлении под председательством Архиепископа Саввы состоялось первое заседание Приднестровского представительства ИППО. Перед началом заседания Владыка Савва как руководитель общества вручил почетные знаки и удостоверения действительных членов ИППО государственному советнику Президента ПМР А. З. Волковой, начальнику Государственной службы управления документацией и архивами ПМР З. Г. Тодорашко, ректору ПГУ им. Т. Г. Шевченко, профессору С. И. Берилу, координатору движения «Сорок сороков» (ПМР) В. В. Гуска. Позже, 10 мая, ряды действительных членов ИППО пополнил советник Президента ПМР по делам религий и культов П. А. Заложков, которому Председатель Приднестровского представительства ИППО Владыка Савва вручил почетный знак и удостоверение.

16 февраля и 15 марта состоялись заседания Приднестровского представительства ИППО. В ходе заседаний Владыка Савва в своем выступлении отметил: «Слава Богу, и мы подключились к этой работе по православному просвещению, сбережению православных святынь, развитию паломнической деятельности, продвижению христианских наук». Позже в ряды действительных членов ИППО была принята министр просвещения ПМР Т. Г. Логинова.

Статус представительства, которым наделено Приднестровское ИППО, является очень высоким. Таким статусом наделены наряду с Приднестровским ИППО только организации Мальты, Франции, Черногории, Италии, Вифлеема.

В 2016 г. был образован Паломнический центр Императорского Православного Палестинского Общества «Святая Земля». Центр выполняет основную задачу Общества, ради которой оно и создавалось: организует паломничество верующих на Святую Землю.

Приехавший в Израиль турист или паломник имеет уникальную возможность соприкос-

нуться с библейской историей. Куда ни пойдешь, кажется, что повсюду здесь для христианина поистине Святая Земля. Святая Земля – это место встречи человека с Богом. Это земля, где протекала большая часть ветхозаветной Священной истории, земля Авраама, Исаака, Иакова; земля святых пророков – Исаии, Илии, Елисея и многих других. Это земля Обетованная. Святая Земля – это земная родина Господа нашего Иисуса Христа. Там было Рождество Христово, Сретение Господне, Крещение Господне, Преображение Господне, там Господь проповедовал, творил чудеса, принял вольное страдание и крестную смерть; там было всеславное Воскресение Христово, Вознесение Господа на небеса, Сошествие Святого Духа.

Святая Земля – это земля, где было Рождество Пречистой Девы Марии, Ее Введение во храм, Благовещение, где было Ее славное Успение. Святая Земля – земля св. апостолов и множества угодников Божиих, первых мучеников за Христа, преподобных отцов и жен.

ИППО с 16 по 20 мая 2019 г. проводило в Иерусалиме Международный семинар руководителей региональных и зарубежных объединений и представительств. Этот Международный семинар был приурочен также к 200-летию Российского дипломатического присутствия на Ближнем Востоке.

Для участия в семинаре были приглашены представители нескольких десятков российских и зарубежных отделений и представительств ИППО. Чести быть приглашенным для участия в работе семинара было удостоено и приднестровское представительство ИППО (рис. 5). 9 мая в Иерусалим вылетела представительная делегация во главе с управляющим Тираспольско-Дубоссарской епархией Архиепископом Саввой. В состав делегации вошли действительные члены ИППО советник Президента ПМР по делам религии и культов П. А. Заложков и начальник Государственной службы управления документацией и архивами ПМР З. Г. Тодорашко, а также клирик кафедрального собора Рождества Христова г. Тирасполь иерей П. Кузменных и референт Правящего Архиерея В. Болдеску.

Рис. 5. На семинаре Императорского Православного Палестинского Общества в Иерусалиме (май 2019 г.): слева направо – П. А. Заложков, З. Г. Тодорашко, С. В. Степашин, Архиепископ Тираспольский и Дубоссарский Савва

Пребывание нашей делегации на Святой Земле включало в себя не только участие в работе семинара по отчету и анализу деятельности ИППО, но также и паломничество к самым значимым вселенским христианским святыням. Работа Международного семинара перемежалась с паломничеством и участием в духовных и литургических службах.

О высоком международном статусе ИППО и нашего Владыки Саввы говорит то, что Архиепископ Тираспольский и Дубоссарский Его Высокопреосвященство Савва и члены делегации 10 мая были удостоены персонального приема Патриарха Иерусалимского и Всея Палестины Феофила III, чего не удостоиваются многие архиепископы и главы государств.

Рис. 6. Приднестровская делегация на приеме Патриарха Иерусалимского Феофила III (в центре)

Высокопреосвященнейший Архиепископ Савва во время продолжительной беседы с Блаженнейшим Патриархом Феофилом широко осветил всю палитру церковной и общественной жизни Приднестровья. Его Блаженство проявил неподдель-

ный интерес к нашей республике и даже поинтересовался, какая валюта имеет у нас хождение. Владыка Савва продемонстрировал и подарил Его Блаженству, к нескрываемому изумлению Патриарха, несколько образцов наших банкнот. В заключение приема состоялся обмен памятными подарками и было сделано коллективное фото на память о визите (рис. 6).

Делегации Приднестровского ИППО в свободное от участия в заседаниях семинара время удалось посетить Храм Гроба Господня в Иерусалиме. В храме побывать в Кувуклии, где был похоронен Иисус Христос, прикоснуться к Голгофе. В Палестине приднестровцы побывали в Вифлееме, где родился Иисус Христос. На Масличной горе они посетили церковь Вознесения Христова, в которой находится камень с отпечатком левой ноги Спасителя – последний след его пребывания на Земле. Были посещены также Капернаум – родина апостола Петра, Табха, где Иисус Христос накормил пять тысяч человек двумя рыбами и пятью хлебами, гора Блаженства, помнящая Нагорную проповедь, Магдала – родина Марии Магдалины, Тиверия, Тивериадское озеро, Мертвое море и другие святые места.

О незабываемых впечатлениях автор рассказал в своих заметках «На Святой Земле», опубликованных в газете «Православное Приднестровье» [2].

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Императорское Православное Палестинское общество. История и современность. 1882–2019: М., 2019.
2. Православное Приднестровье. 2019. № 7–11.

ФИЗКУЛЬТУРА И СПОРТ В ПРИДНЕСТРОВСКОЙ МОЛДАВСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ: ОРГАНИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ И ПОДГОТОВКИ КАДРОВ

А. С. Франц,
*аспирант кафедры политологии и
государственного управления
ИГУПиСГН ПГУ им. Т.Г. Шевченко*

С момента образования Приднестровской Молдавской Республики начинается процесс формирования органов государственного управления. Закономерно, что среди них появился и орган, координировавший деятельность по развитию спорта: в составе первого Правительства ПМССР существовало Республиканское управление здравоохранения и спорта [1, с. 50].

Постановлением Правительства ПМР «Об утверждении Положения «О Республиканском управлении по делам молодежи, спорта и туризма»» № 113 от 10.07.1992 г. было образовано Республиканское управление по делам молодежи, спорта и туризма ПМР [6]. Спустя два месяца Постановлением Верховного Совета ПМР № 190 от 8.09.1992 г. Республиканское управление было реорганизовано в Государственный комитет по делам молодежи, спорта и туризма ПМР [4], который функционировал при Государственной администрации г. Тирасполь.

Следующее преобразование произошло в 1995 г. В соответствии с Постановлением Верховного Совета ПМР «О новой структуре Правительства Приднестровской Молдавской Республики» от 28.04.1995 г. № 635 [4] и Указом Президента ПМР от 23.06.1995 г. № 172 «Об органах государ-

ственного управления Приднестровской Молдавской Республики» [8], Государственный комитет по делам молодежи, спорта и туризма был реорганизован в Республиканское управление по делам молодежи, спорта и туризма ПМР. В период с 7.05.1992 г. по 27.06.2000 г. его руководителем был В. К. Скляренко (рис. 1).

Рис. 1. Руководитель Республиканского управления по делам молодежи, спорта и туризма В. К. Скляренко (1992–2000 гг.).

Рис. 2. Начальник Государственной службы по спорту В. Г. Соколенко

После внесения изменений в Конституцию ПМР в 2000 г. Указом Президента ПМР от 25.07.2000 г. № 225 [9] Республиканское управление по делам молодежи, спорта и туризма ПМР было ликвидировано, его функции перешли к Министерству просвещения ПМР [10].

Указом Президента ПМР от 23.07.2013 г. № 339 было утверждено создание Государственной службы по спорту ПМР [11]. С 1 августа 2013 г. по 27 декабря 2016 г. начальником Государственной службы по спорту ПМР был И. Ф. Тимотин, а с 27 декабря 2016 г. по настоящее время начальником Государственной службы по спорту ПМР является В. Г. Соколенко (рис. 2).

Госслужба по спорту ПМР состоит из 6 структурных подразделений и 3 подведомственных учреждений.

В структуру Государственной службы по спорту входят: 1) Руководство Государственной службы по спорту; 2) Отдел спорта высших достижений и спортивного резерва; 3) Отдел развития физической культуры и массового спорта; 4) Отдел реализации государственной политики в сфере спор-

та; 5) Отдел международно-правовых отношений; 6) Отдел финансово-хозяйственной деятельности.

Подведомственными учреждениями Государственной службы по спорту являются: а) Государственное учреждение «Республиканский центр олимпийской подготовки»; б) Государственное образовательное учреждение дополнительного образования «Республиканская специализированная детско-юношеская школа олимпийского резерва настольного тенниса»; в) Государственное образовательное учреждение среднего профессионального образования «Училище олимпийского резерва».

Развитие физической культуры и спорта в государстве чрезвычайно важно, причем речь идет не только о спорте высоких достижений, но и о здоровье народа, о приобщении к физической культуре, к здоровому образу жизни, начиная с детства.

В 2018 г. появилась Концепция развития и популяризации спорта в ПМР на 2019–2026 гг. и Положение о Республиканском физкультурно-спортивном комплексе «Готов к труду и обороне».

В ПМР система спорта представлена шестью территориальными управлениями физической культуры и спорта. Физкультурно-оздоровительную и спортивную работу в республике проводят 29 государственных и муниципальных учреждений дополнительного образования спортивной направленности, 18 республиканских спортивных федераций, Республиканский центр олимпийской подготовки, Училище олимпийского резерва, Республиканская специализированная детско-юношеская школа олимпийского резерва настольного тенниса.

Совершенствуется материально-техническая база физической культуры и спорта, появляются новые и реконструируются старые спортивные объекты. Все это позволяет проводить соревнования международного уровня и эффективно развивать массовый детско-юношеский спорт, спорт высших достижений, а также спорт среди лиц с ограниченными возможностями.

В структуру материально-технической базы физической культуры и спорта входят 291 спор-

тивное сооружение, в том числе 7 стадионов, 189 спортивных залов, 3 плавательных бассейна, 85 плоскостных спортивных сооружений, 7 гребных баз [2].

В настоящее время в Приднестровье культивируется 47 видов спорта, в том числе 26 олимпийских (бадминтон, баскетбол, бейсбол, бокс, борьба вольная и греко-римская, велосипедный спорт, волейбол, гандбол, гимнастика спортивная, гимнастика художественная, гребля академическая, гребля на байдарках и каноэ, дзюдо, легкая атлетика, плавание, прыжки на батуте, современное пятиборье, стрельба из лука, пулевая стрельба, теннис, настольный теннис, тяжелая атлетика, тхэквондо, футбол, хоккей). Спортивное движение для людей с ограниченными возможностями здоровья представлено восемью видами спорта (шахматы, шашки, мини-футбол, голбол, настольный теннис, легкая атлетика, плавание, волейбол). Существует два национальных вида спорта (борьба «трынтэ» и метание буздугана), 18 военно-прикладных, служебно-прикладных видов спорта. Большой популярностью пользуются: спортивная акробатика, бейсбол, бодибилдинг, борьба самбо, кикбоксинг, пауэрлифтинг, регби, спортивное рыболовство, спортивное ориентирование, спортивный туризм, традиционное, спортивное и прикладное каратэ, универсальный бой, шахматы и шашки. Формированием детско-юношеского спорта занимаются 569 тренеров-преподавателей [7].

Общая численность занимающихся в специализированных детско-юношеских спортивных школах олимпийского резерва и детско-юношеских спортивных школах составляет свыше 11 тыс. человек.

Для спортсменов-профессионалов высокого класса в Приднестровье действует Школа высшего спортивного мастерства и Республиканский центр олимпийской подготовки, созданный в 1993 г.

3 сентября 2019 г., впервые за всю историю республики, появилось Училище олимпийского резерва, которое было открыто в столице на базе школы № 4. Данное образовательное учреждение позволит растить новых высококвалифицированных спортсменов, подготовка в нем будет вестись по 12 видам спорта. Среди них: гребля, легкая

Рис. 3. Декан факультета физической культуры и спорта ПГУ им. Т. Г. Шевченко В. Ф. Гуцу

атлетика, бокс, велоспорт, гандбол и другие.

С целью подготовки специалистов в области физкультурного образования – учителей, тренеров и преподавателей для общеобразовательных и профессиональных учебных учреждений разных уровней, инструкторов по физической культуре – в августе 1993 г. в составе естественно-географического факультета Приднестровского государственно-корпоративного университета им. Т. Г. Шевченко была открыта кафедра спортивно-педагогических дисциплин (СПД).

С 3 января 2000 г. был открыт факультет физической культуры и спорта (ФКиС), который стал самостоятельной единицей в составе ПГУ им. Т. Г. Шевченко. Деканом факультета в течение 19 лет является В. Ф. Гуцу (рис. 3).

Факультет физической культуры и спорта ведет подготовку специалистов по направлениям: «Физическая культура»; «Физическая культура» со специализацией «Менеджмент в физической культуре и спорте»; «Физическая культура» со специализацией «Физическая реабилитация». Выпускники факультета получают квалификацию «Педагог по физической культуре» и свидетельство тренера по отдельному виду спорта.

Рис. 4. Анна Репида – чемпион мира по самбо

На факультете функционирует семь кафедр:

1) кафедра педагогики и психологии спорта (завкафедрой – заслуженный деятель физической культуры, канд. педнаук, профессор В.Ф. Гуцу) была основана 1 октября 2005 г. в целях повышения психолого-педагогической компетенции специалистов по физической культуре;

2) кафедра теории и методики физического воспитания и спорта (завкафедрой – канд. педнаук, доцент Р. Е. Ковалева) была основана в 2000 г. В разные годы ею заведовали Т. В. Коханова, С. Г. Шепилова, Н. В. Тимуш, М. В. Алексеева, И. В. Колоколова, В. К. Скляренко;

3) кафедра гимнастики и спортивных единоборств (завкафедрой – В. В. Абрамова, мастер спорта СССР, канд. педнаук, доцент) была организована в 2000 г. и до 2005 г. называлась кафедрой гимнастики и борьбы. В становлении кафедры большую роль сыграла Л. А. Батуева, отличник народного образования ПМР, преподаватель высшей категории, руководившая кафедрой более десяти лет с момента ее образования. Значительный вклад в развитие кафедры внесли также отличник физической культуры СССР, канд. педнаук, профессор Е. М. Филиппенко и доцент Т. В. Романюк, руководившая кафедрой в период с 2010 по 2016 гг.;

4) кафедра легкой атлетики, водных видов спорта и туризма организована в 2000 г. на базе кафедры легкой атлетики и плавания отделения физической культуры при естественно-геогра-

фическом факультете ПГУ им. Т. Г. Шевченко. Завкафедрой – И. В. Деркаченко, канд. педнаук, доцент, заслуженный тренер ПМР;

5) кафедра спортивных игр была основана в 2000 г. (завкафедрой – канд. педнаук, доцент Ю. Н. Емельянова). Большой вклад в развитие кафедры внесли ст. преподаватель Л. А. Панченко, отличник народного образования, мастер спорта СССР, ст. преподаватель М. В. Алексеева, отличник народного образования, мастер спорта международного класса, доцент Т. Н. Тимуш;

6) кафедра физической реабилитации и оздоровительных технологий берет свое начало с января 2003 г., когда была открыта кафедра «Реабилитация, лечебная физическая культура и массаж». С 2005 г. кафедра называется «Спортивная медицина» и функционирует как самостоятельное структурное подразделение университета. Завкафедрой – врач высшей категории, отличник здравоохранения СССР, заслуженный врач ПМР, доцент А. Н. Бутеску;

7) кафедра физического воспитания (завкафедрой – Т. И. Черба, мастер спорта СССР, заслуженный работник народного образования ПМР, доцент) начинает свою историю с 1947–1948 учебного года. Первой заведующей была В. И. Балобина. Одним из структурных подразделений факультета физической культуры и спорта кафедра становится с 2000 г. В разные годы ею заведовали Т. И. Черба, Л. И. Твердохлебова, И. В. Деркаченко.

Профессорско-преподавательский состав факультета насчитывает ныне более 100 высококвалифицированных преподавателей, в числе которых профессора и доценты, доктора и кандидаты наук, старшие преподаватели, заслуженные работники народного образования, заслуженные врачи, заслуженные деятели физической культуры и спорта, заслуженные тренеры, мастера спорта и мастера спорта международного класса.

Более 700 педагогов выпустил факультет за время своей деятельности. Среди выпускников факультета учителя и тренеры, организаторы физической культуры, работники физдиспансеров, преподаватели вузов. Выпускники работают в учреждениях общего, профессионального и допол-

Рис. 5. Академия футбола «Шериф» (фото 2008 г.)

нительного образования, в спортивных клубах и организациях нашей республики, в государствах ближнего зарубежья (Молдова, Украина, Россия, Белоруссия) и за рубежом (в Германии, Австрии, Израиле, Канаде, Италии) [3].

На факультете получили и получают образование известные спортсмены – участники и призеры олимпийских и паралимпийских игр, чемпионы и призеры чемпионатов мира и Европы, Кубков мира, Европы, Украины, России, Белоруссии, Приднестровья, Молдовы. Они постоянно участвуют во всех спортивных мероприятиях республиканского и международного уровня. Выпускники факультета представляли нашу республику по 21 виду спорта на чемпионатах и кубках мира, Европы, стран Юго-Восточной Европы, Балканских стран, России, Белоруссии, Молдовы, Украины, где неоднократно (более 160 раз) поднимались на пьедестал почета. Среди участников можно особо выделить Анну Репиду (рис. 4), Светлану Ткач – первое место по самбо на чемпионате мира; Сергея Стоянова, Дениса Телешмана, Никиту Левушкина, Максима Казаку – первые места на чемпионатах и кубках мира и Европы по кикбоксингу ВАКО; Ивана Замфинова – призера чемпионата Европы по вольной борьбе; Андрея Мыцыкова – серебряного призера Первых Европейских игр в Баку, чемпиона и призера международных соревнований, участ-

ника и финалиста чемпионатов мира, Европы, Всемирной универсиады; Татьяну Перстневу – участницу II юношеских Олимпийских игр (Китай, г. Нанкин), участницу чемпионатов мира и Европы; Евгению Танасиенко – участницу Первых юношеских Олимпийских игр в Сингапуре, участницу чемпионата мира; Александра Рышкан – призера Всемирной универсиады 2013 г. по боксу, бронзового призера чемпионата Европы; Лилию Фиськович – участницу Олимпийских игр в Рио-де-Жанейро, завоевавшую квоту для участия в Олимпийских играх в Токио; Данилу Артемова – участника Олимпийских игр «Лондон-2012», победителя юношеского чемпионата Европы. Сборные команды по игровым видам спорта, в том числе гандбол и футбол (мужчины), гандбол и волейбол (женщины) неоднократно становились победителями и призерами в чемпионатах и кубках ПМР и Молдовы.

Футбол – любимый вид спорта приднестровцев. Самым титулованным и известным клубом является Тираспольский «Шериф» (рис. 5), созданный 4 апреля 1997 г. ФК «Шериф» является семнадцатикратным чемпионом Молдавии, десятикратным обладателем Кубка Молдавии, семикратным обладателем Суперкубка Молдавии, а также двукратным обладателем Кубка чемпионов Содружества. Неоднократный участник группового этапа «Лиги Европы».

ФК «Шериф» уделяет большое внимание развитию футбола. 16 августа 2003 г. была основана Академия футбола. В настоящее время в ней азам футбола обучается более 400 детей в возрасте от 7 до 17 лет. Академия футбола делится на два подразделения: юношеская академия (U8–U12)

и профессиональная Академия (U13–U18). Известными воспитанниками академии являются: братья Станислав, Александр и Сергей Намашко, Сергей и Александр Пащенко, Сергей Даду, Станислав Иванов, Игорь Пикущак, Александр Суворов и др.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. История государственных учреждений: высшие и центральные органы власти и управления Приднестровской Молдавской Республики. 1990–2010 годы. 2010. Тирасполь: Полиграфист.
2. Отчет о деятельности Государственной службы по спорту ПМР за 2018 год. <http://sport.gospmr.org/index.php/home-3/2018-01-21-21-33-40/439-2018-2> (дата обращения 8.09.2019 г.)
3. Официальный сайт факультета физической культуры и спорта. <http://sport.spsu.ru/> (дата обращения 10.09.2019 г.)
4. Постановление Верховного Совета Приднестровской Молдавской Республики от 8.09.1992 г., № 221 «О совершенствовании структуры органов государственного управления Приднестровской Молдавской Республики». <https://www.ulpmr.ru/ul/show/OJpRRLJBOWumTbgDVPkDtl26r3oROckPmeOY> (дата обращения 5.09.2019 г.)
5. Постановление Верховного Совета Приднестровской Молдавской Республики от 28.04.1995 г., № 635 «О новой структуре Правительства Приднестровской Молдавской Республики». <https://www.ulpmr.ru/ul/show/X3Ogdj2ymMsSgajV7RXPYUFFbauQ1ykvV6M> (дата обращения 6.09.2019 г.)
6. Постановление Правительства Приднестровской Молдавской Республики от 10.07.1992 г., № 113 «Об утверждении Положения о Республиканском управлении по делам молодежи, спорта и туризма». <https://www.ulpmr.ru/ul/show/G0nwRkJW1jfdPNk4TADcU8JraG0YpEHNCJP4> (дата обращения 5.09.2019 г.)
7. Постановление Правительства от 27.12. 2018 г., № 467 «Об утверждении Концепции развития и популяризации спорта в Приднестровской Молдавской Республике на 2019–2026 годы». <http://gov-pmr.org/item/13812> (дата обращения 11.09.2019 г.)
8. Указ Президента Приднестровской Молдавской Республики от 23.06.1995 г., № 172 «Об органах государственного управления Приднестровской Молдавской Республики». <https://www.ulpmr.ru/ul/show/Wab0g0iCVMI1esejOz4IwOFSIU2hi3fk9uk=> (дата обращения 6.09.2019 г.)
9. Указ Президента Приднестровской Молдавской Республики от 25.07.2000 г., № 225 «О некоторых вопросах реорганизации исполнительных органов государственной власти Приднестровской Молдавской Республики, в ведении которых находятся вопросы социальной сферы, и в связи с формированием Кабинета министров». <https://ulpmr.ru/ul/show/RHLwxZtLZz5W3Tn0tvZqi5ncV9q4uWfBMKdY=> (дата обращения 8.09.2019 г.)
10. Указ Президента Приднестровской Молдавской Республики от 16.08 2000 г., № 322 «Об утверждении Положения, структуры и штатного расписания министерства просвещения Приднестровской Молдавской Республики». <https://www.ulpmr.ru/ul/show/umfbKldayxc8vya1e28E0g8bzbNjB4pRK4wU=> (дата обращения 7.09.2019 г.)
11. Указ Президента Приднестровской Молдавской Республики от 23.07.2013 г., № 339 «Об утверждении системы и структуры исполнительных органов государственной власти Приднестровской Молдавской Республики». <https://www.ulpmr.ru/ul/show/iDDD7aNIEZLyWTIo3lwjTZ7hxoZiC7C9AnYQ=> (дата обращения 11.09.2019 г.)

ИЗУЧЕНИЕ НЕКРОПОЛЯ БОЛЬШОГО ТЕРРОРА 1937–1938 гг. В г. ТИРАСПОЛЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК НА БАСТИОНЕ «СВ. ВЛАДИМИР»)

И. А. Четвериков,
*старший научный сотрудник
НИИ «Археология»
ПГУ им. Т. Г. Шевченко*

В настоящей работе подводятся промежуточные итоги шести лет исследований, проводимых археологами и волонтерами на бывшей территории Тираспольской крепости. Она была уничтожена при строительстве Бородинского микрорайона г. Тирасполя: от некогда мощной земляной фортеции относительно хорошо сохранился только бастион «Св. Владимир». В его центре уцелел сооруженный в 1793–1795 гг. каменный пороховой погреб, непосредственно вокруг которого обнаружено множество расстрельных ям периода Большого террора 1937–1938 гг. В непосредственной близости от бастиона, несколько западнее его, в 1930-е гг. располагалась внутренняя тюрьма НКВД г. Тирасполя, что достоверно известно благодаря плану крепости от 5.06.1937 г. (рис. 1: 1) и немецкой аэрофотосъемке города от 24.04.1944 г. (рис. 1: 2).

За свою историю пороховой погреб бастиона «Св. Владимир» всего несколько лет служил по прямому назначению. Границы Российской империи отодвинулись к Дунаю, и сооружение стало использоваться гарнизоном крепости как склад: об этом свидетельствуют находки свинцовых навесных пломб второй половины XIX – начала XX в. До революции в бастионе, возможно, время от времени проходили учебные стрельбы – на обнаруженных в культурном слое и заполнении расстрельных ям винтовочных гильзах [12, с. 30, табл. 41: 7] стоят маркировки до 1917 г. Какое-то время пороховой погреб служил Осоавиахимовским тиром, где оттачивали свое мастерство участники курсов «Ворошиловский стрелок». В 1930-х гг. «Св. Владимир» перешел в ведение руководства вышеуказанной тюрьмы НКВД.

В рубрике

МЕМОРИАЛ ПРИДНЕСТРОВЬЯ

• ИЗУЧЕНИЕ
НЕКРОПОЛЯ БОЛЬШОГО
ТЕРРОРА 1937–1938 гг.
В г. ТИРАСПОЛЕ
(ПО МАТЕРИАЛАМ
РАСКОПОК НА БАСТИОНЕ
«СВ. ВЛАДИМИР»)

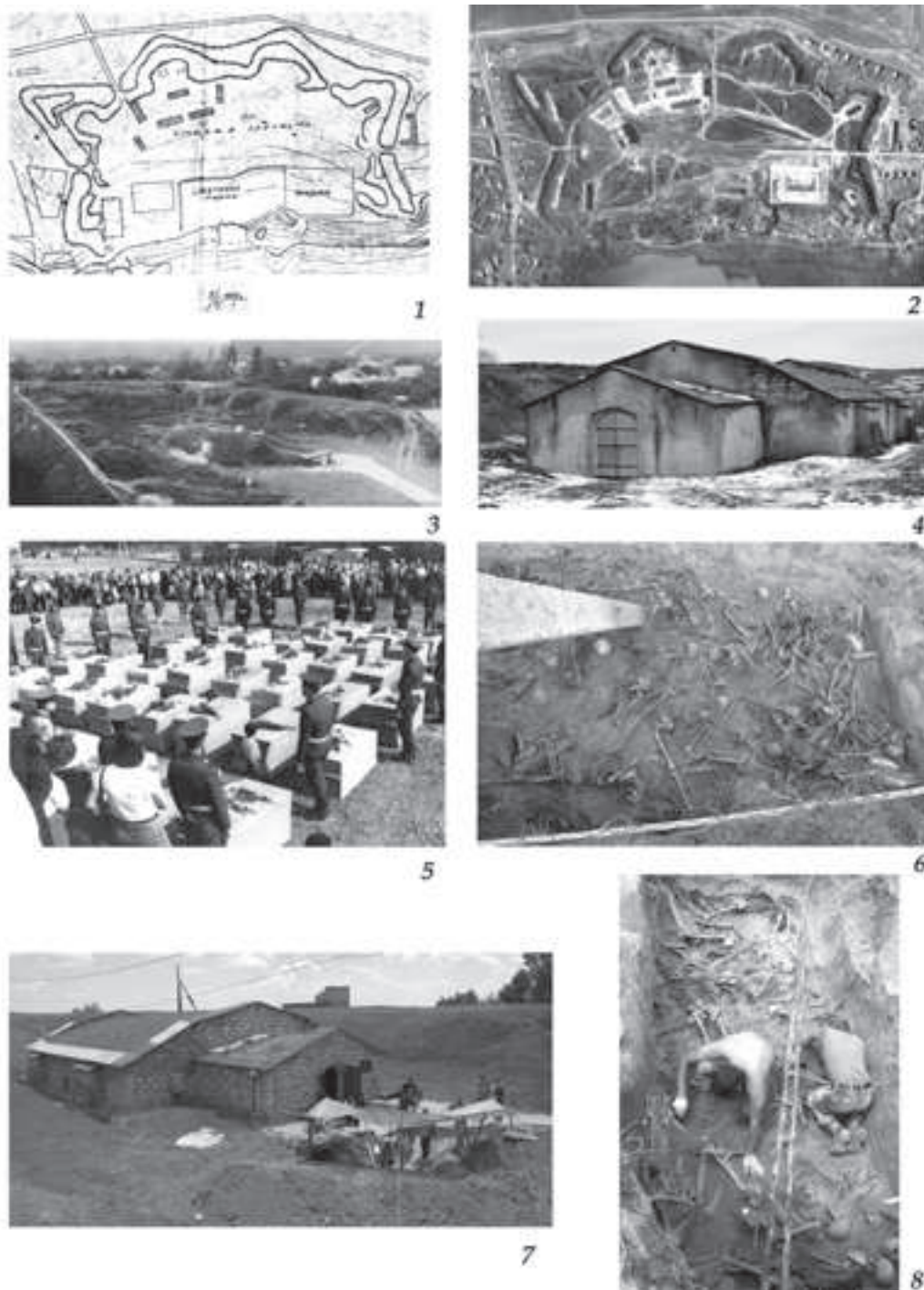

Рис. 1. 1 – карта Тираспольской крепости от 6.05.1937 г. с указанием границ тюрьмы НКВД; 2 – фотография г. Тирасполя, сделанная с немецкого самолета-разведчика 24.04.1944 г.; 3 – бастион «Святой Владимир» в 1970-х гг.; 4 – пороховой погреб бастиона «Св. Владимир» после снятия с него земляной оболочки (фото 2013 г.); 5 – перезахоронение останков репрессированных, обнаруженных в июне–июле 1991 г. (фото В. В. Иванова); 6 – расстрельная яма, изученная в августе–сентябре 2019 г. (фото А. А. Паламаря); 7 – начало раскопок (июнь 2017 г.) территории у входа в пороховой погреб (фото А. А. Паламаря); 8 – волонтеры проводят расчистку костяков в расстрельной яме (Р. Л. Романов (справа) и Н. В. Дукин, июнь 2017 г.).

С началом Великой Отечественной войны, вплоть до занятия немцами и румынами Тирасполя, бастион использовался для расстрела дезертиров и уклонистов от службы в рядах РККА. После войны на бастионе последовательно размещались артиллерийская батарея, стоянка автомобильного батальона (в валах были вырыты специальные капониры), склад ГСМ и, традиционно, стрелковый тир¹.

При строительстве в 1960–1970-х гг. Бородинского микрорайона, памятуя о событиях на соседнем бастионе «Св. Павел»², власти решили не трогать «Св. Владимир». На валы и во внутреннее пространство бастиона стали свозить строительный мусор: несколько позже к этому добавился тайком вывозимый мусор бытовой. В результате земная поверхность вокруг порохового погреба поднялась местами на 0,4 м, а ромбовидная изначально конфигурация валов сменилась на петлевидную. Со временем заросший травой бастион стал зимой местом детских игр (*рис. 1: 3*).

История исследования. В начале 1990-х гг. «Св. Владимир» был передан городскому краеведческому музею (ныне Тираспольский объединенный музей) с целью устройства в пороховом погребе Музея истории Тираспольской крепости. С порохового погреба было снято его земляное покрытие (*рис. 1: 4*), внутри начались ремонтные работы³. В июне 1991 г., в ходе прокладки к погребу тепловых коммуникаций, рабочие наткнулись на расстрельные ямы: о событиях 1960–1970-х гг. к тому времени успели забыть. Срочно вызванные на место солдаты провели эксгумацию как минимум четырех расстрельных ям, в ходе которой останки вынимались экскаватором, бегло

осматривались и затем перегружались в специальные ящики. Документация военными не велась, находки в музейные фонды не поступали. Тем не менее, характер обнаруженных захоронений был всем предельно ясен. При перезахоронении (июль 1991 г.) в братскую могилу было опущено 35 ящиков, средняя вместимость которых составляет не более 6 скелетизированных тел. Исходя из этого, численность захороненных в 1991 г. – около 200 человек, но эта цифра, опять же, приближительная. Погибшим были оказаны и воинские почести (*рис. 1: 5*).

В 1992 г. к работе на бастионе «Св. Владимир» приступила археологическая экспедиция малого предприятия «Центр археологических исследований» (МП ЦАИ) при Приднестровском государственно-корпоративном университете (ПГКУ) им. Т. Г. Шевченко. Общее руководство раскопками осуществлял руководитель МП ЦАИ канд. ист. наук Е. В. Яровой, активно привлекавший к работе студентов исторического факультета ПГКУ. Раскопки проводились согласно договору № 10, заключенному между МП ЦАИ и Историко-краеведческим музеем г. Тирасполя, финансирование осуществляло Управление культуры, образования и культов г. Тирасполя [1, с. 1]. По итогам каждого полевого сезона писался научный отчет, один из экземпляров которого передавался заказчику.

Цель первого этапа исследований (сентябрь–ноябрь 1992 г.) определялась стремлением Историко-краеведческого музея обрести артефакты начального периода истории Тираспольской крепости (кон. XVIII – нач. XIX в.) Однако связанных с этим периодом находок было сделано ничтожно мало. В то же время, на восточном и

¹ Послевоенная история бастиона восстановлена по рассказам старожилов, многие из которых в 1990-е гг. еще жили по ул. 95-й Молдавской дивизии (бывшая ул. Водопроводная). В 1992 г., до косметического ремонта внутренней стены южной части погреба, на ней читались многочисленные выщерблины от попадания пуль.

² Внутри бастиона «Св. Павел», также находящегося недалеко от тюрьмы НКВД, находилось длинное каменное сооружение, назначение которого остается невыясненным. Во время закладки котлованов зданий на территории снесенного бастиона было разрушено несколько расстрельных ям, чему стали свидетелями множество людей. Несмотря на то, что останки были скрыты (по некоторым сведениям, закопаны на одном из тираспольских кладбищ), власти города решили не рисковать с соседним «Св. Владимиром»: по-видимому, кто-то из ответственных лиц навел справки о бастионе в соответствующих органах.

³ По не подтвержденным документально данным, скелетизированные человеческие останки обнаруживались в полу порохового погреба при прокладке системы отопления: характер эксгумации и место перезахоронения остается неизвестным.

южном фасах бастиона обнаружили три ямы 1937–1938 гг., из которых скелетизированные останки находились в двух (№ 2–3). Одна яма (№ 1) оказалась заполненной вещами расстрелянных [1, с. 2–23] и была исследована только в сентябре 2017 г. Происшедшее поменяло вектор изучения памятника – на втором этапе работ (1993–1994 гг.) главной задачей стали целенаправленный поиск и изучение расстрельных ям. На южном фасе бастиона в 1993 г. археологи выявили и эксгумировали две расстрельные ямы (№ 4–5) [2, с. 4–17]: еще две ямы из этого сектора [2, с. 18] были исследованы в 1994 г. На западном фасе бастиона в 1994 г. обнаружили три «солдатские» ямы 1991 г.: исследование показало, что на дне каждой из них находилось от 3-х до 5-ти разрушенных экскаватором костяков. В конце сезона 1994 г., благодаря прокладке к пороховому погребу электрокабеля, были изучены еще четыре ямы на северном фасе памятника (№ 8–11). К моменту третьего перезахоронения⁴ останков (10 октября 1994 г.) было эксгумировано 11 расстрельных ям, из которых извлекли останки около 460 человек.⁵ Перезахоронение сопровождалось крестным ходом к месту расстрела (к пороховому погребу).

Наибольший вклад в исследование бастиона периода 1992–1994 гг. внесли археологи – науч. сотр. А. Ю. Чирков (создал подробный топоплан бастиона), науч. сотр. Е. О. Антипенко (работал над описанием расстрельных ям и находок), ст. лаборанты М. Т. Кашуба и И. Н. Дынник (непосредственно руководили эксгумацией останков). Основной рабочей силой раскопок 1992–1994 гг., как упоминалось, являлись студенты I–IV курсов исторического факультета ПГКУ им. Т. Г. Шевченко, среди которых следует выделить А. М. Донцу, С. М. Флока, Р. В. Яценко, Д. Ю. Димитрашко и В. А. Краснова. Автор настоящей статьи, бу-

дучи студентом, проработал на бастионе все три года.

Полученные результаты имели значительный общественный резонанс, нравственно травмировавший постсоветский социум Тирасполя. В конце сентября 1994 г. работы на «Св. Владимире» были свернуты, а Е. В. Яровой подписал фиктивное заключение об отсутствии на территории бастиона неисследованных расстрельных ям 1937–1938 гг. Последствием этого, как представляется, во многом вынужденного шага стал 23-летний перерыв в археологическом исследовании «Св. Владимира», завершившийся, опять же, при случайных обстоятельствах.

В 2013 г. на восточном фасе бастиона при вкапывании бетонного столба ЛЭП бур вошел в плотный слой скелетизированных человеческих останков, но сообщение рабочих о происшествии не возымело последствий: спустя 6 лет яма с вкопанным в нее столбом была эксгумирована (*рис. 1: 6*). В июне 2017 г., во время строительства дренажных сооружений у входа в пороховой погреб, рабочие снова наткнулись на локальное скопление человеческих костей. Руководитель Управления культуры г. Тирасполя Н. Ю. Янковская и старший специалист Управления Р. Ф. Лемешева, зная о раскопках 1992–1994 гг., оперативно обратились в ПГУ им. Т. Г. Шевченко за квалифицированной помощью в извлечении останков и ведении документации процесса эксгумации.

В течение июня–августа 2017 г. автор настоящей статьи совместно с волонтерами молодежно-патриотического движения «Наследники побед» под руководством Р. Л. Романова проверили территорию, прилегающую к пороховому погребу с севера и северо-востока (*рис. 1: 7*). Технический уровень, оснащенность экспедиции и степень охраняемости объекта, в сравнении с 1992–1994 гг., существенно повысились. Серьезную помощь в

⁴ Второе перезахоронение (подзахоронение в братскую могилу) состоялось в конце ноября 1992 г. и, учитывая холодную погоду, прошло незамеченным.

⁵ Отчет о полевых исследованиях на бастионе «Святой Владимир» в 1994 г. утрачен в 2000-е гг. Подсчет извлеченных тел (около 250 человек) осуществлен по воспоминаниям участников эксгумации и нескольким сохранившимся записям.

этом оказали депутат ВС ПМР И. С. Буга и глава госадминистрации г. Тирасполя О. А. Довгопол, МВД и ГУПЧС МВД ПМР. Было выявлено и изучено 6 расстрельных ям, эксгумированы останки 348 человек [12, с. 14–70] (*рис. 1: 8*).

В сентябре 2017 г. при строительстве на бастионе водосливного колодца, в 5 м к востоку от входа в пороховой погреб рабочие на глубине около 1,7 м обнаружили скопление человеческих костей. Срочно вызванные на место волонтеры движения «Наследники побед» были вынуждены без участия археологов эксгумировать локализованную расстрельную яму. Работы под руководством Р. Л. Романова шли днем и ночью, посменно: ночами эксгумация проводилась при свете прожекторов (*рис. 2: 1*). Исследователям удалось полностью выявить контур погребального сооружения, из которого были извлечены останки 84 человек и личные вещи: благодаря стараниям Р. Ф. Лемешевой и судмедэксперта Р. И. Дрангоза документация раскопок была оформлена на приемлемом уровне.

Проделанная в 2017 г. работа стала результатом самоотверженного труда волонтеров Р. В. Андронатия, Е. А. Антропова, Е. С. Гинда, Н. В. Дукина, Д. М. Коняхина, В. В. Машталера и В. В. Трофимова (*рис. 2: 2*). Особенной благодарности заслуживают приднестровские поисковики А. Н. Антропов, Н. Я. Ярчевский и В. С. Гроссу, осуществлявшие поиск, изучение письменных документов, а также реставрацию изделий из серебра и меди (*рис. 2: 3*).

В 2018–2019 гг. работы по эксгумации продолжились, чему способствовало принятое Президентом ПМР В. Н. Красносельским решение об эксгумации (по возможности) останков всех расстрелянных в 1937–1938 гг. на территории Тираспольской крепости. Всего за три полевых сезона 2017–2019 гг. было исследовано 17 расстрельных ям 1937–1938 гг., из которых извлекли останки 1014 человек. В 2019 г. были также эксгумированы пять небольших расстрельных ям, содержавших останки 14 расстрелянных в конце июня – начале августа 1941 г. советских граждан (*рис. 2: 4*). В особую категорию изученных сооружений следует выделить две ямы, не содержащие челове-

ческих костяков, но полностью заполненные вещами расстрелянных – верхней одеждой, обувью, металлической и фаянсовой посудой, предметами туалета и быта: появляются такие «вещевые могильники» не ранее весны 1938 г. (*рис. 2: 5*).

Основная тяжесть работы легла на плечи Р. Л. Романова, Д. М. Коняхина, Е. С. Липовцева, А. Н. Кравченко, Н. А. Канониренко, Н. Н. Оанча и М. А. Толбацкого. Особо стоит упомянуть нелегкий труд девушек-волонтеров К. Н. Милик, А. Ф. Томайлы и Е. О. Бабилёвой, осуществлявших в расстрельных ямах расчистку костяков (*рис. 2: 6*). В конце июня – начале июля 2019 г. на помощь археологам и волонтерам пришел настоятель строящегося возле бастиона храма протоиерей Вадим Трошинский, пожертвовавший для перекрытия заливаемых проливными дождями расстрельных ям мощные 6-метровые строевые доски: обычные палатки продавливались массой воды (*рис. 2: 7*).

Таким образом, за семь лет раскопок (включая перезахоронение 1991 г.) было эксгумировано и перезахоронено около 1700 скелетизированных тел. Рядом с братской могилой расстрелянных, на месте восточного крыла внутренней тюрьмы НКВД, под патронатом Президента ПМР в 2019 г. возведен вышеупомянутый деревянный храм в честь новомучеников и исповедников Церкви Русской (*рис. 3: 1*). Трудно недооценить значение этого шага, превратившего приднестровскую Голгофу в единый погребально-поминальный комплекс (бастион, братская могила, Храм Божий).

Методика исследования. В полевых сезонах 1992–1994 гг. основной методикой было ручное вскрытие поверхности бастиона на глубину до 0,45 м, с целью выхода на предматериковый суглинок: его желтовато-серый оттенок позволял уверенно фиксировать контуры любых нарушений. В 1992 г. для исследования культурного слоя вдоль стен порохового погреба были заложены два раскопа прямоугольной формы общей площадью 375 м². Первый раскоп, идущий вдоль восточной стены погреба, имел вид меридионально ориентированной траншеи размерами 16 x 5,7 м. Второй раскоп, заложенный в 7,5 м к югу от южной стены первого, представлял собой две траншеи раз-

Рис. 2. 1 – эксгумация расстрельной ямы ночью при свете прожекторов (сентябрь 2017 г.); 2 – волонтеры объединения «Наследники побед» (раскопки 2017 г.; слева направо – Е. А. Антропов, Н. В. Дукин, Д. М. Коняхин, В. В. Трофимов, Е. С. Гинда); 3 – работа с металлодетектором в яме (слева А. Н. Антропов, справа Д. М. Коняхин, июль 2019 г.); 4 – расстрельная яма 2019 г., предположительно датируемая 1941 г.; 5 – разбор ямы с вещами (июнь 2019 г.; на переднем плане М. А. Толбацкий); 6 – расчистка останков девушки-волонтерами К. Н. Милик (слева) и А. Ф. Томайлы (справа) в 2018 г.; 7 – затопленный ливнями раскоп с двумя расстрельными ямами (10.07.2019 г.), накрытыми палатками (Н. Н. Оанча (слева) и Д. М. Коняхин)

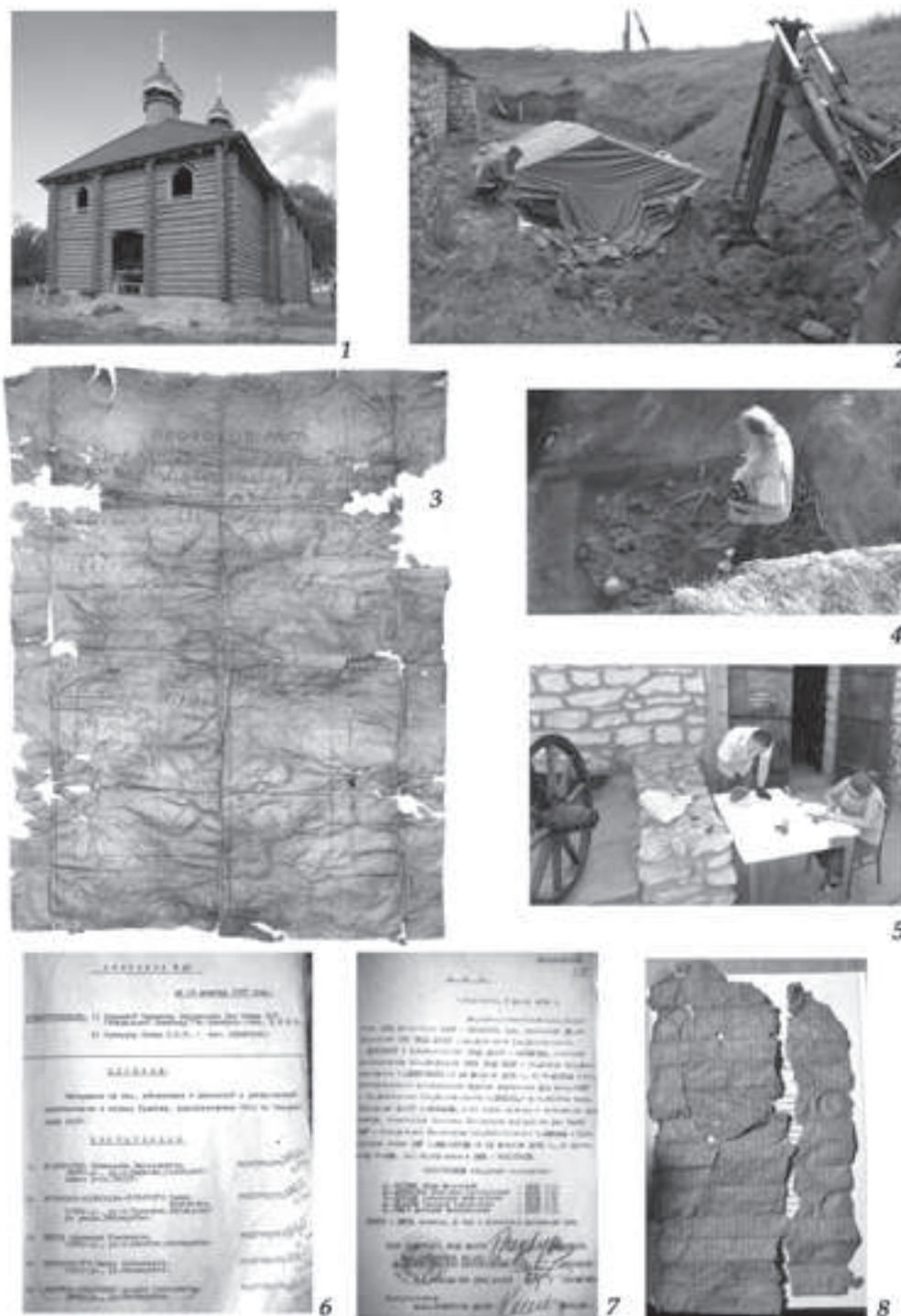

Рис. 3. 1 – церковь на территории Тираспольской крепости в честь новомучеников и исповедников Церкви Русской (сентябрь 2019 г.; фото А. А. Паламаря); 2 – работа экскаватора на западном фасы бастиона «Св. Владимир» (на фото Д. М. Коняхин); 3 – протокол обыска; 4 – глава Союза фотохудожников ПМР А. А. Паламарь перед фиксацией расстрельной ямы (июль 2019 г.); 5 – анализ останков (стоит у стола судмедэксперт Р. И. Дрангоз; справа Н. В. Петричук, сентябрь 2017 г.); 6 – протокол об осуждении к высшей мере наказания обвиняемых (архив Л. П. Алферьевой); 7 – акт о приведении в исполнение смертного приговора (архив Л. П. Алферьевой); 8 – фрагмент газеты, обнаруженный в одной из расстрельных ям (август 2019 г.).

мерами 18 х 4 м и 12 х 6 м, соединенные под прямым углом и ориентированные по оси ЮЗ-СВ и ЮВ-СЗ [1, с. 1–2, 6–7, *рис. 1–3*].

При исследовании раскопов было установлено, что культурный слой бастиона состоит из материковой глины, предматерикового суглинка, чернозема, строительного и бытового мусора. Немногочисленные находки XIX в. были представлены железными костылями, гвоздями, фрагментами стеклянных штофов, разменными монетами [2, с. 2–4]. Экспедиции удалось выявить четкие контуры расстрельных ям, заполненных смесью материковой глины, суглинка и чернозема при отсутствии мусора обеих категорий. После вскрытия начиналась выборка заполнения, извлечение останков и личных вещей расстрелянных.

В 1992 г. расчистка верхнего слоя костяков не практиковалась, как и полная индивидуальная расчистка. Положение и ориентировка скелетов не описывались. Костяки (и, в частности, черепа) погибших не фотографировались, т. к. судебно-медицинская экспертиза останков не была предусмотрена. В то же время тщательно описывались детали оформления ям, отмечался характер заполнения, собирались и описывались личные вещи, одежда, фурнитура и гильзы от пуль, обращалось внимание на характер одежды и пр.

В 1993 и 1994 гг. методика существенно не изменилась. На южном фасе к существующему раскопу делались прирезки-шурфы, после обнаружения ям становившиеся самостоятельными раскопами [2, с. 8, 11]. На западном фасе, вдоль вала, был в 1994 г. заложен новый раскоп, по своим размерам и ориентировке почти аналогичный первому раскопу 1992 г. В сентябре 1994 г. проложенная сквозь вал траншея под высоковольтный кабель прошла ближе к южной границе вала, по торцам сразу двух расстрельных ям. Стало ясно, что некоторые объекты 1937–1938 гг. находятся под оплывшим внутренним скатом вала, но применить это знание на практике не пришлось – раскопки завершились.

При всей скромности полученных на бастионе «Св. Владимир» в 1992–1994 гг. научных результатов следует признать, что большинство «минусов» были объективными. Студентам и сотрудни-

кам приходилось длительное время с огромными усилиями разбивать раскопы в забитой мусором, утрамбованной почве бастиона. Но методика исследования культурного слоя городищ и поселений не подразумевает применения тяжелой техники: последняя появляется на раскопках в самом конце, при засыпке «отработанных» раскопов. Нельзя отрицать, что было пропущено какое-то количество металлических предметов, которые, как правило, «впаяны» в крупные куски грунта. Но металлодетектор в начале 1990-х гг. был большой редкостью, а методика просеивания грунта через сито применялась археологами исключительно в древних захоронениях. Можно задним числом упрекать в недостатке внимания к обнаруженным письменным документам, которые, если их не удавалось сразу открыть и прочесть, просто отправляли в музей: это привело многие скомканные комки бумаги к рассыпанию и дефрагментации. Но все работающие были уверены, что работать с документами 55-летней давности будут впоследствии опытные криминалисты. К тому же, археологи не располагали архивной базой данных по событиям 1937–1938 гг.: одна-две прочитанные фамилии не могли идентифицировать всех лежавших в расстрельной яме.

Спустя 23 года осмысление указанных выше обстоятельств позволило провести раскопки «Св. Владимира» на качественно ином уровне. Прежде всего, была скорректирована главная цель эксгумации – ею стала идентификация находимых останков репрессированных. Затем был кардинально изменен подход к вскрытию поверхности во время поиска. Опыт закладки раскопов 1992–1994 гг. свидетельствовал – без техники процесс будет утомительным и долговременным, требующим больших трудозатрат. Для экономии сил планировалось использовать легкий бульдозер типа ДТ-75, который должен был вести поиск широкими (до 2,5 м) траншеями глубиной до 0,5 м: это гарантировало выход на верхние контуры объектов исследования. Но объективные обстоятельства воспрепятствовали данному проекту, что вынудило обратиться к идее применения легкого экскаватора. В кратчайшие сроки была проведена работа по локализации исследованных

в 1992–1994 гг. участков, и экскаватор приступил к закладке параллельных траншей глубиной до 1,3 м.

Выход непосредственно на останки значительно облегчил труд по прохождению забутовки верхних слоев заполнения. О возвращении к печальному опыту 1991 г. (выборке всех останков экскаватором), разумеется, не могло быть и речи. Под непрерывным визуальным контролем техника только оформляла будущий раскоп, не углубляясь ниже установленной отметки (*рис. 3: 2*).

Новым в методике стала расчистка верхнего слоя костяков. Это, в большинстве случаев, позволяло зафиксировать отсутствие системы в размещении тел, хаотично бросаемых одно на другое [12, с. 15]. В редких случаях планиграфия позволяла констатировать обратное – так, в исследованной в 2017 г. расстрельной яме № 2 все 123 костяка лежали по длинной оси ямы, головой на северо-восток [12, с. 28, табл. XVII: 2]. Помимо этого, расчистка стала единственной реальной возможностью запечатлеть один из уровней залегания тел. В нижних уровнях костяки, вдавливаясь друг в друга, смешивались на разных высотах и под разными углами: череп одного индивидуума пробивал грудную клетку другого и т.п. Ближе ко дну ямы часто наблюдалась фрагментация костей свода черепа и мелких костей, вызываемая сильным давлением останков верхних уровней и грунта над ними [12, с. 14]. При вдавливании одного черепа в другой (это наблюдалось особенно часто) анатомическая неопытность волонтеров иногда приводила к тому, что один крупный череп принимался за два. Такие случаи вызвали коррекцию подсчета скелетизированных останков, в которой, помимо черепа, стали учитываться пары длинных костей.

По сравнению с 1992–1994 гг. фиксация расстрельных ям и обнаруженных в них материалов проводилась более детально. Привязка раскопанных сооружений к общему плану бастиона велась от углов и контрфорсов порохового погреба,

глубины от современной дневной поверхности измерялись при помощи нивелира. Делались сотни фотоснимков, снимались многочисленные видеоматериалы. Фотосъемку осуществлял глава Союза фотохудожников ПМР А. А. Паламарь (*рис. 3: 4*), которому приходилось «сшивать» в компьютере несколько снимков одного объекта: длина некоторых расстрельных ям варьировалась от 6 до 8 метров.

Важнейшей методической трансформацией стал постулат 2017–2019 гг.: обнаруженный письменный документ открывать сразу после извлечения, в полевых условиях. Опыт показал, что в этом случае скомканная бумага легко расправляется, не расходясь по сгибам. В случае промедления, лишившись привычной за 80 лет холодной и влажной среды, бумага стремительно высыхает и коробится, рассыпаясь при попытке открытия на мелкие фрагменты. Выпрямленный документ сканировался в высоком разрешении и под различными углами, это позволяло уверенно выявлять следы простого карандаша (в 95% случаев графы найденных при раскопках документов НКВД заполнялись именно им) даже на выцветших поверхностях (*рис. 3: 4*).

Вынимаемые из ямы предметы сразу же очищались от грязи и затем фотографировались с линейкой, для съемки высоких предметов (например, чашек) использовались специальные экраны. Для хранения полученных материалов использовались герметичные пакеты с опознавательной записью внутри. Строго велся учет находок по каждой расстрельной яме, что было особенно актуально при раскопках двух объектов сразу.⁶

В 2017–2019 гг. стало проводиться антропологическое изучение останков репрессированных. В рамках открытого Следственным комитетом ПМР уголовного дела (ведет полковник юстиции А. В. Шпилевой) специалистами были осмотрены все извлеченные из расстрельных ям скелетизированные тела и даны заключения о причинах смерти. В различное время с останками репрес-

⁶ В 2017 г. имел место случай, когда в результате халатности ответственного лица смешались находки из расстрельных ям № 2 и № 5, в том числе и нераскрытые письменные документы.

сированных на бастионе работали высококвалифицированные судмедэксперты М. И. Суходольская (2017 г.), Р. И. Дрангоз (2017–2018 гг.) [12, с. 104–146, прил. 1] и Р. В. Крайний (2019 г.) (рис. 3: 5). Отдельно фотографировались в разных проекциях черепа, что позволило фиксировать все входные и выходные пулевые отверстия. Проведенный в лаборатории СК ПМР баллистический анализ позволил установить тип использовавшегося при расстрелах оружия, а также происхождение патронов к нему.

Впервые при эксгумации мест массовых захоронений проводился ежегодный стоматологический анализ коронок, протезов и мостов, обнаруженных на челюстях погибших [12, с. 147–149, прил. 2, табл. CV, CVI]. Проведенные исследования не столь значимы для идентификации останков (прошло слишком много времени для опознания по медицинской карте или близкими родственниками), сколько представляют ценнейший источник данных по развитию приднестровской стоматологии довоенного периода.⁷

Процесс идентификации останков. Залогом успеха в идентификации останков репрессированных стало наличие у исследователей представительной архивной базы по расстрелам 1937–1938 гг. в МАССР⁸. Протоколы НКВД об осуждении к высшей мере наказания (ВМН) (рис. 3: 6), а также акты о приведении приговора в исполнение (рис. 3: 7) содержат списки расстрелянных с фамилиями, инициалами и годом рождения осужденных. Благодаря этому любой найденный на теле погибшего документ (квитанция, наряд, протокол обыска, копия обвинительного заключения) становится надежным идентификатором для всех захороненных в расстрельной яме [13, с. 93–94].

Документ с фамилией и инициалами погибшего, благодаря имеющимся архивным данным, сразу давал число и месяц расстрела, т. е. абсолютную дату. В тех случаях, когда найти такой документ не удавалось, на помощь приходила относительная хронология. Среди ее составляющих особое место принадлежит газетной периодике МАССР 1937–1938 гг., фрагменты которой часто обнаруживаются среди одежды расстрелянных (рис. 3: 8). Газетные отрывки иногда содержат дату выпуска, что, применительно к эксгумации, сразу дает исследователю т. н. *terminus post quem* (время после конкретного события). Примерно такое же значение имеют даты, упомянутые в материалах о жизни СССР (МАССР) или за рубежом (например, съезд учителей такого-то района или международная конференция).

Раскопки 2017–2019 гг. выявили значительную роль обуви в установлении относительной хронологии расстрельных ям. В частности, среди калош (наиболее сохраняющийся вид обуви) наиболее распространенными были марки «Красный треугольник» (Ленинград) и «Красный богатырь» (Москва), принадлежавшие известным всему СССР предприятиям [4]. Отличительной особенностью клейм указанных центров было проставление года выпуска. С 1938 г. в нижней части клейм «Красного треугольника» начали выдавливать полную дату выпуска – (8.III.38., 11.IV.38. и т. д.), что значительно сужало круг хронологического поиска (рис. 4: 1).

Большое значение, как и в 1992–1994 гг., имел тщательный осмотр находимых в ямах предметов гигиены и быта. Некоторые арестованные достаточно долго содержались в стенах внутренней тюрьмы НКВД г. Тирасполя, где скученность, в сочетании с нехваткой самого необходимого, вы-

⁷ Автор выражает искреннюю признательность преподавателю Тираспольского межрегионального университета по специальности «Ортопедическая стоматология» И. Г. Кольцову за проводимые на волонтерской основе ежегодные стоматологические экспертизы.

⁸ Документы НКВД, касающиеся массовых репрессий 1937–1938 гг. в МАССР, частично хранятся в Национальном архиве Республики Молдова (НАРМ) и в настоящий момент доступны для изучения: содержание небольшой части документов опубликовано. Автор сердечно благодарит сотрудницу Тираспольского-Дубоссарской епархии Л. П. Алферьеву за возможность использовать в работе фотокопии указанных документов из ее личного архива.

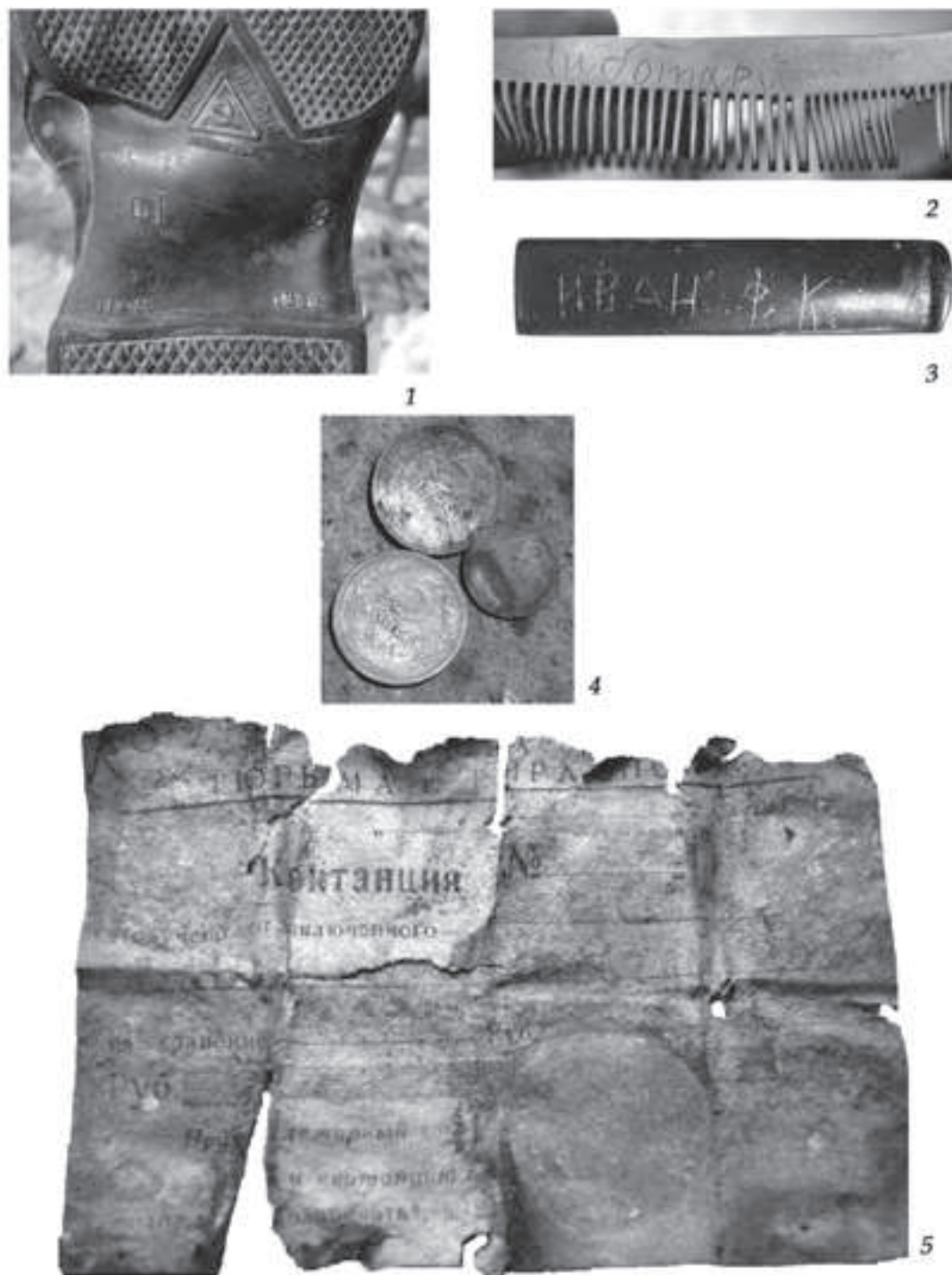

Рис. 4. 1 – клейменная подошва калоши, произведенной на ленинградском комбинате «Красный треугольник» 11.04.1938 г.; 2 – расческа с процарапанной фамилией расстрелянного 16.11.1937 г. Василия Николаевича Чеботаря (фото А. А. Паламаря); 3 – эбонитовый мундштук расстрелянного 26.12.1937 г. Ивана Филипповича Кушнирёва; 4 – медные монеты СССР достоинством в две (1935 г.) и пять (1931 и 1934 гг.) копеек из расстрельной ямы, 2017 г. (фото А. А. Паламаря); 5 – квитанция внутренней тюрьмы г. Тирасполя о сдаче на временное хранение органам НКВД денежной суммы. Выдана жителю с. Ержово Рыбницкого района Андрею Вильгельмовичу Вайсу, расстрелянному 15.10.1937 г.

нуждала подписывать личные вещи. Особое внимание в этом аспекте обращалось на оловянные и деревянные ложки, эбонитовые курительные мундштуки, пластмассовые расчески и зубные щетки: при отсутствии письменных документов процарапанные фамилии (рис. 4: 2) или инициалы (рис. 4: 3) становились определяющими [13, с. 94].

Интересные хронологические наблюдения сделаны на основе оформления расстрельных ям. Длительный практический опыт позволил выделить сооружения «поздней осени/зимы/ранней весны» и «ранней осени/поздней весны», что тоже представляется немаловажным. Стены и дно расстрельных ям, выкопанных с конца ноября по начало апреля, как правило, не выровнены: из-за холодов рабочая команда не придавала значения вертикали стен или бугристости дна. В ямах, сделанных с середины апреля по середину ноября, картина другая – стены близки к вертикали, дно сравнительно ровное. Косвенным свидетельством расстрела в холодное время года могут служить периодически находимые в ямах наконечники штыковых лопат, сломанных при копании плотной от холодов земли [12, с. 48, табл. LXXIV: 3].

Важнейшим доказательством принадлежности расстрельной ямы к холодному или теплomu времени года стало изучение характера верхней одежды убитых. Для периода «ранняя осень/поздняя весна» она легкая, преобладают хлопчатобумажные изделия, в обуви нет шерстяных портянок, вкладышей-чулок, войлочных вставок и соломы для утепления. В ямах периода «поздняя осень/зима/ранняя весна» картина иная – верхняя одежда двухслойная или трехслойная, обычны шерстяные и меховые вещи, в обуви присутствуют вышеназванные утеплители: в одном случае найдены валенки [12, с. 28, табл. XLIV: 5].

Нумизматические находки также предполагалось использовать в построении относительной хронологии, но эти планы потерпели неудачу. Единственным возможным способом уточнения времени расстрела здесь выступает наличие монет чеканки 1938 г., которых, к сожалению, пока не обнаружено. Найденные советские разменные монеты из серебра, меди и никеля датируются

обычно 1923 г. и 1931–1936 гг. [12, с. 19, 34, 48, 62, 66, табл. XXII; XLIX; LXXIII; LXXXIX: 5–7; CIV], крайне редко встречаются экземпляры 1937 г.: бумажные деньги отсутствуют вовсе (рис. 4: 4). Обнаруженные среди одежды расстрелянных квитанции о сдаче денег органам НКВД на «временное хранение» объясняют этот феномен (рис. 4: 5).

Результаты идентификации останков. О эксгумации 1991 г. достоверно известно лишь то, что среди собранных солдатами скелетизированных останков находилось 53 человека из расстрелянных 26 декабря 1937 г.: остальные 50 расстрелянных в этот день были эксгумированы в 2018 г.

В 1992–1994 гг. на основе обнаруженных и прочитанных письменных документов удалось идентифицировать трех репрессированных. Полученные в 2017 г. копии документов НКВД позволили конкретизировать дату их расстрела и установить списки погибших вместе с ними лиц.

В 2017 г. в двух расстрельных ямах найдены три письменных документа, прочтение которых позволило идентифицировать владельцев и их товарищей. По подписанной расческе удалось идентифицировать еще 97 человек. На основании редкого совпадения числа расстрелянных в яме с имеющимися списками была установлена даты одной из ям 1993 г. (содержала останки 20 человек) и сентябрьской ямы 2017 г. (содержала останки 84 человек).

В 2018 г. обнаруженный письменный документ и подписанный папиросный мундштук подарили исследователям две фамилии, позволившие идентифицировать расстрельный список из 103 человек: половина из них, как упоминалось, была эксгумирована в 1991 г.

Наиболее плодотворным в плане идентификации оказался 2019 г. За три летних месяца исследователи бастииона обнаружили и сумели прочитать 6 письменных документов, установив по ним фамилии 251 расстрелянного. Полученные даты следовали за датами выпуска газет, фрагменты которых были найдены в этих же ямах, датировками не противоречили клейма на обуви погибших. На основании числового совпадения, а

также по характеру оформления дна и стен была идентифицирована одна яма с останками 33 человек. По этому же принципу удалось установить даты двух ям 2018 г., содержащих останки 160 репрессированных.

Отдельным событием 2019 г. стало, как упоминалось выше, обнаружение расстрельных ям лета 1941 г., в одной из которых обнаружили копию обвинительного заключения на умышленно на-

несшего себе увечье призванного из г. Бердянска (Украина). Есть веские основания считать, что остальные эксгумированные в аналогичных ямах 13 человек погибли в этот же период.

Ниже приводится таблица, отражающая связь установленного человека с конкретным расстрелом и количеством убитых вместе с ним советских граждан. Даты в таблице выстроены в хронологическом порядке.

Ф.И.О. репрессированного	Дата расстрела	Кол-во убитых
Бурка Григорий Степанович	24.09.1937 г.	80
Стахов Павел Дементьевич	24.09.1937 г.	-/-
Попадюк Василий Никифорович	03.10.1937 г.	15
Вайс Андрей Вильгельмович	15.10.1937 г.	113
Салеба Елизавета Давидовна	15.10.1937 г.	-/-
Чеботарь Василий Николаевич	16.11.1937 г.	97
Егоров Исаак Мартынович	22.11.1967 г.	51
Кирмидчиев Антон Георгиевич	17.12.1937 г.	93
Добряк Иван Андреевич	26.12.1937 г.	103
Кушнирёв Иван Филиппович	26.12.1937 г.	-/-
Майка Федор Павлович	05.01.1938 г.	100
Бурка Амбросий Эммануилович	03.03.1938 г.	149
Домброван Мефодий Феодосьевич	03.03.1938 г.	-/-
Корнилов Андрей Андреевич	03.03.1938 г.	-/-
Шадуров Федор Дмитриевич	03.03.1938 г.	-/-
Баран Спиридон Игнатович	22.03.1938 г.	105
Молоченко Василий Иванович	22.03.1938 г.	-/-
Герман Тихон ...	июнь 1941 г.	5

В следующей таблице приведено количество расстрелянных в ямах, даты заполнения которых удалось установить без привязки к конкретной фамилии (фамилиям).

Дата расстрела	Кол-во убитых
23.11.1937 г.	45
26.11.1937 г.	115
27.11.1937 г.	33
05.12.1937 г.	84
05.01.1938 г.	20

По состоянию на сентябрь 2019 г. неидентифицированными остаются 9 расстрельных ям 1937–1938 гг. (1991 г. – как минимум 3 ямы, 1992–1994 г. – 3 ямы, 2017–2019 гг. – 3 ямы), из которых (в совокупности) извлечены скелетизированные останки около 400 человек. И если к идентификации объектов, на которых проводилось археологическое исследование, можно относиться с осторожным оптимизмом, то к «солдатским» ямам 1991 г. такие эмоции неприменимы. Метод исключения – единственный в данном случае, но для этого придется изучить оставшиеся на бастионе расстрельные ямы и понять, с какого момента закончились расстрелы на бастионе «Св. Владимир» и начались на бастионе «Св. Павел».

Логично предположить, что искомой хронологической границей стал май 1938 г. О том, что расстрелы на бастионе «Св. Владимир» проходили весь март, говорят документы, обнаруженные в 2019 г.: апрельские ямы, скорее всего, еще не обнаружены (или не идентифицированы). Второй виток Большого террора, начавшийся в конце февраля, раскручивался с особой жестокостью – таких массовых расстрелов в республике еще

не знали. За 12 расстрельных дней с 28.02. по 15.05.1938 г. погибло 1669 репрессированных: количество казненных доходило до 300 человек за ночь (расстрел 24.04.1938 г.). Абсолютно ясно, что забитый расстрельными ямами первого этапа репрессий (август 1937 г. – январь 1938 г.) «Св. Владимир» просто «трещал по швам» от множества новых ям, которые могли даже частично впускать в основание валов. Не исключено, что активно применялась методика сильного углубления «стандартных» 4- и 6-метровых ям (глубокая яма вмещала больше тел), но, в любом случае – массовые расстрелы третьего (финального) этапа репрессий (с 28.09 по 14.11.1938 г. убито 973 человека)⁹ на бастионе уже не проходили.

Реконструкция событий. В распоряжении исследователей бастиона находятся фотокопии документов НАРМ, которые позволяют с определенной долей достоверности судить о событиях 1937–1938 гг. на бастионе «Св. Владимир». В рамках настоящей работы не имеет смысла освещать моменты, связанные с ведением следствия в НКВД МАССР – достаточно сказать, что пять тираспольских следователей были расстреляны 11.01.1939 г. за чрезмерную жестокость на допросах [6, с. 162–170]. Не отличались милосердием и наркомы внутренних дел МАССР, среди которых выделяется создавший в г. Тирасполе пыточную камеру Н. В. Лютый (Шестаковский) [6, с. 173]. Характеристика высоких персон НКВД МАССР вряд ли нужна в настоящей работе, поскольку это частично сделано в мемуарной и научно-исследовательской литературе по Большому террору [3, с. 101; 5, с. 99–105; 6, с. 172]. Более целесообразным видится сосредоточение на реконструкции процесса расстрела, включая личности его «исполнителей».

Расстрелу обычно предшествовало пребывание заключенного в камере внутренней тюрьмы УГБ НКВД на территории Тираспольской крепости. Наиболее важных и именитых заключенных содержали в полуподвальных помещениях Наркомата внутренних дел МАССР (ныне здание Ми-

⁹ Подсчеты по весне и осени 1938 г. произведены автором на основе документов НАРМ, любезно предоставленных для работы Л. П. Алферьевой.

нистерства здравоохранения ПМР) [3, с. 108]. В Тираспольской тюрьме, видимо, содержались преимущественно жители Тирасполя, Слободзейского, Григориопольского и Дубоссарского районов, входивших в зону ответственности 25-го Молдавского погранотряда. Жители северных районов республики находились в зоне ответственности 2-го (Рыбницкого) Погранотряда, поэтому до вынесения приговора содержались под охраной пограничников в так называемом Рыбницком ардоме (арестантском доме) — это название фигурирует в служебной переписке НКВД МАССР [13, с. 107, прил. 3, 4] как ардом 2-го Погранотряда (рис. 5: 1).

После рассмотрения предоставленных погранотрядом дел и вынесения смертного приговора заключенных Рыбницкого ардома, находящегося под охраной 2-го Погранотряда, отправляли в Тирасполь в вагонзаках со спецконвоем: вопрос о выделении вагонзака и спецконвоя курировался оперативным дежурным Управления вооруженной охраны НКВД УССР (рис. 5: 2). Остается загадкой, сколько времени прибывшие из Рыбницы смертники проводили в Тираспольской тюрьме: этот период представляется предельно коротким. В настоящий момент приоритетной является следующая версия: в расстрельных ямах с большим количеством вещевых узелков (обычно содержатся белье, теплую одежду, запасную обувь, фаянсовую и металлическую посуду, ложки) (рис. 5: 3) находятся останки преимущественно жителей отдаленных районов МАССР.

Расстрельная партия формировалась согласно очередности исполнения приговоров по первой категории (на языке НКВД — высшая мера наказания) с учетом указаний вышестоящих начальников. Вопросы формирования решали оперативный секретарь НКВД МАССР Первухин (инициалы неизвестны) и и. о. инспектора VIII Отдела УГБ

НКВД МАССР Л. А. Докуцкий. Указанные лица наряду с и. о. коменданта НКВД МАССР Корженко (инициалы неизвестны) были на протяжении многих месяцев «исполнителями» приговоров бастиона «Св. Владимир».

Начальник секретариата Наркомата НКВД МАССР Первухин характеризуется лично знавшим его М. Ф. Жабокрицким как честлюбивый чиновник с порочными наклонностями, не брезгающий самыми «омерзительными» заданиями. Известно, что в 1939 г. он был за свое жестокое усердие удостоен высокой правительственной награды [3, с. 101]. Леонард Докуцкий, пунктуальный и опытный канцелярист с каллиграфическим почерком¹⁰ (в VIII отдел стекалась вся документация по репрессиям в республике), тоже, видимо, тяготился своей должностью, получая удовлетворение от ночных расправ на бастионе «Св. Владимир». Именно Докуцкий аккуратно фиксировал точное время расстрела: после внезапного ухода Докуцкого в апреле 1938 г. со своего поста (его дальнейшая судьба неизвестна) практика указания точного времени прекращается. Начальник КПЗ Наркомата НКВД МАССР, бывший участковый инспектор Тираспольского горотдела милиции Корженко¹¹ (инициалы неизвестны) описывается М. Ф. Жабокрицким как низкорослый коренастый крепыш-тюремщик — надежный исполнитель любого, даже бесчеловечного приказа [3, с. 108]. Четвертым «исполнителем» после ухода в апреле Докуцкого стал инспектор I Спецотделения НКВД МАССР И. Г. Ронис, до того момента занимавшийся проведением арестов и обысков¹².

Автор не согласен с версией, согласно которой местом расстрела служила территория внутренней тюрьмы НКВД. Главным опровергающим аргументом служит, опять-таки, точное время расстрела. Документы свидетельствуют, что на одного человека у «исполнителей» уходило в среднем

¹⁰ Сохранился расстрельный акт от 28.10.1937 г., где ф.и.о. и год рождения погибшего собственноручно написаны Л. А. Докуцким.

¹¹ В распоряжении автора имеется копия протокола обыска, заполненного лично Корженко в звании участкового инспектора.

¹² Протокол обыска у гр. Д.М. Швидкого, заполненный лично И. Г. Ронисом, датирован 18.08.1937 г.

Рис. 5. 1 – служебное письмо вр. и. д. наркома внутренних дел УССР А. М. Хатеневера наркому внутренних дел МАССР Н. В. Лютому (Шестаковскому) (архив Л. П. Алферьевой); 2 – второй лист служебного письма наркома внутренних дел УССР И. М. Леплевского вр. и. о. наркома внутренних дел МАССР Л. Т. Ривлину и начальнику 2-го (Рыбницкого) Погранотряда НКВД Казакову (архив Л. П. Алферьевой); 3 – металлическая посуда, фаянсовая чашка и деревянные ложки расстрелянных (фото А. А. Паламаря); 4 – фрагмент картонной коробки от малокалиберных (5,6 мм) патронов марки 22 Long Rifle. Обнаружен в расстрельной яме вместе с характерными гильзами (июль 2017 г.); 5 – найденные (июнь 2017 г.) в расстрельной яме гильзы от малокалиберных патронов марки 22 Long Rifle (фото А. А. Паламаря)

две минуты. Причем речь в данном случае идет не о десятке, а о многих десятках и даже сотнях человек. В условиях тюрьмы организовать такой смертельный конвейер, как представляется, было просто невозможно – на одного человека пришлось бы затратить гораздо больше времени, чем две минуты (вызвать из камеры, связать, сверить личность, привести приговор в исполнение, вынести тело, ввести следующего и т.д.).

Другое дело – пороховой погреб бастиона «Св. Владимир». Покрытый землей, издали похожий на спину огромного кита, он не пропускал звуки. Заключение приводили туда поодиночке или партиями за час-два до расстрела, уже в темноте. Существовало специальное распоряжение – не объявлять приговор осужденным по первой категории (ВМН) вплоть до его непосредственного исполнения [11, с. 57].¹³ Мы не знаем, какую «легенду» выдумали для обреченных людей – постепенное накопление людей в погребе, например, могли объяснять подготовкой партии для этапирования на ж/д вокзал. Но, надо полагать, у большинства заключенных на оставалось иллюзий по поводу своей участи.

Ближе к 23.00 на бастион приезжали «исполнители», иногда сопровождаемые своим высоким начальством. В 1937 г., когда ВМН подлежали приговоренные наркомом внутренних дел СССР Н. И. Ежовым и прокурором СССР А. Я. Вышинским, на расстреле часто присутствовали и. о. наркома внутренних дел МАССР Л. И. Ривлин и и. о. прокурора МАССР П. Л. Колодий (документально констатировали смерть заключенных). В 1938 г. на «важные» расстрелы выезжал один П. Л. Колодий, а незримое присутствие его коллеги маркировалось в расстрельных актах фразой «согласно предписанию наркома...».

Расстрел, как правило, начинался после 24.00 и продолжался, судя по целому ряду документов, до 4.00. Весной 1938 г., когда расстрельные пар-

тии количественно сильно увеличились, процесс заканчивался ближе к 6.00.¹⁴ Погреб оцеплялся специально отобранной конвойной командой, наиболее сильные солдаты из которой принимали в расстреле самое деятельное участие. Включалось освещение на редких деревянных столбах – в одной из расстрельных ям 2019 г. обнаружили брошенную на тела перегоревшую лампочку на 150 Вт. Приговоренных по одному вызывали из погреба наверх, наскоро зачитывали приговор, сверяли ф. и. о., связывали и передавали «исполнителям». Обреченному стреляли в затылок из малокалиберного пистолета два-три раза, после чего конвойные волокли тело к выкопанной яме (ямам) и сбрасывали вниз. Рядом с ямой, видимо, находился еще один «исполнитель», добивавший подающих признаки жизни выстрелом в висок или в темя: гильзы после выстрела падали в яму. Безжизненные тела по яме распределял один из заключенных, которому, скорее всего, обещали жизнь. По окончании расстрела «помощника» ставили на край ямы и убивали выстрелом в затылок: такие костяки обычно лежат головой вниз и ногами на стену.

При расстреле, согласно данным баллистической экспертизы СК ПМР, использовался револьвер Нагана-Смирнского. По сути это был обыкновенный наган, переделанный в 1925 г. комбригом А. А. Смирнским для стрельбы малокалиберными патронами 5,6 мм [10]. В ходе раскопок в расстрельных ямах неоднократно находили коробки из-под американского патрона 22 Long Rifle [14], выпускавшегося в СССР по лицензии: надписи на коробках сделаны на русском и английском языках (рис. 5: 4). Указанный патрон, например, массово применялся для стрельбы из малокалиберного пулемета Блюма, использовавшийся в довоенные годы для обучения личного состава РККА стрельбе из пулеметов Максима и Дегтярева [7]. Кроме того, баллисти-

¹³ Неоглашение приговора по 1-й категории регламентировал меморандум № 424 заместителя наркома внутренних дел СССР М. П. Фриновского, направленный всем начальникам УНКВД в дополнение к приказу № 00447 от 08.08.1937 г.

¹⁴ Из имеющихся документов НАРМ следует, что наиболее позднее окончание расстрела имело место 5.03.1938 г. – 5 ч. 40 мин.

ческая экспертиза 2019 г. подтвердила наличие немецких малокалиберных патронов 5,6 мм немецкой фирмы Gustav Genschow & Co (Geco), производившихся в Дурлахе (пригороде г. Карлсруэ), которые поставлялись в СССР в начале 1930-х гг. Подобный набор боеприпасов очень характерен для советских стрелковых тиров. Дешевый учебный патрон позволял не только экономить на боевых патронах 7,62 мм, но был, к тому же, малозвучным: последнее играло большую роль при стрельбе в погранзоне Днестра.

По окончании всей процедуры, уже под утро, место расстрела убиралось от гильз (рис. 5: 5), которые собирались в небольшой ящик: вместе с вещами расстрелянных он выбрасывался в могильную яму, поверх тел [12, с. 17, 87]. Конвойные солдаты забрасывали яму грунтом и затем в течение достаточно длительного времени плотно утрамбовывали ее ногами [2, с. 17].¹⁵ «Исполнители» и начальство подписывали в здании тюрьмы акты о расстреле (списком и персональные) и после обязательного застолья¹⁶ уезжали в город.

Приведенная реконструкция, разумеется, приблизительна, хотя и основана на фактах, отмеченных в ходе раскопок, изучении документов НКВД МАССР и НКВД СССР, а также на мемуарной литературе. Возможно, другие найденные в архивах документы или иные свидетельства в дальнейшем помогут восстановить истинную картину произошедшего. В частности, многое могли бы открыть архивы погранвойск, которые играли в «чистках» 1937–1938 гг. на территории МАССР неблагоприятную роль [3, с. 102]. Хотелось бы также получить доступ к тюремной документации (если таковая уцелела в событиях Великой Отечественной вой-

ны), копии документов которой (квитанции, накладные) периодически обнаруживаются в расстрельных ямах.

Отдельной страницей истории бастиона стали расстрелы 1941 г., впервые археологически зафиксированные на бастионе «Св. Владимир» в полевом сезоне 2019 г. Изучение таких захоронений без архивных документов, безусловно, обречено на поиск документов и восстановление событий по археологическим данным. Пока же неоспоримыми являются два факта:

- черепа некоторых из расстрелянных не имеют проникающих входных отверстий. Как правило, такие костяки встречаются парами, в отдельных ямах. В этом случае, надо полагать, имел место расстрел из винтовок, при котором обычно стреляют в область груди;

- некоторые убитые застрелены выстрелами из пистолета ТТ в затылочную часть головы, о чем говорят гильзы и размер входных огнестрельных отверстий. Пистолет ТТ – оружие армейских офицеров, что может свидетельствовать о производстве расстрела армейским особистом: возможно, все убитые из этого вида оружия являются т. н. дезертирами или уклонистами от службы в РККА.

Оба указанных выше факта, думается, связаны с приближающимся в начале июля 1941 г. к Днестру фронтом [9]. Эвакуированный персонал Тираспольской тюрьмы и УГБ НКВД МАССР могла сменить военная администрация. В любом случае, необходимо тщательное изучение подобных случаев, чтобы исключить их возможную принадлежность к массовым расстрелам заключенных из тюрем прифронтовой полосы в начале июля 1941 г. [8].

¹⁵ До применения экскаватора забутровку фиксировали в расстрельных ямах, изученных в 1992–1994 гг.

¹⁶ Воспоминания о пьянках после расстрела сохранились у многих непосредственных участников кровавых событий 1937–1938 гг. Подобный вид психологической разгрузки «исполнителей» практиковался в СССР повсеместно.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Антипенко Е. О. 1993. Отчет о полевых исследованиях Тираспольской новостроечной археологической экспедиции на территории бастиона «Святой Владимир» Суворовской крепости в г. Тирасполе в 1992 году. Тирасполь. Личный архив И. А. Четверикова.
2. Антипенко Е. О. 1994. Отчет о полевых исследованиях Тираспольской новостроечной археологической экспедиции на территории бастиона «Святой Владимир» Суворовской крепости в г. Тирасполе в 1993 году. Тирасполь. Личный архив И. А. Четверикова.
3. Жабокрицкий М. Ф. 2006. Записки чекиста // Ежегодный исторический альманах Приднестровья. Вып. 10, с. 97–112.
4. Завод «Красный треугольник». http://www.telsispb.ru/history_triangle.htm.
5. Иченко В. В. 2004. Кто посылал на смерть // Ежегодный исторический альманах Приднестровья. Вып. 8, с. 96–105.
6. Кашу И. 2015. «Чистка» сотрудников НКВД Молдавской АССР после «Большого террора» 1937–1938 гг.: дело Ивана Тарасовича Широкого-Майского // З архівів ВУЧК, ГПУ, НКВД, КГБ. Київ-Харків, 2015, с. 142–178.
7. «Мелкашка» в СССР. <https://warhead.su/2018/11/30/melkashka-v-sssr-russkie-priklyucheniya-patrona-56-mm>
8. Немного о расстрелах узников тюрем НКВД летом 1941 г. <https://d-v-sokolov.livejournal.com/24321.html>
9. Приднестровье в годы ВОВ. <http://biofile.ru/his/31759.html>.
10. Револьвер Смирнского. <http://otvaga.net/revolver-smirnskogo>.
11. Через трупы врагов на благо народа. 2010. «Кулацкая операция» в Украинской ССР 1937–1941 гг.: 1937. Подготовка приказа 00447, первый этап «кулацкой операции». – Т. I. – Москва: РОСПЭН.
12. Четвериков И. А. 2017. Отчет о ходе эксгумации останков репрессированных в 1937–1938 гг. на бастионе «Святой Владимир» в июне–июле 2017 года. Тирасполь: Архив НИЛ «Археология» ПГУ им. Т. Г. Шевченко. Инв. № 24.
13. Четвериков И. А., Алферьева Л. П. 2017. Комплексное изучение материальных свидетельств «Большого террора» в МАССР (по результатам раскопок в Тирасполе в 1992–1994 гг. и 2017 г.) // Приднестровское наследие. Вып. 10, с. 90–111.
14. Long Rifle https://ru.wikipedia.org/wiki/.22_Long_Rifle.

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗ ИСТОРИИ ГОРОДОВ И СЕЛ ПРИДНЕСТРОВЬЯ

М. И. ГОНЧАРОВА, О. А. ПЕТРОВА. «Бендерская хрестоматия»: взгляд из 2019-го	3
С. Н. РАЗУМОВ, С. А. ФИДЕЛЬСКИЙ, И. А. ЧЕТВЕРИКОВ, С. О. СИМОНЕНКО. Реконструкция Юго-Восточной башни цитадели Бендерской крепости в XVIII в. (По данным археологических исследований)	7
А. Г. ТИХОНОВ. Бендерская старина: цикл краеведческих заметок. (Продолжение. Начало в № 16)	11
Н. А. РАЗУМОВА. Нательные кресты с голгофским сюжетом (Из собрания Музея археологии Поднестровья)	35
И. А. ЧЕТВЕРИКОВ. Православные надгробные стелы Приднестровья XVII– первой половины XIX в. (По материалам проекта «Имя на камне»)	47
А. П. ГОРНОСТАЛЬ. Киевец на Днестре. Городище у села Рашков?	69
В. А. ХОХЛОВ. История образования и развития Тираспольского пединститута в 1930–1945 гг.	75

75 ЛЕТ ОСВОБОЖДЕНИЯ ПРИДНЕСТРОВЬЯ ОТ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ

И. Н. КИПРИЯНОВА, А. Н. ОСАДЧАЯ. Память для потомков	83
О. В. УРСУЛ. Долгожданное освобождение	89
В. Н. ЧЕБАН, Н. А. БАЛАН. Тропой памяти	93
О. А. ЗАКОРДОНЕЦ. Человек, принесший мир на землю	99

30 ЛЕТ ОСТК

- А. З. ВОЛКОВА.** Начальный этап забастовочного движения в СССР в 1989 г.:
от экономики к политике 103
- А. З. ВОЛКОВА.** Политическая забастовка в Молдавской ССР (август–сентябрь 1989 г.):
причины, основные этапы и результаты 111

ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ И РЕЛИГИИ ПРИДНЕСТРОВЬЯ

- Е. И. БОНДАРЕНКО.** Место, где живет история (*К 190-летию со дня рождения*
А. Г. Рубинштейна и 25-летию Музея А. Г. Рубинштейна и истории с. Выхватинцы) 119
- Е. Н. ЕРЁМЕНКО.** «Хоть взглянуть на родную страну» (*К 130-летию со дня рождения*
А. Н. Вертинского) 125
- Д. С. ВЛАСОВА.** К столетнему юбилею народного артиста СССР Т. И. Гуртового 129
- М. П. ЗАЛОЖКОВА.** Источники и историография
истории Тираспольско-Дубоссарской епархии (1995–2019 гг.) 131

95 ЛЕТ ОБРАЗОВАНИЯ МАССР

- Л. А. МАРАРЕНКО.** Рыбница в годы образования и развития МАССР:
1924–1940 гг. 141

АРХЕОЛОГИЯ ПРИДНЕСТРОВЬЯ

- Е. Ф. ТАЩИ.** Археологическое изучение левобережного Поднестровья
в конце XVIII–XIX в. 147
- С. А. ФИДЕЛЬСКИЙ.** О киммерийских племенах в Приднестровье 157

С. О. СИМОНЕНКО. История изучения памятников сарматской культуры в левобережном Приднестровье	163
---	-----

ПРИДНЕСТРОВЬЕ В СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЯХ

Р. А. ТАТАРОВ. Национальные интересы и особенности их реализации во внешней политике Приднестровской Молдавской Республики	169
--	-----

П. А. ЗАЛОЖКОВ. Императорское Православное Палестинское Общество: от истории к современности	175
--	-----

А. С. ФРАНЦ. Физкультура и спорт в Приднестровской Молдавской Республике: организация управления и подготовки кадров	181
--	-----

МЕМОРИАЛ ПРИДНЕСТРОВЬЯ

И. А. ЧЕТВЕРИКОВ. Изучение некрополя Большого террора 1937–1938 гг. в г. Тирасполе (По материалам раскопок на бастионе «Св. Владимир»)	187
--	-----

Правила публикации в журнале «Исторический альманах Приднестровья»

Редакционная этика

- «Исторический альманах Приднестровья» допускает к публикации только оригинальные, не публиковавшиеся ранее материалы.

- Редакция осуществляет проверку работ при помощи программ «Антиплагиат». Оригинальность работы не может быть менее 75%.

- Неопубликованные материалы не будут использованы редакцией в личных или любых других целях.

Порядок работы с принимаемыми материалами

- Автор получает подтверждение о поступлении материала в редакцию. Редакция ведет переписку с автором или одним из авторов.

- В течение двух месяцев редакция сообщает автору о принятии или отклонении его материала, либо о необходимости доработок.

- Материалы принимаются по электронной почте на e-mail:

Синика Виталий Степанович – sinica80@mail.ru,

Симоненко Сергей Олегович – simon_mid@mail.ru.

Содержание статьи

1. Во вступительной части статьи обосновывается актуальность темы.

2. Дается краткий обзор того, что уже сделано по данной проблеме исследователями, насколько эта тема освещалась в литературе.

3. Изложение содержания статьи должно быть логически последовательным. Каждое положение статьи должно быть обосновано конкретным фактическим материалом со ссылками на источники и литературу.

4. Статья не должна быть перегружена однородным, малозначительным или случайным фактическим материалом.

5. Статья должна носить творческий, самостоятельный характер, должна исключать любую попытку плагиата. При использовании идей, мыслей, положений других авторов следует обязательно ссылаться на них.

6. Дискуссионные моменты, поднятые в статье, будут способствовать повышению ее научного уровня.

7. Представленная в печать научная работа должна заканчиваться выводами, к которым пришел автор, исследуя выбранную им тему.

8. К статье прилагаются краткие персональные сведения об авторах (ФИО, ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), место работы, электронный адрес).

Требования к оформлению статьи

1. Параметры оформления текста: формат листа – А-4 (210 х 297 мм), верхнее, нижнее и правое поля – 10 мм, левое поле – 30 мм, размер символа (кегель) – 14, межстрочный интервал – 1,5, гарнитура «Times New Roman».

2. Оформление ссылок в тексте и оформление списка литературы делается по следующим образцам:

Тип ссылки	Ссылка в тексте	Ссылка в списке литературы
Монография	(Синика, Разумов, Тельнов 2016: 88, 96–103, рис. 24: 1)	Синика В. С., Разумов С. Н., Тельнов Н. П. 2016. <i>Археологическое наследие Приднестровья</i> . Тирасполь: Полиграфист.
Монография в серии	(Синика, Разумов, Тельнов 2013: 47–49)	Синика В. С., Разумов С. Н., Тельнов Н. П. 2013. <i>Курганы у села Буторы</i> (Археологические памятники Приднестровья, I). Тирасполь: Полиграфист.
Глава в коллективной монографии	(Руссев 2002: 75)	Руссев Н. Д. 2002. Славяне, болгары и болгарское государство. В: Шорников П. М., Городенко А. П. (науч. ред.). <i>И... разошлись славяне по земле</i> . Кишинев: Высшая Антропологическая Школа, 67–131.
Глава в книге, написанная другим автором (предисловие, приложение и пр.)	(Попович 2008: 345)	Попович К. Ф. 2008. Время властвует над нами. В: Копанский Я. М. <i>Еврейское национальное движение в Бессарабии в межвоенный период (1918–1940 гг.)</i> . Кишинев: Высшая Антропологическая Школа, 343–351.
Статья в продолжающемся издании	(Алферьева 2018: 159)	Алферьева Л. П. 2018. Русские военные священники как жертвы политических репрессий. <i>Исторический альманах Приднестровья</i> . 16, 156–165.
Статья в периодическом издании	(Синика 2007: 173, рис. 2: 1)	Синика В. С. 2007. Скифский курганный могильник у пгт. Суворово на правом берегу нижнего Днестра. <i>Российская археология</i> (4), 170–179.
Статья в сборнике	(Синика, Тельнов 2018: 260)	Синика В. С., Тельнов Н. П. 2018. Скифский курган 116 первой половины III в. до н.э. у с. Глиное. В: Синика В. С., Рабинович Р. А. (отв. ред.). <i>Древности. Исследования и проблемы</i> . Сб. статей в честь 70-летия Н. П. Тельнова. Кишинев–Тирасполь: Stratum plus, 223–266.
Материалы конференции	(Винокурова 2003: 158)	Винокурова И. Ю. 2003. Вепская этнозоологическая классификация змей и севернорусские параллели. В: Иванова Т. Г. (ред.). <i>Локальные традиции в народной культуре Русского Севера</i> . Мат-лы IV Междунар. конф. «Рябининские чтения–2003». Петрозаводск: Музей-заповедник «Кижи», 157–159.

Статья без указания автора	(Героический... 1993)	Героический... 1993: Героический поступок. <i>Днестровская правда</i> . 12.04.1993, 35.
Ссылка на Web-сайт без указания автора	(Bosporan-kingdom. com: 4)	Bosporan-kingdom.com: 4: Монета 371–4081–16. URL: http: // bosporan-kingdom.com / 371–4081 / 16.html . Дата обращения 01.04.2015.
Ссылка на архивный документ	(РГАКФД, к/ф 5019, ч. II); (РГИА, ф. 1343, оп. 15, д. 133)	-

3. Вместе с текстом статьи автор предоставляет в редакцию список принятых сокращений, использованных в статье.

4. Каждое графическое изображение (рисунок, фотография), прилагаемое к статье, должно иметь разрешение не менее 300 dpi.

На каждое изображение в тексте статьи должна быть отсылка, например, (*рис. 1*) или (*рис. 2: 1*).

Отдельным файлом в редакцию присылается список подрисуночных подписей.

Научное и общественно-политическое издание

**ИСТОРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ ПРИДНЕСТРОВЬЯ
№ 17 (2019)**

Верстка и техническое оформление *М.Н. Грибиненко*
Корректоры: *О.Ю. Ершова, Ю.С. Якунина, Г.И. Гетманская*

Подписано в печать 24.12. 2019 г.

Бумага офсетная. Формат 84x108/16. Гарнитура School. Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,26.
Тираж 320 экз. Заказ 2913.

ГУИПП «Бендерская типография «Полиграфист»
Государственной службы средств массовой информации ПМР,
3200, г. Бендеры, ул. Пушкина, 52.

**Зеркало с изображением сфинксов
и благопожелательной надписью второй половины
XIV – начала XV в. из раскопок Днестровской
археологической экспедиции у с. Глиное
Слободзейского района в 2018 г.**

**Славы и долголетия,
достоинства и великолепия,
возвышения и хвалы,
могущества и почёта,
достояния и прибытка,
силы и многих благ...**

*Перевод надписи
на зеркале*

**ИСТОРИЧЕСКИЙ
АЛЬМАНАХ
ПРИДНЕСТРОВЬЯ**

17/2019